

Проф М. И. БОГОЛЕПОВ

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ

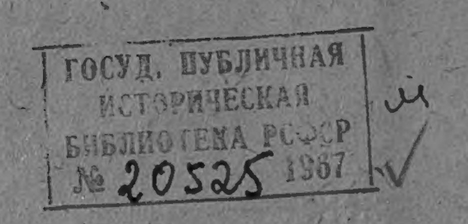
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО"
Петербург — 1922 — Москва

Проф. М. И. БОГОЛЕПОВ

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ

СОДЕРЖАНИЕ.

Центральное Товарищество
„КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО"
Петербург — 1922 — Москва

1-я Гос. уч.-пр. шк.-тип. Красная, 1. 5000 экз. Р. Ц. № 235.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книга написана для широкой читательской среды и имеет своею главною задачей познакомить с основными законами, фактами и политикой денежного обращения, не прибегая к чисто теоретическому изложению, а представляя их на исторических опытах из жизни различных народов. Книга дает сведения о трех возможных результатах бумажно-денежного хозяйства—об аннулировании бумажных денег, поднятии их курса до паритета с золотом и о девальвации их номинальной стоимости.

Современный опыт с бумажными деньгами не затрагивается в книге. Он заслуживает самостоятельной обработки. Но законы денежного обращения пока остались неизменными, и чтение настоящей книги,—мы надеемся,—даст необходимый ключ к уразумению современного бумажно-денежного наводнения. Мы позволим себе указать читателю на другую нашу книгу—о „валютном хаосе",—в которой затронута современная бумажноденежная проблема в международной перспективе. Только что указанная нами другая книга является некоторым дополнением к настоящей книге.

„Бумажные деньги в истории народов" подготовлялись в качестве одной из книг кооперативной Финансово-экономической Библиотеки, которая должна была выходить под редакцией покойного *проф. Михаила Исидоровича Фридмана.* Рукопись была им прочитана и одобрена к печати. Но редактор, к глубокому огорчению всех друзей русской науки, неожиданно на веки смежил свои очи. *Светлой памяти выдающегося русского экономиста и самого близкого своего друга автор посвящает эту книгу.*

Проф. М. Боголепов.

5 марта 1922 г.
Петроград.

I.

Общее понятие о деньгах.

В задачу настоящей книги не входит изложение теории денежного обращения или законов денежного обращения. Задача книги гораздо уже: она заключается в том, чтобы показать читателю, каким образом различные народы нашей эпохи выходили из того тяжелого положения, в которое они сами ставили себя, когда, под влиянием финансовой нужды, они вынуждались портить свои денежные системы. Здесь нам хотелось бы дать краткое изложение лишь некоторых общих понятий о бумажных деньгах и выяснить некоторые термины для тех читателей, которые в этом ощущают потребность.

Владеет ли наука тайной денежного обращения? Установлены ли бесспорные законы денежного обращения, знание которых способно направить денежную политику по правильной дороге?

Более ста лет тому назад один из величайших представителей экономической мысли, Давид Рикардо, писал: „о денежном обращении писали уже так много, что из всех лиц, занимавшихся вопросами этого рода, разве только одни предубежденные не знают истинных его законов“ [1]). Со времени Рикардо о денежном обращении писали еще больше, нежели в XVIII веке. Литература о деньгах сделалась почти необозримой. Но, тем не менее, вряд ли можно ныне повторить приведенные выше слова Давида Рикардо. Научная теория денег нашего времени неоднократно подвергалась критическому пересмотру, в результате которого господствующая теория денежного обращения получила несколько ощутительных ударов, но новой, бесспорной в принципе и в деталях теории денег не создано.

Такое положение вещей, конечно, не означает того, что наука осталась при разбитом корыте. Нет, в области денежного обращения, усилиями коллективной научной мысли на протяжении трех столетий, пролит сильный свет, освещающий вопрос со всех сторон. Можно сказать, что экономические законы, управляющие денежным обращением, изучены лучше, нежели по отношению к какой-либо другой области народно-хозяйственной действительности. Затруднения научной мысли выразились, главным образом, в том, что она оказалась до сих пор не в силах создать, так сказать, абсолютную теорию денег, граничащую с философией денег, т.-е. такую теорию, которая годилась бы

---

[1]) *Д. Рикардо.* Начала политической экономии и податного обложения. Глава XXVII.

для всех времен и при всех условиях. Наука не дала своего определения существа денег. В этом, конечно, заключается большое неудобство, но оно не мешает научному анализу вскрывать исторические факты денежного обращения и, во всяком случае, оно не мешает экономической политике с большим вниманием прислушиваться к голосу науки при решении практических проблем в сфере денежного обращения.

Гораздо хуже обстоит дело с общественным мнением в области денежного обращения. В особенности это нужно сказать по отношению к общественному мнению таких стран, в которых экономические сведения не пользуются большим распространением и,—следует сказать правду,—большим уважением. В таких странах неприкрашенное невежество часто ложится в основу общественных приговоров по целому ряду существенных экономических вопросов.

Стоит указать на одно мнение, которое приходится то и дело слышать в настоящее время,—мнение, родившееся на почве наблюдения необычайного наводнения мира денежными знаками. Из того факта, что война почти повсюду испортила денежные системы, и что повсюду наблюдается эта страшная по своим влияниям и последствиям бумажно-денежная водянка, делают легкомысленный вывод, что после такого опыта с деньгами, произведенного в мировом масштабе, законы денежного обращения как-то изменились, и что, в конце-концов, придется выработать какие-то новые деньги и опереть их на какие-то новые основания. Более подробных указаний относительно причин, отменивших старые законы денежного обращения, а тем более относительно новых законов и новых форм для бумажных денег не дают.

Деньги—безусловно историческая категория, т.-е. факт, подверженный изменениям на протяжении протекающих столетий, в связи с глубокими изменениями в народнохозяйственном строе. Поэтому,—думается нам,—никогда не удастся построить абсолютной теории денег, т.-е. такой теории, которая была бы способна отбросить особенности исторической эпохи, как ненужную, случайную шелуху, и исходить в своем построении из существа денег. Но в то же время самый факт ужасной порчи денег, взятый безотносительно сам по себе, не создает никакого основания для глубоких изменений в природе денег. Деньги изменились бы и без такой невиданной порчи, если бы существенно изменился народнохозяйственный строй, и наоборот—деньги не изменятся, хотя бы они были испорчены еще более, нежели ныне, если бы не изменились самые основы народнохозяйственной действительности. В настоящее время можно установить с полной бесспорностью только одно большое изменение в народном хозяйстве любой воевавшей страны и целого ряда нейтральных стран, занимавшихся поставками на войну. В этих странах количество народнохозяйственных благ страшно сократилось, рынки, для которых существуют деньги, расстроены в обоих основных направлениях: и в смысле рыночных запасов, этих регуляторов цен, и в смысле движения товаров,—что, в общем результате, привело к настоящей анархии в процессе образования цен. В то же время количество бумажных денег увеличилось в таких размерах, которые способны

поразить самое живое воображение. Такое необычайное расхождение между количествами материальных ценностей и массами денежных знаков, при наличности расстроенных товарных рынков, ставит денежное обращение в условия совершенно оригинальные, и так называемые законы денежного обращения, установленные на основании анализа нормальных условий, конечно, в данном случае молчат и бездействуют. В денежном обращении наблюдается своего рода болезненное состояние, подчиняющееся своим законам, подобно тому, как и животный организм, пораженный сильною болезнью, переживает совершенно своеобразное состояние, далекое от нормы обычной физиологии, что выражается в особом пульсе, в особой температуре и т. д. Во время болезни в организме борются два начала: одно из них является основою здоровья, другое—смерти. Такую же картину мы наблюдаем и в области денежного обращения во время периода его острого „заболевания“.

Утверждать, что после такого заболевания деньги получат новое бытие, можно, конечно, только в том случае, если доказуемо положение, что после страшного потрясения, испытанного во время войны народным хозяйством, оно выйдет на совершенно новую дорогу в своем дальнейшем развитии. Деньги во всем разделят судьбу народного хозяйства. Но если в основах народного хозяйства принципиальных изменений не произойдет, перемены же коснутся только количественных отношений и некоторых форм хозяйственного быта, то существо денег, как бы ни были они испорчены, останется неизменным.

Но в такие эпохи, когда обстоятельства принуждают государственную власть относиться к деньгам очень легко, когда деньги портятся изо дня в день, и этой порчей как бы разрешаются самые сложные финансовые вопросы,—в такие эпохи народно-хозяйственная действительность в глазах общества застилается вредоносным маревом бумажных денег. На зыбкой болотистой почве бумажных денег отдельные лица и даже целые общественные группы способны построить свое благополучие. В такие эпохи, как правило, создается восприимчивая почва для различных увлечений в области бумажно-денежного вопроса, вызывающих искаженные представления о деньгах не только в широких кругах населения, но и у тех научных деятелей, которые по различным соображениям вторят невежественному общественному мнению. „Невежественному человеку деньги кажутся таинственным символом универсального богатства, и он легко очаровывается планом, обещающим ему увеличение богатства. На него неотразимо действует тот факт, что идеальные деньги могут быть изготовлены на печатном станке. Когда теоретик рассказывает ему, что такие деньги лучше золота и серебра, а политик уверяет его, что эти деньги поднимут его заработок, он отдает ему свой голос. Полученный таким манером голос,—вечно присущая опасность демократии,—откроет не портал Утопии, а шлюзы финансового хаоса“ [1]).

---

[1]) *J. F. Johnson.* Money and currency in relation to industry, prices, and the rate of interest. Boston. 1905 Стр. 313.

Главным источником всяческих заблуждений в широких слоях населения относительно денег можно считать смешение двух точек зрения на деньги—частнохозяйственной и народнохозяйственной. С частнохозяйственной точки зрения деньги являются богатством, в них заключены права обладателя денег на различные материальные ценности, находящиеся в чужих руках. С точки же зрения всего народного хозяйства деньги, конечно, не являются богатством и ничего к богатству нации не прибавляют. Это стало особенно ясно после войны, когда, напр., русская нация сделалась обладателем необозримого количества денежных знаков и в то же время впала в условия настоящей неприглядной нищеты. Когда же беднеет нация, то это означает, что количество экономических благ, находящихся в ее распоряжении, страшно сокращается, а в то же время деньги в частных руках, частные денежные богатства, ценные постольку, поскольку они во всякое время могут быть обращены в товары, равным образом, утрачивают значительные части своей ценности, что обнаруживает иллюзорность их, как представителей богатства. Такая утрата ценностей во всем подобна утрате ценности векселями, выданными некогда богатым, а ныне разорившимся хозяином своим многочисленным кредиторам. Когда хозяин был богат, то каждый выписанный в его векселе рубль действительно стоил рубль, и это происходило потому, что в имуществе должника было так много ценностей, что вексельные рубли свободно могли быть обращены в равноценную массу хозяйственных ценностей. Когда же хозяин разорился, т.-е. количество находившихся в его распоряжении ценностей уменьшилось почти до нуля, то и его обязательства приблизились в своей ценности почти к такой же цифре. Поэтому по подобным векселям кредиторы склонны получить, напр., по гривеннику за рубль, а часто вексель превращается в простую бумагу. То же самое случается и с деньгами, как выразителями частного богатства. Было время, когда за две копейки можно было получить фунт черного хлеба, а настало такое время, когда за этот фунт нужно отдать неизмеримо бо́льшую сумму денег. Если частный человек сумел так устроить свои дела, что он при изменившихся условиях стал получать денег неизмеримо больше, нежели прежде, то его положение не изменится, его права на товарные ценности останутся в прежнем объеме; но ясно, что таких счастливых людей во всей стране не наберется очень много. Таким образом, если продумать до конца значение денег с частно-хозяйственной точки зрения, то и тут придется сказать, что если это и богатство, то довольно условное, легко могущее оказаться призрачным. Не будет большой разницы, если деньги сделаны из драгоценного металла. При истощении всех других народнохозяйственных ценностей и при увеличении золотых денег, в общем, получится то же самое положение, что и при бумажных деньгах, различие сведется только к масштабу: золото опирается на международный рынок, поэтому ответчиком по золоту является мировое хозяйство. Но если мировая война опустошает весь мир, то и золото разделяет судьбу бумажных денег, ибо золото само по себе имеет слишком скромную потребительскую ценность.

Когда встает вопрос о деньгах, то обыкновенно думают и говорят о безличных деньгах, т.-е. не называют их ни золотыми, ни бумажными. Одно из этих прилагательных подразумевается само собою. Так, напр., в настоящее время говорящие о деньгах обычно имеют в виду, конечно, бумажные деньги, так как золотые деньги в большинстве стран превратились в товар. В жизни всегда имеется достаточное разнообразие денежных знаков, так что деньги представлены в своих конкретных формах довольно пестро. Но эта пестрота и многообразие денежных знаков нисколько не затемняет вопроса о том, что же, в конце концов, следует считать настоящими деньгами, и что их суррогатами или представителями. Среди значительного количества форм денежных знаков все довольно легко отличают, так сказать, настоящие деньги, которые в науке принято называть валютными.

Валютными называются такие деньги, которые, в силу закона, являются всеобщим платежным средством. Всякое обязательство между частными лицами, между частными лицами и казною погашается при помощи таких денег, которые для данной цели указаны в специальном законе. В данном случае безразлично, из какого материала сделаны валютные деньги—из благородного ли металла, напр., из золота, или они приготовлены из бумаги. Раз деньги, сделанные из бумаги, получают значение валютных, то повсеместно на них ведется счет, в них выражаются цены всех других товаров, и по отношению к ним устанавливается курс (цена) всех других денежных знаков, напр.,—сделанных из золота. В роли валютных денег выступали самые разнообразные сорта денежных знаков. Напр., в истории России на протяжении XIX века сменялись валюты—медная, бумажная, серебряная и золотая. Когда в 1914 году вспыхнула война, то первым ее последствием была смена валюты: всеобщим платежным средством стал бумажный рубль, т.-е. водворилась бумажная валюта; золотая же валюта растаяла в воздухе, и золотые монеты получили товарную цену, выраженную в бумажных рублях. Так, напр., золотая монета в пять рублей стала стоить (получила курс) сначала шесть рублей бумажными деньгами, потом 10 руб., 30 руб., 50 руб., затем многие тысячи рублей и выше.

Из сказанного видно, что валюта получает свое название в зависимости от того, из какого материала сделаны денежные знаки, получившие по закону силу всеобщего платежного средства. Мы имели золотую валюту, когда валютными деньгами были золотые монеты. Теперь в России и во многих других странах существует бумажная валюта.

Валюта имеет свою валютную единицу, которую принято называть денежной единицей. Денежной единицей называется тот валютный денежный знак, который сначала по обычаю, а затем по закону признается условной единицей сравнения для всех остальных денежных знаков той же валюты. В России с давних времен денежной единицей является рубль. В России были золотые, серебряные и бумажные рубли. Условность этой единицы ясна из того, что на протяжении столетий рублем назывались далеко не одинаковые количества материальных ценностей. Иногда же рублем—при бумажной валюте—

называется цветной лоскуток бумаги. При золотой валюте рублем называлась такая условная единица, которая существовала идеально, так как золотой монеты в один рубль на самом деле не чеканили. Было только установлено, что золотой рубль содержит 17,424 долей чистого золота. Все денежные знаки выражаются в избранной законом условной единице, все товарные цены и все курсы денег иной валюты выражаются опять-таки в этой же валютной единице. Одним словом, это—денежный аршин, на который все измеряется. Если этот „аршин" по временам делается короче, то такое его сокращение вызывает всеобщее в данной стране изменение цен.

Движение денежных знаков из одних касс в другие, из одних рук в другие, обращение денег в товары и обратно, скапливание денег и новое рассеяние их по различным рукам и кассам называется денежным обращением, которое имеет свои законы и в общем подчиняется народнохозяйственному обороту и в большой степени зависит от устройства в стране кредитной, т.-е. банковой, системы и от организации расчетных отношений. В обращении имеются не только валютные деньги, но и различные представители денег, напр., банковые билеты, разменные знаки, а также суррогаты денег, напр., чеки, векселя, купоны от процентных бумаг и т. д. Все то, что по закону или обычаю обращается в стране в качестве денежных знаков, составляет так называемую систему денежного обращения. В этой системе в качестве всеобщего знаменателя являются валютные деньги, т.-е., в конце концов, все представители денег и все денежные суррогаты (заместители) определяются в своей цене по счету валютной денежной единицы.

Бумажные деньги, т.-е. деньги, сделанные из бумаги, будут настоящими валютными деньгами только в том случае, если в стране существует закон, присвоивший таким деньгам силу всеобщего обязательного платежного средства и снабдивший их так называемым принудительным курсом, т.-е. принудительною ценою: каждый, в том числе и само государство, обязан принимать такие деньги по такой цене, какая установлена законом, обыкновенно, по номинальной цене. Если на лоскутке бумаги напечатано „1 рубль", то все обязаны этот знак принимать за рубль. И если все находят, что бумажный рубль потерпел значительный ущерб в своей ценности, то все-таки его принимают за рубль, но поднимают по отношению к нему цену всех других товаров. Денежная единица делается уменьшенной в своей внутренней ценности, но номинально она сохраняет свое прежнее название, повсюду она принимается за ее номинал (ее название). Но деньги, сделанные из бумаги, имеют хождение не только в том случае, когда в стране существует бумажная валюта; такие деньги ходят в очень больших количествах при наличности металлической валюты, когда все цены, в том числе и цены (курсы) денег, сделанных из бумаги, определяются на металлическую денежную единицу, напр., на золотой рубль. У нас, в России, в краткий период господства золотой валюты (1896—1914 г.г.) в большом ходу были бумажные денежные знаки

под названием „государственный кредитный билет". Билетов было в обращении гораздо больше, нежели золотых монет. Но в силу того, что государственный банк, чрез который выпускались в обращение государственные кредитные билеты, был обязан—и действительно имел к тому полную возможность—разменивать кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы, то подобные билеты уже не являлись в настоящем смысле слова бумажными деньгами. Их удобнее называть кредитными деньгами, так как их хождение, их обращение (циркуляция) покоится на всеобщем доверии к возможности всегдашнего их размена на золото.

Настоящие бумажные деньги, т.-е. валютные деньги, неразменные на золото или серебро, снабженные принудительным курсом, могут быть выпущены самим государством чрез посредство государственного казначейства или государственного эмиссионого (выпускающего) банка или они могут быть выпущены частным эмиссионным банком. В первом случае дело обстоит очень просто. Государство от своего имени выпускает бумажно-денежные знаки, причем оно одинаково может выпустить их и для народнохозяйственных нужд,—в данном случае такой выпуск уподобляется чеканке монеты,—или оно выпускает их под давлением финансовой нужды для покрытия своих расходов, используя при этом покупательную силу денег для нужд государственного казначейства. Во втором случае, когда настоящие бумажные деньги выпускаются частным банком, дело обстоит несколько сложнее. В нормальное время частный эмиссионый банк выпускает свои билеты, обыкновенно называемые банкнотами, для удовлетворения торговопромышленного оборота в денежных средствах. Билет частного банка в таком случае обеспечивается, с одной стороны, самим банком, который обязуется, по пред'явлении его, разменять его на законные в стране деньги; с другой стороны, билет обеспечивается теми лицами и предприятиями, которые берут его в ссуду для производства при помощи таких билетов различных торговопромышленных операций. Такое обеспечение выдается в форме краткосрочных торговых обязательств, напр., векселей.

Правительство, испытывая финансовую нужду, во время дорого стоющей войны, вместо того, чтобы печатать собственные бумажные деньги, обычно обращается в частный эмиссионный банк с просьбой о ссуде больших сумм банковыми билетами, предлагая банку в качестве обеспечения ссуд государственные векселя (обязательства казначейства). Так как во время войны и вскоре по окончании ее правительство обыкновенно не располагает возможностью быстро погасить свой долг банку, то подобные правительственные займы в частных эмиссионных банках, как правило, превращаются в долгосрочные, что находится в прямом противоречии с банковым устройством и резко нарушает его хозяйственную жизнь. Выпустив для удовлетворения правительственных фискальных нужд большие количества своих банковых билетов, которые быстро рассеиваются по всей стране, банк сразу лишается возможности выполнить основное свое обещание по поводу билетов, именно, он

лишается возможности всегда, по первому требованию, разменивать их на металлические деньги. Бывает и так, что, одновременно с займом билетами, правительство занимает в банке и металлом для производства своих расходов за границей.

Выдача правительству больших и долгосрочных ссуд банковыми билетами ставит частный эмиссионный банк в крайне затруднительное положение относительно размена билетов. В таких условиях банк может оказаться банкротом на другой же день, как только публика узнает, что банк выпустил громадное количество своих билетов без всякого достодолжного покрытия их и без возможности разменять их на золото. Все кинутся в банк разменивать свои билеты на золото, и банк в несколько дней окажется настоящим банкротом.

В таких случаях государство, занимая в эмиссионном банке большие суммы билетами, одновременно издает закон, освобождающий банк от обязательства разменивать банкноты на золото. Банкноты частного банка делаются неразменными. Но неразменных банкнот никто не хочет брать, банкноты обращались на кредитном основании, на доверии населения к тому, что банк разменяет их на золото в любой момент. Для того, чтобы предотвратить отказы населения принимать неразменные банкноты, правительство вынуждается пойти и на другую меру, именно, оно издает закон, снабжающий банкноты частного банка принудительным курсом. Таким образом, банкноты превращаются в настоящие бумажные деньги.

В это время в стране получается два вида настоящих денег. С одной стороны, полноценные деньги, на которые постоянно разменивались банкноты, с другой—неразменные банкноты с принудительным курсом. Получается как бы раздвоившаяся валюта. При таком положении денежного обращения немедленно обнаруживает свое действие экономический закон, которому подчинятся денежное обращение. Этот закон известен под именем закона Грэшама.

Сэр Томас Грэшам (Gresham, 1519 — 1579 г.) дал свое имя этому научному закону потому, что он первый совершенно отчетливо его формулировал, хотя нужно сказать, что эта истина была известна ученым задолго до него. Грэшам был богатым лондонским купцом, участником крупных торговых предприятий своего времени, строителем знаменитой лондонской биржи, финансовым советником английских королей, за что носил название „королевского купца". Он оставил свой след в истории английского государственного кредита, как организатор настоящих государственных займов. Вращаясь постоянно в денежном мире, Грэшам наблюдал обращение разнокачественных монет и пришел к следующему выводу:

Деньги худшего качества вытесняют из обращения деньги лучшего качества.

Грэшам формулировал свое положение по отношению к металлическим монетам, из которых все имели обязательную силу хождения, но не все были одинаковой ценности: некоторые были попорчены, т.-е. имели уменьшенный вес благородного металла. При таком положении

наиболее легкие монеты вытесняют из обращения лучшие деньги. Это, конечно, вполне естественно, так как каждый стремится сбыть с рук худшую монету, оставив себе лучшую. Разумеется, закон Грэшама проявляется при одном непременном условии,—если в обращении имеется достаточное количество худших денег, способное удовлетворить всю потребность страны в средствах обращения.

Закон Грэшама проявляет свое действие и при бумажных деньгах, когда имеются в наличности две валюты: металлическая и бумажная, снабжённая по закону обязательной силой, т.-е. приравненная к металлическим деньгам. Всякий знает, что бумажные деньги хуже полноценного золота, и всякий припрячет золото и будет расплачиваться бумажноденежными знаками. Все помнят, с какою быстротою спряталась в России металлическая монета, в особенности золото, в самом начале войны, как только государственный банк прекратил размен своих билетов на золото, и кредитные билеты сделались валютными бумажными деньгами. Если же в стране обращаются металлические деньги и на ряду с ними обесцененные бумажные деньги, но последние не имеют принудительного курса, а лишь только свободный биржевой курс в отношении к металлическим, то вполне возможно параллельное обращение обоих валют. Здесь закон Грэшама не проявляет своего действия.

Совершенно иначе обстоит дело с денежными знаками, сделанными из бумаги, когда они ходят в стране не на основании принудительного курса, а на основании всеобщего доверия к тому, что в любое время такие деньги могут быть обменены на золото. Такие деньги можно назвать кредитными. Их роль сводится к тому, что они дополняют систему денежного обращения и свою силу получают постольку, поскольку они разменны на валютные металлические деньги. Таким образом, в данном случае не наблюдается раздвоения валюты, валюта—одна, но она представлена непосредственно металлическими деньгами и посредственно—кредитными знаками. При таких условиях закон Грэшама не обнаруживает и не может обнаруживать своего действия. Наоборот, хотя все знают, что золотая монета лучше бумажного знака, но большинство предпочитает иметь на руках бумажные знаки вместо золотых монет, так как это несравненно удобнее. В данном отношении история денег дает весьма любопытные свидетельства. В стране, где обращаются только настоящие бумажные деньги с принудительным курсом, все ищут золотых монет, чтобы застраховать себя от обесценения бумажных денег. Золото поднимается в своей цене, водворяется настоящая золотая спекуляция. Но вот стране удалось ликвидировать бумажноденежный режим, издается закон, по которому все бумажные знаки беспрепятственно размениваются на золото, и все убеждены в прочности нового порядка вещей. И что-же? Никто не бежит в разменную кассу менять свои билеты на золотые, хотя, может быть, вчера многие об этом только и думали. Кредитные деньги из бумаги для всех технически удобнее полноценных золотых монет.

Кредитные деньги не имеют своей валюты, они живут отраженным светом настоящей и единой валюты, поэтому кредитные деньги не имеют принудительного курса. В некоторых случаях кредитные деньги, сделанные из бумаги, имеют так называемый *легальный курс*, т.-е. они могут, в силу закона, выполнять функцию законного платежного средства. Легальным курсом пользовались до войны наши государственные кредитные билеты, разменные на золото, о чем и печаталось на самых билетах: „государственные кредитные билеты имеют хождение по всей империи наравне с золотою монетою". Это и есть легальный курс кредитных денег. Наконец, кредитные деньги, разменные на золото, могут иметь кассовый курс, что означает, что данные денежные знаки принимаются без ограничения суммы или с некоторым ограничением в правительственные кассы, когда частные лица погашают свои обязательства перед казною, напр., при платеже податей. Могут существовать кредитные деньги, выпущенные государством без обязательства разменивать их на золото, но с обязательством принимать их в государственные кассы; в частных платежах прием таких денег не обязателен, т.-е. такие деньги ходят без легального курса.

Кроме государственных кредитных денег, могут быть, как было сказано выше, частные кредитные деньги, выпущенные частными эмиссионными банками. Такие денежные знаки обыкновенно называются банкнотами, банковыми билетами. Эти знаки, в свою очередь, могут от государства получить легальный или кассовый курс и в особых случаях, как было указано выше, даже принудительный курс, что делает их настоящими бумажными деньгами.

К этому разнообразному ассортименту различных денежных знаков следует добавить еще разменные (мелкие) деньги, которые обыкновенно делаются из серебра, меди и никкеля. Такие деньги не имеют полной внутренней ценности, они в полной мере подпадают под категорию кредитных денег, и тот факт, что они сделаны из металла, об'ясняется желанием сделать их более практичными и удобными для населения.

Система денежного обращения представляет собою совокупность различного вида денежных знаков. Такая система обыкновенно вырастает исторически, без какого либо плана, и часто она совсем не отвечает началам целесообразности и совсем не имеет права на рациональное оправдание ее законами денежного обращения. Важно, чтобы в полном порядке были валютные деньги, все же остальные приспособляются к валюте и часто помогают ей в несении важных народнохозяйственных функций.

По отношению к кредитным деньгам, дополняющим валютные деньги, нужно иметь в виду следующее: когда в стране воцаряется бумажная валюта, то все виды кредитных денег, поскольку они существовали в стране, этим самым фактом уподобляются бумажным деньгам, так как они теряют возможность обмениваться на золото. Поэтому кредитные деньги в такой момент увеличивают собою массу бумажных денег.

Ценность вещей познается через сравнение. Когда в Соединенных Штатах Северной Америки после гражданской войны восстановили золотое обращение, то фермеры, сделавшие большие долги дешевыми деньгами и вынужденные отдавать их дорогими, были, разумеется, недовольны новым порядком вещей, поставившим их в невыгодное положение. Один фермер пришел однажды купить в магазине пару платья. „Это—самое дешевое платье, какое когда-либо вы покупали“,—сказал ему приказчик магазина „О нет,—ответил фермер,—это платье стоит мне 20 бушелей пшеницы. Я никогда раньше не платил за пару платья больше 15 бушелей“. Вот каким приемом американский фермер измерил ценность платья. В 1918 году один русский крестьянин заявил нам, что сейчас, когда вся страна жалуется на страшную дороговизну, ему лично вести хозяйство „очень дешево“. Он купил сеялку за 1.000 рублей, другую машину за 2.000 руб. „Ведь, это я купил одну машину за четыре пуда ржи, другую—за восемь пудов ржи. Никогда так дешево я не пополнял своего хозяйства машинами“. Вот еще одно сравнение, уясняющее ценность денег.

Каким же сравнением можно определять ценность денег? И о какой ценности денег может идти речь?

Деньги можно сравнивать различно. Разные виды денег можно сравнивать между собою. Из предшествующего должно быть ясно, что сравнивать можно только разновалютные деньги, напр., бумажные деньги с металлическими,—с золотыми или серебряными. Русские деньги можно сравнивать с иностранными. И наконец, всякие деньги можно сравнивать с ценностью всех других товаров. Разумеется, что из всех этих сравнений мы получим различные выводы. В первом случае мы получим сведения о курсе одной валюты против другой, во втором—о курсе наших денег по отношению к иностранной валюте или о цене иностранной валюты в наших деньгах, и, наконец, в третьем случае мы получим сведения об общей ценности денег в отношении всех других товаров, или, можно сказать, о покупательной силе денег вообще. Разумеется, если в стране имеются две валюты, то покупательная сила денег может быть определена только по отношению к каждой валюте в отдельности. То, что очень дорого покупается на бумажные деньги, может быть дешево куплено за золото. Если цены *всех* товаров идут вверх, то это означает, что деньги дешевеют, т.-е. сокращается их покупательная сила. Если же в стране имеются две валюты, и товарные цены повышаются только в счете на одну валюту, а на другую остаются без изменения, то это означает, что дешевеют только деньги одной категории, что неминуемо должно отразиться на взаимоотношении обоих валют.

Исторически, бумажные деньги появились после металлических и поэтому они носят наименование, взятое от металлических монетных единиц. Мы говорим о „бумажном рубле“, о „бумажном франке“ и т. д. Весьма нередко бумажные деньги совершенно вытесняют металлические. Обыкновенно, если в стране начинают обращаться бумажные деньги,

снабженные принудительным курсом, то по добровольному уговору, так сказать, по свободному курсу, обращаются металлические деньги, напр., золотые монеты. Наконец, когда страна переходит на бумажные деньги, то такое состояние считается временным, и все думают, что бумажные деньги так или иначе, в конце концов, будут уничтожены и заменены металлической валютой. По всем этим основаниям в стране всегда ощущается особое тяготение к металлическим деньгам, что способствует образованию цены золота в бумажных деньгах или обратно — цены бумажных денег в золоте. Мы говорим о курсе бумажных денег, т.-е. о цене их в золоте, или о курсе золота, т.-е. цене золота в бумажных деньгах.

Бумажные деньги выпускаются с названием, заимствованным от металлической денежной единицы, в предположении, что бумажный рубль равен золотому. Такое предположение основывается на том, что правительство, выпускающее бумажные деньги, обыкновенно обязуется с течением времени оплатить все бумажные деньги золотом. Теоретически можно предположить такое положение вещей, когда бумажная единица будет обращаться по одному и тому же курсу с металлической (курс al pari). Но в действительности такой паритет (parité — равенство) наблюдается чрезвычайно редко, разве только в самом начале бумажно-денежного периода. Нужны среди других три главных и непременных условия для того, чтобы бумажные деньги удержали паритет с металлическими. Первое условие заключается в том, чтобы кредит правительства или учреждения, по поручению правительства выпускающего бумажные деньги, был непоколебим, чтобы к правительству и эмиссионному банку все испытывали бы самое прочное доверие. Второе условие заключается в том, чтобы бумажные деньги выпускались в размерах, строго согласованных с потребностями в денежных знаках со стороны народного хозяйства. Ясно, что правительство, выпускающее бумажные деньги, уже тем самым как бы само указывает на недостаточность своего кредита (принудительный курс); во-вторых, если правительство выпускает бумажные деньги, то оно делает это ради финансовой, а не экономической потребности. Но если даже допустить, что страна находится в идеальных условиях: правительство пользуется прочным, как адамант, кредитом, и бумажные деньги выпускаются только ради удовлетворения народно-хозяйственных нужд, — то требуется также третье условие: именно, чтобы страна одновременно не испытывала напряженной потребности в металлических деньгах для покрытия своих платежей за границу. Если заграничные платежи покрываются свободно, или если страна имеет положительный расчетный баланс, т.-е. получает с заграницы более, нежели сколько она туда платит, то бумажные деньги способны удержаться на паритете по отношению к золоту. Если же золото ищут для отправки заграницу, то легко возникает такое состояние рынка, когда за золото начинают давать надбавку в бумажных деньгах.

Историческая действительность говорит нам о том, что бумажные деньги, как правило, всегда обесцениваются по отношению к золоту.

Это обесценение выражается в том, что сегодня начинают давать за золотник золота или за золотую монету большее количество бумажных денег, нежели вчера. Тогда говорят, что золото ходит с лажем, или что золото получило премию, т. е. надбавку в бумажных деньгах. Лаж—франко-итальянское слово „l'agio", имеющее различное значение и употребляющееся в разных случаях. В области денег „лаж", или „ажио", означает надбавку против паритета в цене золота, выраженной в бумажных деньгах [1]). Эту надбавку во Франции называют prime, в Англии—premium. Поэтому такую надбавку и в России называют разнообразными терминами: лажем, ажио, премией, причем все эти три слова обозначают одно и то же явление. Наоборот, если выражают цену бумажной денежной единицы в металле, если считают на золото, и если цена бумажки отстает от цены золота, то говорят о дизажио (disagio). Как лаж, так и дизажио вычисляются в процентах, например, если за рубль золотом дают три рубля бумажными деньгами, то говорят, что золото ходит с премией, или лажем, в 200% [2]).

Так как в наше время отдельные страны находятся между собою в непрерывных хозяйственных отношениях, то всегда возникает потребность установить соотношение валютных денег разных стран. В нормальное время всегда легко узнать, сколько стоит на рубли фунт стерлингов или франк. Такое соотношение устанавливается на основании определения веса чистого металла в золотом рубле и золотом фунте стерлингов или в других монетах различных государств. Поэтому в сношениях разных стран, в которых существует золотая валюта, в нормальное время существует известная устойчивость и определенность. Но эта определенность сразу исчезает, как только одна из стран переходит на бумажную валюту, а ее контрагенты остаются с золотой валютой. Иностранная золотая монета—всегда товар. Товаром она остается и тогда, когда страна, в которую такая монета попала, перешла на бумажную валюту. Если в последней стране на золото уже существует премия, то эта премия переносится на всякое золото, откуда бы оно ни пришло. Рынок знает только один товар—золото, и на рынке устанавливается общая единая цена на данный товар. Таким образом, внутренняя премия на золото должна была бы явиться основанием и для иностранных курсов. Но этого в действительности нет. Иностранные курсы, т. е. цены, по которым ходят иностранные деньги в сношениях с бумажноденежной страной, опираются на свое собственное основание. Между основанием внутреннего лажа, или премии, и основанием иностранных курсов есть ясное различие, хотя в то же время между обеими ценами существует тесное взаимовлияние и взаимо-

---

[1]) В России в начале XIX века лаж называли «променом», указывая этим словом, какую сумму бумажек платили при промене бумажек на золото.

[2]) Если известна премия на золото, то легко определить золотую цену бумажного рубля. Напр., премия на золото составляет 25%, т. е. 100 руб. в золоте стоят 125 руб. в бумажной валюте, тогда по формуле: $\frac{100 \times 100}{125} = 80$ коп., золотая цена бумажного рубля составит 80 коп. золотом.

действие. Международные экономические отношения в конечном своем результате сводятся к обмену товарных ценностей, причем золото в этих отношениях выступает, как товар особого назначения: оно чаще всего выравнивает платежи. Такое выравнивание совершается не только посредством золота, но и посредством кредита в обоих его формах: кредита, как ссуды, и кредита, как отсрочки. Но в конце концов страна-должница заплатит свой долг товарами и золотом.

Потребность в золоте для покрытия иностранных долгов может быть или очень напряженной, или слабой, или, наконец, может совсем отсутствовать. Возможен даже такой случай, когда страна с бумажными деньгами не только не платит золотом заграницу, но, наоборот, оттуда получает золото или за проданные там товары, или в результате заключенных там займов государства или частных лиц. Все это зависит от состояния расчетного баланса между данной страной и заграницей. Естественно, что когда для страны с бумажными деньгами расчетный баланс делается в сильной степени неблагоприятным, и она должна всячески изыскивать способы расплаты с иностранными кредиторами, то соотношение бумажной единицы и иностранной золотой единицы делается особенно неблагоприятным для бумажных денег: за меньшее количество иностранных золотых единиц придется уплатить большее количество туземных бумажных единиц. Так как за границей чужие бумажные деньги имеют очень ограниченный спрос, подверженный различным колебаниям, то должник ищет дома нужное ему золото и поднимает этими поисками внутренний лаж на золото. Так устанавливается тесная связь между внешним курсом и внутренним.

Иностранные курсы, т.-е. расценка валют разных стран, называются вексельными курсами. Правильнее их называть обменными курсами. Свое название эти курсы получили по той причине, что в сношениях между разными странами золото в натуре играет весьма скромную роль, и орудием расчета является переводный вексель. Но этот факт не меняет существа дела, так как, в конце концов, и международный вексельный оборот базируется на обмене товарными ценностями и выравнивается пересылкой золота в натуре. Вексельные курсы при господстве в одной из стран бумажной валюты имеют значение не только для денежных или кредитных расплат с заграницей, но и для всего международного товарообмена. Движение вексельного курса вверх и вниз обозначает соответствующее колебание товарных цен для привозных и вывозных товаров и косвенно оказывает свое влияние на внутренние цены внутренних же товаров. Поэтому вексельные курсы на заграницу имеют крупнейшее народнохозяйственное значение. Такие курсы устанавливаются на прочной базе только тогда, когда в отдельных странах существует нормальная экономическая жизнь, и когда между отдельными странами имеются в наличности нормальные и свободные сношения. Во время войны 1914 — 1918 г.г. мир был разорван на два враждебных лагеря, между которыми не было правильных экономических и политических сношений. Сношения же между странами одной коалиции были поставлены на особое основание, совсем почти

исключающее возможность свободной оценки взаимоотношения отдельных валют. Поэтому за время войны вексельных курсов в обычном смысле этого слова не было. Были курсы на нейтральные страны, но так как нейтральными оставались только малые страны, то их оценки вексельных курсов были мало показательными.

В сношениях двух стран, из которых обе являются странами бумажных денег, вексельные курсы, равным образом, покоятся на золотом базисе, так как, в конце-концов, весь международный обмен есть обмен ценностями реального значения, т. е. товарами, и в том числе товаром универсального спроса—золотом.

Заграница порою очень охотно берет в уплату бумажные деньги по соответствующей вексельным курсам расценке. Но эта охота об'ясняется только одним мотивом: заграница хочет расплатиться с страною, бумажные деньги которой она берет, за товары, купленные или намеченные к покупке в данной стране. Поэтому бумажный рубль в руках иностранца является бессрочным векселем, обеспеченным русскими товарами, пригодными для вывоза, или русскими имуществами, которые иностранец хочет купить. Есть еще один мотив приобретения иностранцами бумажной валюты чужого государства. Этот мотив—биржевая игра. Так как вексельные курсы подвергаются постоянным более или менее значительным колебаниям, то создается почва для извлечения барышей из купли-продажи рублей с целью заработать на разнице курса.

Из сказанного видно, что внутренний лаж на золото и иностранные вексельные курсы представляют собою выражение цены золота на внутреннем рынке. Внутренняя цена золота определяется спросом на него в целях обезопашения от вреда, наносимого частным имуществам обеспечением бумажных денег и отчасти спросом на золото ради промышленных целей и ради вывоза заграницу. Внешняя цена на золото, выражаемая вексельным курсом, определяется состоянием расчетного баланса данной страны по отношению к загранице. В действительности возможны случаи, когда движение внутренней премии и иностранных курсов будет идти параллельно, или вверх, или вниз, но возможно и расхождение этого движения, так как, повторяем, основания у обоих цен на золото различны, хотя и близко соприкасаются друг с другом.

Золото, по отношению к бумажным деньгам, является товаром,—правда, товаром особого значения. Поэтому цена на золото, выраженная в бумажных деньгах, обнаруживает состояние покупательной силы бумажных денег. Многие поэтому склонны определять обесценение бумажных денег высотою премии на золото или уровнем вексельного курса. Но такой способ определения покупательной цены бумажных денег чрезвычайно ненадежен, так как он выхватывает из многообразного товарного мира только один товар, к тому же имеющий особое, специфическое значение как в области внутреннего оборота, так и в международном экономическом общении. Определять покупательную силу бумажных денег следует такими же приемами, какими пользуются для определения ценности вообще всяких денег. Покупательная сила

всяких денег, будь это золотые или бумажные, меняется во времени— и меняется порою весьма существенно. Мы не будем входить здесь в рассмотрение причин, изменяющих ценность денег, но укажем, что особенно наглядно изменчивость покупательной силы денег проявляется именно в отношении бумажных денег, как денег больных по самому своему происхождению. Изменение покупательной силы золотых денег, свойственных нормальному времени и нормальным условиям, совершается медленно и незаметно для массы людей, одни из которых ощущают эту изменчивость, как ухудшение жизни, другие—как улучшение. Но в период бумажно-денежного угара покупательная сила денег меняется у всех на глазах, и все по вчерашнему дню и сегодняшнему опыту понимают, что рубль тает у них в руках.

В приводимых ниже двух таблицах мы помещаем цены на различные товары за три года, собранные в Старицком уезде Тверской губернии. В первой таблице показаны цены на те товары, которые крестьяне, главным образом, продают, а во второй—на товары, которые местными крестьянами покупаются.

Обе таблички показывает чрезвычайно быстрое изменение покупательной силы рубля.

Цены на товары, продаваемые старицкими крестьянами:

	1914 г.	В августе: 1917 г.	1918 г.
Мука ржаная, пуд . . .	1 р. 20 к.	4 р. 80 к.	250 р.
Овес „	3 „ 40 „	25 „ — „	600 „
Картофель „	— „ 90 „	4 „ — „	150 „
Ячмень „	1 „ 25 „	15 „ — „	200 „
Мясо „	5 „ — „	40 „ — „	200 „
Масло „	18 „ — „	120 „ — „	600 „
Сметана „	6 „ — „	10 „ — „	160 „
Яйца, сотня.	1 „ — „	6 „ — „	100 „
Молоко, ведро.	1 „ — „	2 „ 40 „	20 „

Цены на товары, покупаемые старицкими крестьянами:

	1914 г.	1917 г.	1918 г.
Мука пшеничная, пуд .	3 р. 40 к.	4 р. 80 к.	600 р.
Сахар, пуд	6 „ — „	140 „ — „	1.000 „
Сапоги	7 „ — „	40 „ — „	250 „
Валенки	5 „ — „	22 „ — „	95 „
Пиджак, жилет, брюки .	30 „ — „	120 „ — „	600 „
Ситец, 1 арш.	12 „ — „	— „ 70 „	3 „
Плуг.	4 „ 50 „	13 „ — „	90 „
Коса.	— „ 45 „	3 „ — „	от 50 до 100 р.
Косилка.	125 „ — „	300 „ — „	1.300 р.
Жатвенная машина . .	160 „ — „	500 „ — „	3.000 „
Гвозди, 1 пуд	5 „ — „	40 „ — „	200 „
Скат дуб. колес . . .	15 „ — „	100 „ — „	350 „
Лошадь	150 „ — „	450 „ — „	2.200 „
Корова	40 „ — „	600 „ — „	2.500 „
Веялка.	25 „ — „	—	150 „

Представленные в таблицах цены самых разнообразных товаров крестьянского обихода весьма наглядно показывают, как стремительно понижалась покупательная сила бумажного рубля. Это—общая тенденция, но как разнообразно она проявляется по отношению к отдельным товарам. Прежде всего, возьмите обе таблицы отдельно: товары, которые крестьяне продают, повысились в цене гораздо значительнее, нежели те товары, которые они обыкновенно покупают. Поэтому с своей точки зрения прав был тот старицкий крестьянин, который заявил нам, что при страшном падении курса рубля ему стало жить куда дешевле. В самом деле, в 1914 году, накануне войны, за косилку он должен был отдать приблизительно 104 пуда ржаной муки, тогда как в августе 1918 года эту необходимую в тамошних местах машину он мог купить всего только за пять пудов.

Этот пример показывает, что отдельные товары своими ценами, выраженными в бумажных деньгах, не могут показать степени падения общей покупательной силы денег. Очевидно, что необходимы иные приемы, обеспечивающие более надежные результаты. Наука знает несколько способов определения покупательной силы денег, более надежных, нежели простое сопоставление цен различных товаров за известный период времени.

Самый старый способ определения покупательной силы денег заключается в том, что определяют, сколько зернового хлеба можно купить за определенное количество денежных единиц. Таким образом, соотношение пуда хлеба и рубля в различные моменты времени должно показать изменение ценности денег, т.-е. их покупательной силы. Таким способом пользовался физиократ Кенэ, этим приемом вполне удовлетворялся Адам Смит. Но нужно признать, что ныне данный прием, годный для определения покупательной силы денег при изучении экономической жизни прошлого и прошлых судеб государственных финансов, не является единственным и вполне достаточным. Этот прием подходит к простым условиям быта, когда хлеб составляет главный предмет потребления почти всего населения. Когда во Франции, в самом конце XVIII столетия, в эпоху страшного обесценения бумажных денег, нужно было при издании „конституции III года“ (1795 г.) определить жалованье членам Директории, то тогда не нашли иного способа, как назначить жалованье в размере, равном цене 10.222 квинталов пшеницы. Но в наше время хлеб не определяет собою экономической жизни населения и не составляет преимущественного содержания питательного бюджета. Кроме того, в былые времена хлебные цены не были подвержены нивеллировке в условиях мирового рынка, как это наблюдается в нашу эпоху. Тогда хлебные цены имели местный и устойчивый характер и поэтому лучше, нежели теперь, могли выражать покупательную силу денег.

Второй способ заключается в том, что принцип соотношения денег и хлеба расширяется на целый ряд товаров, причем товарные цены (оптовые) подвергаются определенной статистической обработке.

Вместо одного товара—хлеб—берут целый ряд товаров, играющих видную роль в хозяйственной жизни страны, и собирают цены за целый ряд лет. Останавливаясь на каком-нибудь первом годе взятого периода, цены этого первого года из таблицы берут за 100 и последующие цены определяют в процентном отношении к первому году. Получается длинный ряд цифр, показывающих изменение товарных цен по отношению к первому году сравниваемого периода. Такой прием носит название „index-number“, т.-е. числа-показатели. Эта система ныне значительно усовершенствована, и, собственно говоря, подобным приемом, пользуясь самыми совершенными его техническими формами, можно было бы добыть наиболее достоверные сведения о движении покупательной силы денег. Но беда в том, что экономическая статистика, в особенности статистика цен, во многих странах такова, что составление чисел-показателей натыкается на целый ряд непреодолимых затруднений.

Более доступен другой прием, который заключается в установлении так называемых семейных бюджетов, т.-е. расходов средней семьи на продовольствие, одежду, жилище и на другие элементарные потребности. Определяя необходимое количество товаров для содержания семьи, оценивают это количество на деньги для различных моментов изучаемого периода времени и отсюда делают вывод о движении покупательной силы денег. Разумеется, и этот способ нуждается хотя бы в элементарной экономической статистике, и если таковая имеется налицо, он даст сравнительно очень показательный результат.

Разумеется, все эти приемы изучения покупательной силы денег применимы в условиях нормального рынка, т.-е. в таких условиях, когда нет особых чрезвычайных факторов образования товарных цен. В современных русских условиях эти приемы непригодны, так как русский рынок отсутствует, он разбит на огромное количество мелких рынков, часто совершенно разобщенных между собою. Сколько в России в 1918 году стоил пуд ржаного хлеба? На этот вопрос нет и не может быть ответа, так как в каждом районе цена на хлеб или случайна, или своя собственная, отличная для города и для деревни. В голодных районах продовольственные цены поставлены на физиологическое основание, здесь за необходимые продукты питания платят столько, сколько могут. Цена вышла за пределы экономических рамок и диктуется степенью голода и ценою жизни. Ясно, что при таких условиях приходится определять покупательную силу денег для каждого района в отдельности. При помощи семейного бюджета покупательную силу бумажного рубля определили для Москвы в сентябре 1918 года в 5 коп. золотого рубля. Разумеется, в провинции покупательная сила денег была выше. Любопытная таблица цен на хлеб, напечатана в № 3 „Бюллетеня московского народного банка“ (июнь 1918 года). (См. стр. 24).

При такой странной черезполосице и резком разнообразии товарных цен, конечно, в высшей степени трудно, даже совсем невозможно говорить о покупательной силе русского рубля вообще. Можно говорить

о рубле на московском рынке, на костромском, самарском и т. д. Цены строятся причудливо и изолированно не только на хлеб и другие продовольственные товары, но и на целый ряд других товаров. С одной стороны, разрушение транспорта и разорванность местных рынков, с другой, товарный голод на всех рынках,—вот те причины, по которым вообще трудно говорить о покупательной силе рубля, начиная с осени 1917 года. Только лишь с консолидацией русского рынка возможно будет определить, какую часть ценности сохранил русский рубль, переживший столь необычайные испытания и даже приключения.

ЛИТЕРАТУРА.

На русском языке нет такой книги, по которой читатель мог бы ознакомиться с систематическим учением о деньгах. Лицам, владеющим немецким языком, можно обратиться к книге *Адольфа Вагнера:* „Sozialökonomische Theorie des Geldes und Geldwesens“ в „Theoretische Sozialökonomik“, zweite Abtheilung, zweite Band. Leipzig. 1909. Книга, которую в высшей степени полезно перевести на русский язык. Здесь указана обширная литература.—На английском языке: *Ch. A. Conant.* The principles of money and banking. Vol. I. New York and London. 1905. В конце второго тома указана литература. Часть книги была переведена и издана студентами петроградского Политехнического Института.—Русская литература до 1896 года собрана и указана в книге *А. Гурьева:* „Реформа денежного обращения“. Две части, четыре выпуска. СПБ. 1896.—Популярная книга о деньгах написана *З. П. Евзлиным*, под редакцией М. И. Боголепова. „Деньги“. Петроград. 1915. *А. М. Смирнов.* Кризис денежной системы французской революции. Пгрд. 1921. Изд. „Право“.—*Карл Диль.* Золото и валюта во время и после войны. Перев. А. С. Кагана под ред. М. И. Боголепова. Пгрд. 1921. Изд. „Право“.—*А. А. Соколов.* Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. Екатеринодар. 1920.—Дальнейшая литература указана в тексте.

О способах определения ценности денег см. *Нитти.* Основные начала финансовой науки. Перев. Москва. 1904. Стр. 79 сл.—*Conant* Op. cit. т. I, стр. 160 сл.—Примеры index-number для Англии в 1914 и 1915 г.г. и опыт русского индекса см. в *статье* Боголепова „Война и народное хозяйство“ в ежегоднике: *Народное хозяйство в 1915 году.* Петроград. 1918. Об индексах послевоенного времени см. *М. И. Боголепов.* Европа после войны. Пгрд. 1921. Изд. „Право“.

	Ржаная мука.		Пшеничная мука.		Картофель.		Овес.	
	Город.	Уезд.	Город.	Уезд.	Город.	Уезд.	Город.	Уезд.
Тамбовск. губ.	80—100	30—45	—	—	8—15	4—7	20 - 50	20—25
Саратовск. губ.	—	—	45— 60	—	—	—	—	—
Вольский уезд	90—100	—	110—130	—	—	—	—	—
Воронежск. губ.	60— 80	15— 3	100—150	20 70	7—10	3—6	20— 40	10—20
Тульская губ.	100—180	60— 90	—	—	20—35	5—7	30— 50	15—25
Москва	200 - 275	—	—	—	40 - 60	—	80—100	—
Елецкий уезд	60— 80	20—30	—	—	8—15	4—7	20— 40	15—20
Козловский уезд	80— 85	25— 40	—	—	8—20	4—8	15— 35	12—20
Киев	—	—	45— 60	—	—	—	—	—

II.

Порча денег.

Война и революция оставили после себя одно очень тяжелое наследство: испорченные деньги. В этом отношении война не пощадила целый ряд народов, вовлеченных в мировую войну. Но наши деньги испорчены особенно сильно, можно сказать — в необычайном размере. У многих, при наблюдении страшной разрухи в области денежного обращения, сопровождаемой всеобщим народно-хозяйственным развалом и полным финансовым оскудением, невольно рождается мысль о том, что содеянное зло настолько велико по своим размерам, настолько непоправимо, что в недалеком будущем неизбежна катастрофическая развязка, которая выразится в окончательной гибели русского рубля, в полной утрате им своей ценности,—вернее, жалких остатков этой ценности.

Порча денег, или, как принято выражаться, расстройство денежного обращения, наносит для всех явные и очевидные ущербы как всему народному хозяйству, так и каждой его ячейке — каждому отдельному частному хозяйству. Эти возрастающие с каждым днем ущербы неисчислимы. Но этого мало,—расстройство денежного обращения будет одной из самых значительных помех на путях оздоровления русского народного хозяйства и наших государственных финансов. Устранение с этих путей такого грозного препятствия — действие до очевидности необходимое, но, в то же самое время, одно из самых трудных. Трудность этого действия заключается в том, что здоровое денежное обращение является виднейшим условием оздоровления народного хозяйства и государственных финансов, но в то же самое время здоровое денежное обращение мыслимо и возможно только в обстановке здорового народного хозяйства и упорядоченных финансов. Получается как бы заколдованный круг, из которого нет выхода. Но история, богатая опытом и порчи денег, и их исцеления, учит нас тому, что выход из такого действительно трудного положения возможен и при некоторых условиях достижим. Выход заключается в хорошо продуманной, целесообразной экономической и финансовой политике, стремящейся к тому, чтобы, улучшая и оздоровляя общие условия народного хозяйства, а также государственного бюджетного хозяйства, одновременно вести планомерную и настойчивую работу по исправлению испорченных денег. Весь секрет заключается в том, чтобы восстановить и пробудить народно-хозяйственные силы, в лаборатории которых, т.-е. в недрах самого народного хозяйства, только и создается прочная денежная единица. Денежная же реформа, т.-е. совокупность целого ряда мер и действий, сознательно направленных к исправлению денежной единицы, только помогает этой внутренней работе народно-хозяйственных сил.

Порча денег — довольно частое явление в исторической жизни отдельных народов. И в русской истории мы можем найти целый ряд примеров, когда денежная единица подвергалась существенной порче, причиняя народу величайшие неудобства, нанося всем и каждому великие ущербы. Деньги легко портятся и тогда, когда они сделаны из благородных металлов, и тогда, когда их, как это наблюдается в наши дни, готовят из бумаги. Последствия же порчи денег, сделаны ли они из металла или из бумаги, одни и те же.

В средине XVI столетия в Московском государстве в обращении были одни лишь металлические деньги. Порядка в денежном обращении было еще мало: были деньги московские, новгородские, псковские, тверские, иностранные. Денежное обращение наглядно отражало слабую спаянность отдельных областей Русской земли. Не было в Русской земле государственного и экономического прочного единства, слаба была связь между отдельными областями и „землями", поэтому не было единства и в денежном обращении [1]).

Как это походит на наше причудливое время: разорвалась единая Русская земля, отрезаны от Великой России целые полосы, и немедленно распался единый русский рубль, этот символ русского экономического единства, единого русского народного хозяйства, выросшего под сенью русской государственности. На место единого рубля появились деньги малороссийские, пензенские, астраханские, оренбургские и прочая, и прочая...

В средине XVI столетия, в последнее время княжения Василия Ивановича (ум. в 1534 году), деньги портились воровскими людьми. Из гривенки серебра тогда было положено выделывать 250 новгородских денег, а по московскому счету („в московское число") — два рубля шесть гривен. Злоумышленные люди у каждой деньги отрезывали половину и больше. Так как счетной единицей была гривенка, то возникал вопрос: сколько же обрезанных денег класть к гривенку? 500 штук? А может быть, больше? Вследствие этих недоумений, возникавших на почве испорченных денег, при каждой торговой сделке были неизбежны крики, брань и клятвы. Одновременно и мастера старались лить новые деньги таким образом, чтобы из фунта серебра наделать как можно больше денежных знаков. Легко можно представить, сколько неудобств и ущербов возникало на почве подобных злоупотреблений. Создавалось такое положение вещей, при котором быть честным значило заведомо терпеть необоснованные убытки. Деньги теряли свою способность быть надежными измерителями ценности товаров.

Тогдашнее московское правительство принимало решительные и подчас суровые меры против подобных злоупотреблений. Летописи

---

[1]) Любопытно отметить, что в живой народной памяти чрезвычайно долго сохранялись воспоминания о тогдашних денежных порядках. См. пословицы, собранные *Далем* в его знаменитом Словаре под словом „*Алтын*".

говорят, что за порчу денег многих людей казнили, многим отсекали руки, лили в рот олово, и т. д. [1]).

В 1535 году правительница Московского государства Елена воспретила обращение резаных денег, приказала переделывать их и, дабы не слишком обидеть тех, кто вынужден был принимать резаные деньги, она распорядилась чеканить из гривенки не по 250, а по 300 новгородских денег, или, в московский счет,—из гривенки по три рубля, а не по 2 руб. шести гривен, как было раньше.

Собственно говоря, это было настоящей девальвацией реальных денег, на которые шел торг, при сохранении в неизменности идеальной единицы—серебряной гривенки. Такая мера была продиктована интересами населения, остававшегося с обрезанными деньгами на руках.

Позднее в том же Московском государстве мы можем наблюдать другой случай порчи денег, более интересный по своему содержанию, во многом напоминающий опыт нашего времени. На этот раз металлические деньги были испорчены самим правительством, под влиянием финансовой нужды, вызванной затянувшейся войною.

Деньги важны не только в качестве измерителей ценности товаров. Они важны в качестве законного платежного средства. Владелец денег с большим удобством погашает деньгами свои обязательства по отношению к третьим лицам. Все охотно принимают деньги, твердо веря в их покупательную и платежную силу, и, в случае металлических денег, справедливо расчитывают на то, что деньги из благородных металлов всегда могут быть обращены в рыночный товар.

В эпоху первоначального развития денежного хозяйства, когда рамки денежного оборота расширяются каждый день, поглотительная способность рынка по отношению к денежным знакам была очень значительной. А так как в ту хозяйственную эпоху банков еще не было, то деньги в значительных количествах припрятывались в целях сбережения. Они, как принято выражаться, тесаврировались, заменяя собою натуральные формы сбережений. Вместо того, чтобы иметь в запасе хлеб, меха, различные ценные, но не нужные для обихода вещи, удобнее было излишки дохода обращать в деньги и прятать их. Тесаврирование денег еще более, в свою очередь, углубляло и расширяло емкость рынка по отношению к денежным, тогда металлическим, знакам. Такое явление наблюдалось, при аналогичных условиях, повсеместно в различных странах в разные исторические эпохи. В сочинениях Ксенофонта (умер в 355 году до Р. Х.) есть одно место, с давних пор возбуждавшее споры. Ксенофонт очень верно определил закон спроса и предложения и значение этого закона для образования товарных цен. Указывая, что обильное предложение товаров ведет к

---

[1]) *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен. Т. VI. Москва, 1887. Стр. 34—35.

О русских деньгах старого времени см.: *Ключевский, В. О.* Русский рубль XVI—XVIII веков в его отношении к нынешнему. Москва, 1884. *Костомаров, Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст. Спб., 1889: 2-е изд. Стр. 193—210. *Прозоровский, Д. И.* Монета и вес в России до конца XVIII ст. Спб., 1865.

понижению цен, Ксенофонт оговаривается, что этого не наблюдается только при предложении серебра. Сколько бы ни добывали серебра, оно всегда найдет сбыт по прежней цене [1]). Такое неподчинение серебра всеобщему закону спроса и предложения об'яснялось, конечно, очень просто: серебро было монетным материалом, и при росте денежного хозяйства емкость рынка для серебра была почти безграничной.

Так было и в Московском государстве. Этим обстоятельством пользовалось правительство, которое могло чеканить монету в любых количествах и пускать ее в обращение для покрытия своих расходов. В период так называемого меркантилизма на этой особенности тогдашней эпохи в развитии народного хозяйства покоился особый взгляд того времени на деньги и особое отношение к деньгам и благородным металлам.

В наше время такое произвольное насыщение рыночного оборота новыми, хотя бы золотыми, деньгами через правительственные кассы означало бы простую порчу денежного обращения, так как в наше время потребность оборота в денежных знаках обыкновенно бывает удовлетворенною в полной мере. И эта потребность растет, в связи с развитием банков и безденежных расчетов, очень медленно. Но в ту отдаленную эпоху дело обстояло иначе, и тогдашние правительства владели особым источником государственного дохода, „монетной регалией“, которую в некотором отношении можно приравнять к современной эмиссионной операции банка.

В XVII веке Московское государство вело затяжную „тринадцатилетнюю“ войну. Война сильно истощила слабые хозяйственные силы тогдашнего государства, недавно пережившего все ужасы и беды „смутного времени“. Когда к тому же, стало изменять и военное счастье, когда пошли неудачи на поле битвы, возникла малороссийская смута, еще более осложнившая и без того трудное положение Москвы,—то финансовое напряжение достигло высшей точки и, казалось, не было выхода из трагического тупика. До сих пор чеканка серебряных денег значительно помогала делу, по условиям времени не только не вредя народному хозяйству, но, наоборот, помогая более быстрому росту денежного хозяйства. Но у казны недоставало серебра. Царь Алексей Михайлович сначала было взялся за такую меру, которая была настоящей порчей денежного обращения: он приказал перечеканивать в рубли немецкие талеры без добавки серебра, хотя талер в обращении не стоил и половины русского серебряного рубля того времени. Но не хватало и талеров.

Тогда Алексей Михайлович, по совету своих друзей и помощников, предвосхитил идею нашего времени, идею *кредитных* денег. Он решил выпустить в обращение, вместо серебряных, *медные* рубли. Соблазн был очень большой. Пуская в ход медные рубли и приписывая

---

[1]) См. интересные страницы об этом: *История экономической мысли.* Под ред. *В. Я. Железнова* и *А. А. Мануйлова.* Изд. Московского Научного Института, № 2. Т. I, вып. 1. *Железнов.* Экономическое мировоззрение древних греков. Москва. 1916. Стр. 53 сл.

им силу серебряных, можно было с издержками, какие нужны были для содержания одного воина, содержать их шестьдесят.

Медным рублям была присвоена сила серебряных, т.-е., выражаясь современным языком, им был придан принудительный курс. Одновременно был издан указ о том, чтобы никто не смел поднимать цену товаров.

Выпуск медных рублей мог дать правительству и стране положительные результаты только при соблюдении определенных условий, о которых в тогдашние времена в Москве, конечно, не имели понятия. Да и трудно было соблюсти эти условия, раз на выпуск медных рублей пошли под гнетом тяжкой финансовой нужды. Правительство само прежде всех начало губить медные рубли, расплачиваясь по государственным расходам медными рублями, при собирании же доходов требуя исключительно серебряные. Такая денежная политика была сигналом к всеобщему припрятыванию серебра, к скупке серебряных денег на медные с надбачей в цене, т.-е. к установлению лажа на серебряные деньги. Для всех было ясно, что само правительство делило деньги на два сорта: на лучшие и на худшие. Немедленно обнаружилось действие экономического закона, известного под именем закона Грэшэма, по которому худшие деньги всегда вытесняют лучшие.

Другой ошибкой правительственной денежной политики было то, что правительство расплачивалось медными рублями с войсками, находившимися за рубежем Московского государства, где деньги скорее всего выявляют свою товарную сущность, и где совсем нет почвы для принудительного курса. Для медного рубля заграницей не было опоры и в том, что в наше время поддерживает кредитный знак на иностранных рынках—не было регулярного внешнего товарообмена. Будь такой товарообмен, иностранец мог бы взять медный рубль за серебряный и при первом случае обменять его на московские товары. Но так как этой возможности не было, то медный рубль заграницей был расценен по цене меди. Московское войско, находившееся за рубежем и получавшее медные рубли, испытывало вследствие этого величайшую нужду и утрачивало свою боеспособность. Иностранные офицеры, служившие в русском войске, бежали с своих мест [1]).

Вероятно, было и третье условие, которое значительно ускоряло катастрофическую развязку с медными рублями. К сожалению, история не сохранила нам сведений для учета этого третьего условия. Вероятно, после первой, несомненной, удачи с медными рублями, правительство утратило чувство меры и стало совершенно свободно выбрасывать медяки на рынок, не считаясь с емкостью оборота. Медные же рубли, как кредитные знаки, не были похожи на серебряные в том отношении, что они не годились для тесаврирования и все время находились в циркуляции, как деньги худшего качества. Вследствие этого создалось наводнение, раздутие денежного обращения, так называемая „инфляция“. Потребности оборота в денежных знаках были удовлетворены

---

[1]) *Соловьев.* Русская история. Т. XI. Изд. второе. Стр. 145.

свыше меры. Товарные цены, в расчете на медные деньги, пошли в гору [1]).

Ко всему прибавилась деятельность фальшивомонетчиков, наводнявших страну самодельными медными рублями. Фальшивомонетчики работали, не покладая рук, может быть, даже более энергично, нежели само правительство. Они выписывали медь из-за границы и пускали ее в оборот в виде медных рублей. В одной Москве поддельных рублей было выпущено на огромную для того времени сумму—620.000 рублей.

Вся эта операция с медными рублями закончилась денежным кризисом и революцией в области цен, что сильно озлобило население, доведя его до бунта, усмиренного с большою жестокостью. Медные рубли пришлось из'ять из обращения, и вопрос о кредитных деньгах был отодвинут всеми этими событиями на очень долгое время—до Екатерины II [2]).

Было бы большой ошибкой думать, что порча денежного обращения имеет место, главным образом, тогда, когда в стране выпускаются бумажные деньги. За отсутствием надежных статистических данных, трудно сказать, когда особенно сильно портились деньги,—тогда ли, когда в обращении были одни лишь металлические деньги, или в том случае, когда страна хорошо познакомилась с бумажными деньгами. Во всяком случае, история медных денег в эпоху, предшествующую появлению бумажных денег, повсеместно была историей непрерывной порчи медных и серебряных денег, что приводило к постоянному понижению ценности денег, т.-е. к постоянной девальвации денежной единицы. Денежная единица весьма часто сохраняла неизменным одно только свое название, все время понижаясь в своей ценности. Когда иностранцы упрекали Московское правительство XVII века в том, что оно портит деньги, то правительство с полным основанием отвечало, что в этом укоризны нет, так как подобным образом поступают во всем свете.

Алексей Михайлович сделал попытку ввести в России кредитные деньги, на первый раз приготовленные из меди. Первые два года эта попытка имела успех. Затем случился провал. В тогдашнем обществе существовало двоякое отношение к кредитным знакам. Одни были сторонниками, другие—противниками подобной меры. Но все прекрасно знали по опыту, что если нужда заставит, то очень легко испортить металлические деньги. В особенно большом масштабе такую порчу произвел Петр Великий, находившийся в тисках финансовой нужды по причине своих многочисленных воин.

Когда царь Алексей выпустил свои медные рубли, то полтавский полковник Пушкарь так об'яснял малороссийскому писарю Выговскому

---

[1]) О росте цен см. *Н. И. Суворов.* О финансовом кризисе в России в 1659—1663 гг., в „Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России". СПБ. 1863. Кн. V. Есть таблицы движения цен на хлеб и соль в Вологде. В сент. 1661 г. четверть ржи стоила на медные деньги 1 р. 20 к., через год—8 р. и скоро поднялась до 25 р.

[2]) *Соловьев.* XI т. Стр. 235 сл. (Изд. второе).

смысл медного рубля: „хотя бы великий государь изволил нарезать бумажных денег и прислать, а на них будет имя великого государя, то я рад его государево жалованье принимать“. Так рассуждал человек государственной службы. Иначе смотрели на дело торговые люди. Московским купцам того же времени очень не нравились бумажные деньги, которые они были вынуждены принимать за свои товары в Швеции: „вместо золотых ефимков (шведы) дают нам такие бумажки, насколько кто товару купит, и мы на те бумажки покупаем у них товары с великой передачей“. Но, равным образом, и порча металлических денег вызвала жалобы и сетованья. Так, еще в XVII веке Юрий Крижанич вооружался против „злых пенязей“: „сей способ не токмо есть неправеден и полон греха, но и велеблуден. Чается быть прибылен, а он есть сама истая убыль и тщетя“. Берг-Коллегия осторожно указывала Петру Великому, сильно портившему деньги, что „нестьполезно ныне много денег делать“, „коммерции великий ущерб соделывается“.

Переход к бумажным деньгам от металлических был только техническим, отчасти бытовым вопросом. Современник Петра Посошков в своих сочинениях совершенно определенно высказывается за кредитные знаки, которые, по его мнению, „в торгах ходить стали бы во веки веков неизменно“. Сам Петр добивался того, чтобы в Россию приехал Джон Ло, сделавший во Франции огромный опыт наводнения страны бумажными деньгами. Ло обещал приехать в Россию, но после того, как он „составит счастье Франции“.

Переход от металлических денег к бумажным и использование последних в качестве особого источника государственных доходов в России совершился в XVIII веке, в царствование Екатерины II, причем, одно и то же правительство сначала портило металлические деньги, а затем ввело и быстро испортило и бумажные деньги. Нет сомнения, что печатать деньги гораздо удобнее, нежели чеканить монеты, поэтому масштаб порчи денег после появления бумажных знаков сразу сделался весьма значительным. Это доказывает как опыт Ло во Франции, так и опыт французской революции. У нас, в России, порча ассигнационного рубля равным образом сразу была поставлена в весьма широких размерах. И как бы ни относиться к количественной теории денег, но следует признать, что количество в денежном обращении играет весьма видную роль. Поэтому порча бумажных денег, так легко принимавшая весьма значительные размеры, гораздо быстрее, нежели порча металлических денег, обнаруживала свои вредные последствия. Затем, обесценение денежной единицы при наличности только металлических денег доходило до цены металла, содержавшегося в денежных знаках, в старое время товара самого по себе сравнительно дорогого. В эпоху же бумажных денег падение ценности денежной единицы могло доходить до нуля, так как товарная ценность бумажного лоскутка, на котором напечатан знак, равна именно нулю. И, наконец, при порче бумажных денежных знаков об'ем денежного обращения обыкновенно сокращается на сумму металлических денег, находившихся в обращении, так как металл исчезает из обращения.

Следует еще упомянуть об одном явлении, общем как при порче металлических денег, так и бумажных. Порча металлических денег приводила к понижению ценности денежной единицы: количество металла в рубле постоянно уменьшалось, и все меньшие количества металла закон предписывал называть рублем. Это соответственно повышало товарные цены. Флетчер рассказывает, что в Москве пшеница иногда продавалась по два алтына. Чтобы перевести эту цену на наши деньги, необходимо знать не только то, что алтын заключал в себе шесть денег, а в рубле было 200 денег, но и то, сколько в то время в рубле было серебра. И так как деньги портились постоянно, то простое сравнение цен двух соседних десятилетей, напр., XVII века, может быть произведено только после того, как будет точно установлена действительная ценность металлического рубля в том и другом десятилетии. Но понижение ценности денежной единицы происходило и при порче бумажных денег, что выражалось в так называемых девальвациях: отчаявшись поднять упавшую ценность бумажного рубля до паритета с рублем металлическим, правительство понижало ценность металлического рубля уменьшением содержащегося в нем драгоценного металла и равняло новый металлический рубль с курсом бумажного рубля. Так был испорчен в последний раз русский рубль в 1896 году, когда С. Ю. Витте произвел свою знаменитую девальвацию. Девальвация означает и вообще понижение ценности основной единицы денежного обращения и по существу означает порчу металлических денег, явившуюся в результате предварительной порчи бумажных денег. Таким образом, порча бумажных денег всегда несет с собою угрозу основной денежной единице, и эта угроза делается фактом после того, как убедятся в невозможности поднять упавший курс бумажного рубля до уровня цены металлической единицы.

При испорченных бумажных деньгах удержать прежнюю ценность денежной единицы можно только в следующих случаях: когда рядом мероприятий можно повысить курс бумажного рубля до уровня ценности металлического рубля; когда бумажный рубль доводится до нуля, т.-е. перестает быть деньгами, и когда разрешают сделки на золото (в старину—на серебро), причем счет идет на золото или на бумажные деньги, но по их курсу на золото.

Но должно быть совершенно ясным, что когда бумажных денег выпущено чрезмерно много, и они обесценились очень значительно, то единственным выходом из положения может быть только девальвация, часто в форме понижения ценности основной металлической единицы. Такие опыты не проходят даром для денежной единицы, она неизбежно портится, так как испорченною оказывается вся атмосфера денежного обращения, чрезмерно насыщенная бумажными деньгами.

В настоящее время почти весь мир захлебывается в бумажных деньгах, и можно ожидать, что после того, как народные хозяйства войдут в колею нормальных отношений, во многих странах придется существенно попортить старую довоенную металлическую денежную единицу. История дает нам очень наглядный образчик такой грандиоз-

ной порчи денег во многих странах одновременно, именно, эпоху войн конца XVIII и начала XIX в.в. До этой эпохи во всех странах Европы металлические деньги портились повсеместно, постоянно и непосредственно. Начиная с указанного момента, порча денег иногда принимала двустепенную форму: сначала портили бумажные деньги, а затем, ища выходов к нормальному денежному обращению, портили, путем девальваций, металлические деньги.

Конец XVIII и начало XIX в. в. были завершением вековой борьбы Великобритании и Франции. В эту борьбу, как известно, были втянуты почти все континентальные державы. Вся Европа была обращена в вооруженный лагерь, и все страны изнывали под игом военных расходов и от вредносных влияний войны на народнохозяйственные отношения. Нормальных рессурсов для ведения войны не хватало, обычные займы могли дать ничтожные суммы, так как рынок капиталов почти повсеместно был или совсем исчерпан, или находился еще в зачаточном состоянии. Франция, в добавление ко всему, переживала длительную революцию. Под влиянием таких условий всем государствам пришлось использовать денежное обращение в качестве источника чрезвычайных средств. Формой использования денежного обращения было повсеместно печатание бумажных денег с принудительным курсом. По имеющимся в литературе подсчетам, выпуски бумажных денег в эпоху революционных и наполеоновских войн составили следующую сумму.

во Франции	8.326	милл. фр.
в Австрии	3.935	„ „
в России	3.344	„ „
в Англии	750	„ „
в прочих странах	2.000	„ „
во всей Европе	18.355	милл. фр.

На наш современный масштаб приведенные цифры не кажутся поразительными. Современная война приучила нас к более внушительным числам. Но для оценки приведенных цифр необходимо принять во внимание всю ту разницу в положении народных хозяйств, которая легко устанавливается для различных европейских стран, если взять начало прошлого века и начало текущего столетия. Для начала прошлого века указанные выше миллиардные цифры были чрезмерными, так как подобные массы бумажных денег почти не вмещались в рамках тогдашних народнохозяйственных отношений. Даже наиболее богатая тогда страна, Англия, несмотря на сравнительно скромную сумму выпущенных в ней излишних денежных знаков (30 милл. ф. ст.), была вынуждена приостановить размен банкнот на золото и дать неразменным банкнотам принудительный курс. Во Франции цена бумажных денег докатилась до нуля, в Австрии до 10% своей нарицательной стоимости, в России до 20%. Во всех странах, кроме Англии, потребовались целые десятилетия для того, чтбы побороть то зло, которое родилось на почве порчи денежного обращения. Девальвации

была неизбежным результатом слишком усердного использования бумажных денег почти во всех странах.

Выше мы говорили, что в период порчи металлических денег финансовые мероприятия правительств в области денежного обращения встречали довольно благодарную почву в народнохозяйственных условиях. Народные хозяйства переживали период ломки старого натурального быта и перехода к денежному строю. Повсеместно ощущалась растущая потребность в денежных знаках. В аналогичных условиях находилась Европа, а в особенности такие страны, как Россия, в период наполеоновских войн: процесс внедрения денежного хозяйства был в самом разгаре, что в значительной мере поддерживало курс бумажных денег. Но выпуски были так значительны, а войны так разлагали народнохозяйственные отношения, что в конце концов денежное обращение сильно портилось и местами, как, напр., во Франции, отчасти в Австрии, доходило до катастрофического состояния.

Опыт революционных и наполеоновских войн, закончивших целый цикл войн XVII и XVIII в.в., дал очень внушительные наглядные уроки в области денежного обращения всем европейским государствам. Втечение двух веков систематически портились металлические деньги, причиняя народному хозяйству великие ущербы и большие неудобства, задерживая народнохозяйственное развитие многих стран. Затем стали печатать бумажные деньги, что, как мы видели, всегда приводило к порче денежного обращения, к обесценению денежных единиц. Вред от всех этих мер был так велик и так очевиден, что все страны в XIX веке прилагали большие усилия, с неравным успехом, излечить язвы денежного обращения, создать здоровое денежное обращение, развить нормальный государственный кредит и благополучные финансы и тем самым застраховать себя от необходимости снова портить денежные системы. Девятнадцатый век проходит под знаком борьбы за нормальное денежное обращение, как величайшую народнохозяйственную ценность. Но в то же время в заботах о здоровом денежном обращении всегда проскальзывала неотвязчивая мысль о том, что благоустроенная денежная система является хорошим запасом про черный день. В денежной системе видели последнее прибежище воюющего государства, краеугольный камень финансовой боевой готовности. Особенно эта мысль стала ясной тогда, когда стали яснее возможности большой общеевропейской войны. Порча денежных систем, насильственное использование денежного обращения в качестве источника чрезвычайных рессурсов были положены в основу плана финансирования войны на тот случай, если Европа снова, как и на заре XIX века, превратится в вооруженный лагерь. Печальная история нашего времени не только оправдала эти предположения, но довела бедствие до потрясающих размеров.

Очевидно, XX-му веку, как и его предшественнику, суждено быть наполненным заботами о восстановлении нормального денежного обращения, быть может, снова с мыслью о том, что здоровое денежное обращение есть основа и краеугольный камень финансовой боевой готовности.

III.

Аннулирование бумажных денег.

Сильное расстройство денежного обращения, выражающееся в порче денежной системы и в обесценении единицы денежного счета, является величайшим национальным бедствием, от которого все нации стремятся избавиться как можно скорее. Но весьма часто эти стремления наталкиваются на столь значительные затруднения, что они долгое время остаются бесплодными, и народное хозяйство обрекается на прозябание в тяжелых условиях испорченного денежного обращения. Денежная реформа, ставящая своей задачей восстановление здорового денежного обращения, требует больших жертв и великих усилий и, наконец, целого ряда благоприятных условий. Издание одних законов, составленных на основании научной теории и хорошо понятого опыта различных стран, будет бесцельным делом, если общая совокупность народнохозяйственных и политических условий не благоприятствует намеченным целям в области денежного обращения. Об этом нужно твердо помнить и не предаваться законодательному донкихотству. Нужно также иметь в виду и следующее чрезвычайно важное обстоятельство. Именно, задача и об'ем реформы денежного обращения, даже самая возможность такой реформы, в значительной мере, если не целиком, предопределены, во-первых, тем состоянием денежного обращения, в котором оно оказалось в момент, когда серьезно стали думать о такой реформе, во-вторых, состоянием народного хозяйства и его способностью к оздоровлению и, наконец, положением государственного хозяйства в отношении возможности окончательно отказаться от печальной необходимости использовать денежное обращение в качестве источника денежных средств.

В особенности важно состояние денежного обращения в тот момент, когда, наконец, решаются серьезно приступить к его улучшению. Это состояние предопределяет вопрос о том, возможно ли улучшение денежной системы, или она искалечена безнадежно и наперекор всем стараниям приведет к безвозвратной гибели, к страшной катастрофе. Вот тот первый вопрос, который невольно встает, между прочим, и в современной России, так как порча рубля в настоящее время приняла явно угрожающие размеры.

Если признается, что оздоровление денежного обращения вообще возможно, то и в данном случае свободы действий для экономической политики нет, и при этой возможности состояние денежного обращения является фактором, определяющим возможные приемы денежной реформы. Собственно говоря, в распоряжении государственной власти имеется только один путь—восстановление прочной металлической валюты. Выбор—если выбором можно назвать точное определение достижимого результата—сводится к тому, чтобы идти или путем полного восстановления ценности старой денежной единицы, или идти путем

девальвации, т.-е. признания недостижимости первой задачи и попытки установить новую металлическую единицу, ценность которой будет находиться в соответствии с обесценением бумажноденежной единицы. Мудрость государственной политики заключается в том, чтобы правильно поставить диагноз состояния денежного обращения и угадать, какую реформу денежного обращения наметила сама жизнь. Как мы уже и сказали, донкихотство в этой области только вредно и бессмысленно и ни к каким положительным результатам не приведет. Оно способно только оттянуть время для проведения неотложной реформы. Но, с другой стороны, вредна и трусость перед огромностью задачи оздоровления денежного обращения, трусость,—которая может толкнуть на упрощенную, т.-е. девальвационную, реформу, в то время, когда об'ективные условия говорят за возможность полного восстановления ценности денежной единицы.

История говорит нам о том, что во всех странах после тяжкого похмелья от войны, расстроившей денежное обращение, всегда родится мысль о необходимости восстановить старую денежную единицу и твердую валюту. Даже девальвация, как метод восстановления металлического обращения, повсюду признавалась национальным бедствием, частичным государственным банкротством. На девальвацию шли под давлением непреодолимых препятствий. Но та же история говорит нам о том, что только в редких случаях отдельным народам удавалось восстановить металлическое обращение на основе старой денежной единицы; чаще приходилось прибегать к девальвации, и, наконец, сама жизнь и стечение неблагоприятных обстоятельств приводили к полному уничтожению всякой ценности денежного знака, потерпевшего аварию в тяжелых исторических условиях. Некоторые страны вообще не смогли наладить у себя настоящее денежное обращение и в XX веке пробавлялись хаотическим смешением разных денег и валют; напр., так обстоит дело в Китае. Некоторые страны, напр., Россия и Австрия, в течение столетия только в редкие и кратковременные моменты пользовались сравнительно устойчивым денежным обращением, пробавляясь в остальное время испорченными бумажными деньгами и собирая силы и средства для денежной реформы. Нет никакого сомнения в том, что отсутствие правильного денежного обращения, стоящего на незыблемой почве твердой металлической валюты, было одной из серьезных причин медленного развития народного хозяйства указанных стран.

В связи с переживаемыми Россией событиями, особенно поучительны такие исторические аналогии, которые рассказывают нам о катастрофической развязке бумажноденежного узла. Следует сейчас же оговориться: вообще всякие исторические аналогии не могут служить основными доказательствами. Всякий исторический пример индивидуален, он во многом связан с определенными условиями и обстоятельствами места и времени. Исторические же аналогии в области денежного обращения следует принимать особливо осторожно, так как денежное обращение теснейшим образом связано с народным хозяйством данной страны и, кроме того, оно резко меняется во времени, следуя

судьбе народного хозяйства. Особенно наглядные примеры катастрофической развязки бумажноденежного кризиса случились в самом конце XVIII века и в начале XIX века в странах, находившихся в весьма неодинаковых условиях. Хозяйственные и иные условия в начале XX века, во всяком случае, даже по отношению к экономически отсталой стране, России, резко отличаются от условий уже далекого прошлого, когда Франция и С.-А. Соединенные Штаты пережили бедствие полного обесценения бумажно-денежной единицы. Исторические аналогии имеют вспомогательное значение в деле познания настоящего и уяснения ближайших перспектив. Во всяком случае, исторические примеры не дают твердой базы для простых пророчеств, на что так тароваты иные пишущие и говорящие современники. Наконец, следует иметь в виду и еще одно обстоятельство. Научная обработка исторических фактов сводится к тому, что изучаемые факты очищаются от шелухи случайностей, в фактах выделяется общее, и таким образом устанавливаются научные „понятия“, выводятся „законы“. Так, напр., определены „законы денежного обращения“. Но эти „законы“, т.-е. подмеченные общие начала в развитии исторических фактов, в области денежного обращения установлены для нормального времени. Наука может сказать, что при данных условиях наступает острый кризис денежного обращения. Но развитие кризиса уже идет по случайной дороге, „законы денежного обращения“ оказываются нарушенными; в течение дел насильственно вторгается иррациональный элемент. Случайности приобретают выдающуюся роль, а поэтому показательная сила и значение исторической аналогии еще более ослабевает.

Но, во всяком случае, исторические аналогии интересны в высшей степени, так как в них все же имеется большой материал для размышлений на современные темы.

Мы остановимся на несчастном опыте Франции из эпохи великой революции. Об этом опыте писалось сравнительно очень много,—мы разумеем опыт с бумажными деньгами,—но в русской литературе нет изложения событий, сколько-нибудь удовлетворительного. Не останавливаясь на деталях, интересных с специальной точки зрения, мы попытаемся дать лишь основные штрихи истории знаменитых французских ассигнатов.

К моменту великой революции Франция отнюдь не была „бедной“ страной. По тогдашним масштабам, это была великая держава с основательной претензией на мировую гегемонию. Целый век история Европы была наполнена борьбою двух могущественных сил—Франции и Великобритании. Яблоком раздора был Новый Свет, призом было мировое господство. Для того, чтобы вести такую борьбу, нужно было обладать силами и средствами. Да и самая революция была показателем весьма значительных запасов жизненных сил у богатой нации. Страна была насыщена металлическими деньгами—золотом и серебром. Это обстоятельство следует иметь в виду для понимания того момента, когда ассигнаты утратили всякую ценность. В большом непорядке

были государственные финансы, отчасти в силу того, что вообще административная машина „стараго“ режима уже была совсем испорчена, отчасти потому, что от финансовой системы требовали больше того, что она могла дать, а отчасти и потому, что назревшая потребность в финансовой реформе наталкивалась на преграды в образе социальных привилегий, из которых был соткан старый режим.

При расстройстве финансовой системы, при наличности хронического бюджетного дефицита, денежное обращение страны всегда находится в угрожаемом положении. Но старый режим кое-как изворачивался, не особенно сильно налегая на систему денежного обращения. Министр Тюрго при старом режиме основал (1776 г.) банк коммерческого учета (Caisse d'escompte de commerce). Банк выпускал свои билеты, свободно циркулировавшие в стране, а значительную часть своего основного капитала он ссудил на долгий срок правительству. Отношения были такие же, как и при основании знаменитого банка Англии. Но во Франции правительство принадлежало на Caisse d'escompte, оно вынуждало ее увеличивать основной капитал (в конце концов до 150 миллионов), а это приводило к увеличению количества выпускаемых билетов, причем выпуск последних уже не стоял в связи с учетом коммерческих векселей; поэтому билеты были не нужны обороту, а правительство, желая навязать обороту ненужные ему билеты, сделало их билетами с принудительным курсом. Касса превратилась в источник правительственных позаимствований и скоро погибла. Ее смерть была отмечена декретом Конвента (1793 г.).

Этот прецедент показателен в том смысле, что он помогает выяснить, откуда революция взяла идею ассигнатов. На первый взгляд ассигнаты покажутся оригинальным созданием революции, но при ближайшем рассмотрении они окажутся правопреемниками билетов банка для коммерческого учета и во всем разделят их судьбу. Правда, революция пыталась придумать нечто оригинальное, но это оригинальное, во-первых, было очень неудачно, а во-вторых, быстро отскочило, как ненужная шелуха, и перед нами появляются ассигнаты, как типичные бумажные деньги.

Билеты банка для коммерческого учета, под давлением финансовой нужды, были использованы в казначейских целях. Финансовая нужда с наступлением революции только усилилась, а поэтому усилилась потребность в удобном средстве для покрытия государственных расходов. Революция никоим образом не способствует финансовому благоустройству,—наоборот, она содействует окончательному разрушению финансового механизма и толкает революционную власть на использование ненормальных способов финансирования государственного бюджета. Революция порвала со всеми старыми учреждениями и решила построить новое здание, на новом фундаменте. „Она, без сомнения, построила бы новое здание, но более медленно, чем полагала и часто наилучший материал она нашла бы в обломках старого“,—говорит историк французских финансов [1]). Во всяком случае, уничтожив старые

[1]) Kaufmann, R. Les finances de la France. Trad. Paris. 1884. Стр. 23.

вилоги, поставив перед собою в податном деле tabulam rasam, революция осталась без нормальных источников государственных доходов. Новые изобретения, как напр., добровольная складчина (cotisation volontaire), установленная в конце 1789 г. взамен всех налогов и представлявшая собою 5%-ный заем, за два года дала пустяки: 30 миллионов фр. [1]). В отношении же расходов дело обстояло иначе. Расходы росли, а расходование было лишено плана. Напр., „Учредительное Собрание довольствовалось высчитыванием расходов по мере надобности, сначала сроком на год, затем на три месяца, потом на один, наконец, со дня на день. У него не было никакого общего плана, оно не организовало никакой бюджетной системы... Со времени же создания ассигнаций всякий отдаленный расчет, всякое предвидение будущего,—одним словом, всякий бюджет—стали излишними: чего ради заниматься предварительным установлением бюджетного развития, когда доходы в бумажках наверняка покрывали расходы? Самый смысл установления бюджета исчезал“ [2]).

Ассигнаты были неизбежны в условиях, созданных французской революцией. Они были единственною формою чрезвычайных рессурсов, доступных революции, обкарнавшей себя в области нормальных финансовых рессурсов. Сами ассигнаты появляются на исторической сцене под густою вуалью, закрывающею их бумажноденежную сущность. Эта вуаль была необходима в виду крушения билетов банка комерческого учета. Неудобно было вступать на стезю, только-что приведшую к краху. Но так как иного пути не было, то пришлось выходить на проторенный путь окольными ходами и в маске. 1 октября 1789 г. Мирабо говорил о том, что критические обстоятельства могут принудить нацию прибегнуть к государственным билетам, и что нация вынесет это без больших неудобств, если билеты будут иметь ипотечное обеспечение и будут погашаться в определенные сроки. Ипотечное обеспечение было налицо: отобранные у короля и у церкви земельные имущества. Решили их продать на 400 милл. ливров. Доходы от этой продажи должны были поступать в „чрезвычайную кассу“. Но так как продать сразу земельных имуществ на 400 миллионов революционное правительство не могло, то потребовалось предвосхитить будущую выручку и выпустить на рынок особые бумаги на 400 миллионов, предназначенные к уплате за покупаемую землю. Бумаги были выпущены в форме 5% обязательств, с годовым купоном. Бумаги значились на предъявителя, купюрами в 1000 ливров, и были названы „ассигнатами“ (assignats), что указывало на их ипотечное обеспечение. В таком виде ассигнаты предназначались для рынка капиталов, представляя собою бумагу для помещения свободных средств из 5% годовых. Но так как размещение новых бумаг на рынке было совсем сомнительным делом, то становилось ясным, что ассигнаты в их первоначальной форме были бесплодным изобре-

[1]) Ibid. Стр. 119.
[2]) Штурм, Ренэ. Бюджет. Перев. СПБ. 1907. Стр. 37—38.

тением. Правда, доживавший последние годы названный банк коммерческого учета, билеты которого уже обладали принудительным курсом, попытался претворить в деньги и ассигнаты, выпуская под них свои так называемые промессы мелких купюр, имевшие в Париже принудительный курс. Таким образом, и 5°/₀ ассигнаты „размениваались" в деньги. Но банк доживал свои последние дни и поэтому не мог оказать серьезной поддержки правительству в таком „размене". Поэтому неизбежна была дальнейшая эволюция ассигнатов в сторону настоящих бумажных денег.

В своей первоначальной форме ассигнаты имели только одно свойство, помогавшее им сделаться деньгами,—это то, что они были выписаны на пред'явителя. Но этого было мало. Ассигнаты были созданы законом 19 декабря 1789 года. Закон 17 апреля следующего года делает первый, довольно еще робкий, шаг в сторону превращения ассигнатов в бумажные деньги. По этому закону купюра бумаг понижается до 200 ливров, процент понижается до 3, срочное погашение, которое было бы возможно при двух условиях—успешности продажи национальных земель и незаинтересованности правительства в поступлениях от продажи—заменяется тиражным. Но самое главное—появляется магическое слово: assignats-monnaie. Закон об'явил, что ассигнаты будут иметь курс денег на всем пространстве Франции и должны приниматься как правительственными кассами, так и частными лицами, за наличные деньги.

Но в этой форме ассигнаты были еще неудобны для циркуляции в виде денег, так как они приносили процент, и купюры их были довольно высоки. В том же 1790 году пришлось поднять максимум выпуска ассигнатов до 1.200 милл. ливров, и в связи с этим были уничтожены проценты. Таким образом, ассигнаты сделались беспроцентными бумагами, что приближало их к настоящим бумажным деньгам,—правда, имеющим ипотечное обеспечение. Осенью данного года ассигнаты уже утратили 10°/₀ своего номинала. Оставалось переделать купюру ассигнатов, для того, чтобы из них получить настоящие бумажные деньги. Но к этому шли окольным путем. Создавались особые кассы доверия (caisses de confiance), выпускавшие свои „билеты доверия" мелких купюр, на которые крупные ассигнаты и разменивались. Билеты доверия выпускались в 20, 15 и 10 су. Выпуск таких мелких билетов доверия свидетельствовал о том, что мелкая монета стала исчезать из обращения. Кассы доверия учреждались по разным основаниям и различными лицами. Причина, вызывавшая создание этих касс, заключалась в том, что 1.200 миллионов ассигнатов с принудительным курсом изгнали из обращения всю звонкую монету, что поставило всех и каждого в большие затруднения с разменом крупных ассигнатов. В одном Париже было в обращении 63 вида билетов доверия, сделанных из металла, картона и бумаги...

Дальнейшая история ассигнатов свелась к ежемесячным декретам о выпуске новых партий. Ассигнаты теряли свою ценность, что заставляло правительство увеличивать размеры новых выпусков. Вместе

с ростом числа ассигнатов, росли выпуски местных денег, возникавшие на почве затруднения с разменом ассигнаций и соблазнявшие местные организации легким способом получения средств. Франция наводнялась бумажными деньгами, каждый день терявшими свою цену. Правда, здесь следует указать на одно весьма важное обстоятельство. Утрата ассигнатами своей ценности падает, главным образом, на последний год их существования. Довольно скоро потеряв свой паритет, они в течение пяти лет служили правительству очень стойким источником рессурсов, что об'ясняется замечательною выносливостью тогдашнего народного хозяйства Франции, втечение ряда лет легко переносившего невзгоды революционного времени. Постепенное нарастание массы обращавшихся в стране ассигнаций можно видеть из следующей таблицы, в миллонах ливров:

Периоды.	Число месяцев в периоде.	Выпущено в течение периода.	Всего в обращении.
	Первая эпоха.		
До 1 июня 1791 г. . .	22	912,0	912,0
„ 1 октября 1791 г. .	4	239,5	1.151,5
„ 22 сент. 1792 г. . .	12	820,5	1.972,0
„ 1 января 1793 г. .	3	853,9	2.825,9
„ 1 августа 1793 г. .	7	949,9	3.775,8
„ 1 мая 1794 г. . . .	9	2.115,6	5.891,4
„ 1 июля 1794 г. . .	2	190,5	6.082,0
„ 1 октября 1794 г. .	3	536,2	6.618,2
„ 1 января 1795 г. .	3	610,5	7.228,8
	65 мес.	7.228,6 милл.	
	Вторая эпоха		
„ 1 апреля 1795 г. .	3	1.098,1	8.326,9
„ 1 октября 1795 г. .	6	9.552,3	17.879,3
„ 1 января 1796 г. .	3	9.685,8	27.565,2
„ 1 сентября 1796 г. .	8	18.313,5	45.878,8
	20 мес.	38.649,7 милл.	45.878,8 милл.

В течение первой эпохи истории ассигнатов их нарастание было умеренным и постоянным; в среднем, ежемесячный прирост ассигнатов в обращении за это время составлял около 111 милл. ливров. Таким образом, Законодательное Собрание и Национальный Конвент пользовались сравнительно благополучным бумажноденежным источником. Конвент прикончил этот источник, и Директория (с 27 октября 1795 г.) получила уже вещь, потерявшую реальное значение, так как ассигнаты пришли в критическое состояние уже в конце 1794 года. Вследствие этого Директории пришлось выпускать ежемесячно, в среднем, чудовищные по тому времени суммы—более 2½ миллиардов каждый месяц. Но, выпуская такие огромные массы, Директория получала, конечно, ни-

чтожное,—можно сказать, смешное,—количество реальной покупательной силы, так как курс ассигнаций падал неудержимо, что можно видеть из следующей таблицы, показывающей, сколько парицательной цены оставалось у бумажного ассигната (в % к номиналу):

	1789.	1790.	1791.	1792.	1793.	1794.	1795.
Январь	—	96	91	72	51	40	18
Февраль . . .	—	95	91	61	52	41	17
Март	—	94	90	59	59	36	13,28
Апрель . . .	—	94	89	68	43	36	10,71
Май	—	94	85	58	52	34	6,52
Июнь	—	95	85	57	36	30	3,38
Июль	—	95	87	61	23	34	3,09
Август. . . .	98	92	79	61	22	31	2,72
Сентябрь . .	93	91	82	72	27	28	2,08
Октябрь . . .	97	91	84	71	28	28	1,36
Ноябрь . . .	95	90	82	73	33	24	0,77
Декабрь . . .	95	92	77	72	48	20	0,52

Таблица показывает, что критический момент в истории ассигнатов наступал два раза: в начале осени 1793 года и осенью 1794 года. В первый раз удалось справиться с бедою и несколько поправить курс ассигнатов. Сильное падение курса ассигнатов в 1793 году, вероятно, было вызвано, главным образом, тем, что страна в это время переживала большой неурожай. Конвент, в лице Камбона, пытался заботиться несколько о финансах. Курс ассигнатов, после приближения к 20%, значительно оправился; это очень показательно в том смысле, что доказывает возможность значительного улучшения расстроенного денежного обращения. Правда, в это время общая масса ассигнатов была еще сравнительно с последующим временем довольно скромна—всего около 4 миллиардов. После второго приближения к 20%-ному курсу ассигнаты чрезвычайно быстро покатились под гору, механически понуждая Конвент в последние годы, а затем и Директорию, выпускать уже ни с чем несообразные количества. Строго говоря, ассигнаты умерли весною 1795 года, когда в политических отношениях воцарились непрерывные бури, предвещавшие конец не только Конвенту, но и революции. Конвент передал Директории ассигнаты в таком состоянии, когда они удерживали, с грехом пополам, лишь $^1/_{124}$—$^1/_{125}$ своей былой ценности. Это была уже тень денег, не имевшая серьезного практического значения. Для того, чтобы при помощи ассигнатов получить сколько-нибудь значительную покупательную силу, нужно было выбросить на рынок несметное количество новых бумажек. Директория это и сделала. Директория началась с 5 брюмера IV года, т.-е. с 27 октября 1795 года. В это время ассигнаты удерживали только $1^1/_3$% своей номинальной стоимости. В ноябре они сохранили ее уже менее процента и в декабре—только $^1/_2$%. Ясно, что ассигнаты перестали служить источником финансирования революции. Есть мнение

по которому выпуск ассигнатов в эпоху Директории считается простым „финансовым озорством“, но это не верно. И во время Директории принимались меры к тому, чтобы как-нибудь побороть причины, заставлявшие правительство беспрестанно выбрасывать на рынок новые и новые бумажные деньги. Министр финансов Директории пытался даже составить бюджет республики, над чем не задумывался Конвент. Более того, Директория исследовала через особую комиссию состояние государства и выработала даже особый финансовый план, показывающий, что власть отчетливо сознавала невозможность выбрасывания до бесконечности новых бумажных денег.

Основою финансового плана Директории было уничтожение возможности печатать новые ассигнации. Директория хотела дать себе срок только в шесть недель, втечение которых нужно было сфабриковать необходимый запас бумажек с тем, чтобы общее количество их не превышало 30 миллиардов ливров. Но и эти 30 миллиардов должны быть обменены или на записи в долговую книгу, или на новые 3% ипотечные бумаги (cedule hypothecaire). В дальнейшем продажа государственных земель, по мысли плана, должна производиться только за эти новые ипотечные бумаги. Таким образом, Директория, с одной стороны, хотела консолодировать ассигнаты, а с другой — она возвращалась к первоначальной мысли, положенной в основе ассигнатов.

Этот план начал осуществляться: 18 февраля 1796 года на Вандомской площади в Париже торжественно были сожжены формы, пуансоны и матрицы для печатания ассигнатов. Но, конечно, это нисколько не помогало делу. Ассигнаты утратили всякую ценность, правительственная касса была пуста. Директория сознавала необходимость создания нормальных бюджетных источников, как непременного условия оздоровления денежного обращения. Все государственные расходы были разделены на две части — на ординарную и экстраординарную. Первые должны покрываться обыкновенными доходами, которыми, к слову сказать, Директория не располагала, вторые — выпуском ипотечных билетов и продажей национальных лесов.

Попытка заключить принудительный заем без процентов потерпела фиаско. Но и этот заем преследовал цель оздоровления денежного обращения. Он заключался в металлической валюте. Обязательные участники займа должны были вносить свои доли металлической монетой или золотыми и серебряными слитками. В случае неимения благородных металлов, допускались взносы зерновым хлебом по ценам 1790 года. Ассигнаты принимались по курсу в 1% их номинальной стоимости. Нужно заметить, что этот курс был очень льготен для участников займа, так как в марте 1796 года золотая монета в 24 ливра (луидор) на ассигнаты ценилась уже в 5.800 ливров, в июне—19.000 ливров, т. е. бумажный ливр удержал к этому времени только $^1/_{1000}$ своей номинальной ценности.

Положение было безвыходное. Безвыходность заключалась в том, что правительство не могло наладить финансов, а страна не имела уже никакого доверия к бумажным деньгам. В это время Директория

осуществляет свой проект выпуска ипотечных билетов, т.-е. повторяет снова историю ассигнатов. Новые бумаги появились под названием земельных мандатов (mandats territoraux). Эти бумаги назначались для покупок национальных имуществ, оцененных в 1.800 миллионов ливров (чистый доход 1790 года, умноженный на 22). Новых мандатов было напечатано на 2.400 миллионов, из них необходимое количество было назначено на обмен на ассигнаты, по расчету 30 ассигнатов за 1 мандат-ливр; 600 миллионов было передано в кассу правительства, а остаток был положен в кассу, запертую на три ключа. По существу земельные мандаты были вторым изданием ассигнатов и во всем разделили их судьбу.

Мандаты в момент своего появления сразу получили принудительный курс, т.-е. они сразу обнаружили иллюзорность своей ипотечной оболочки и стали настоящими бумажными деньгами. Три месяца спустя после своего появления мандаты уже потеряли 3% номинала. Это было началом конца. 3 декабря 1796 года Директория об'являет, что она принимает в правительственные кассы мандаты по биржевому курсу. В июне 1796 года ассигнаты достоинством ниже 100 ливров были лишены принудительного курса, а 4 февраля 1797 г. были развенчаны и мандаты ценою ниже 100 ливров. В это время за мандат в 100 ливров давали только 20 су. 21 мая 1797 года были аннулированы оставшиеся в обращении ассигнаты на сумму в 21 миллиард ливров.

Мандаты бесславно погибли, продержавшись на исторической сцене один короткий миг. Когда пала Директория, т.-е. в момент переворота „восемнадцатого брюмера“ VIII года (9 ноября 1779 г.), во Франции финансов не было. „Le 20 brumaire, il n'existait réelement plus de finances en France“,—записано об этом моменте в мемуарах герцога Gaëte.

В каком же положении оказалась страна в момент катастрофы в области денежного обращения и, следовательно, государственных финансов? В самом плачевном. Главная беда заключалась не в том, что бумажные деньги полопались, как мыльные пузыри. Страна уже привыкла к такому состоянию, когда бумажные деньги обращались в населении, удерживая за собою несчастные остатки своей номинальной ценности. Утрата этих жалких остатков не могла особенно больно задеть хозяйственные интересы населения. Главная беда заключалась в том, что была разрушена в конец финансовая система, и истощена государственная касса. Для того, чтобы автор переворота „18 брюмера“ мог обернуться первые два дня, пришлось у одного из консулов занять 300.000 франков. В особенно тяжелом положении оказались все те лица и учреждения, которые жизненно были связаны с казначейством. Чиновники, пенсионеры, лица, жившие на проценты от государственных бумаг, армия, все это было поставлено в тяжкое положение,—но не тем, что лопнули бумажные деньги, а тем, что государство вообще не могло платить.

Частный оборот в значительной мере был насыщен золотом и серебром. Предполагают, что на руках у населения было от 1 до $1\frac{1}{2}$ миллиардов франков металлических денег. Такой суммы было вполне достаточно для того, чтобы крушение бумажных денег не поставило хозяйственную жизнь в тупик. Деловой оборот во время революции был более занят вопросом о том, как ликвидировать долги, заключенные в золоте, при господстве бумажных денег, обладающих принудительным курсом. Во время же ликвидации революции внимание было сосредоточено на вопросе о том как ликвидировать долги, заключенные в бумажно-денежной валюте, при наличности одних только полноценных металлических денег.

В сущности, весь вопрос сводился к тому, чтобы наладить финансовые отношения. Денежное же обращение наладилось быстро: как только исчезли бумажные деньги, грозившие металлу своим принудительным курсом, появились золото и серебро и сразу оздоровили денежное обращение, что было весьма полезно не только для народнохозяйственной жизни, но и для налаживания финансовых отношений.

О том, что все дело сводится не к денежной реформе, а к бюджетному вопросу, догадывались и те деятели, которые засыпали Францию бумажными деньгами. Описывая безвыходное положение купечества, министр финансов Директории Рамель в одном из своих докладов говорил, что положение казначейства требует месячного расхода *в 20 миллиардов* ассигнатов; между тем, — продолжал Рамель,—дело сводится к *60 или 70 миллионам*, если бы в распоряжении были металлические деньги. Но этих денег в руках Директории не было. Наполеон, взявший в свои руки власть после 18 брюмера, имел одно очень важное преимущество перед Директорией: он имел кредит. Он имел кредит в специальном смысле этого слова, а потому ему удалось выпустить на рынок краткосрочные обязательства пустой казны; но, кроме того, ему и вообще верили, верили в его счастливую звезду. Все хорошо знали, что Директория держалась не выпуском своих никчемных земельных мандатов, а тем золотом, которое Наполеон присылал из Италии, подвергшейся его контрибуциям.

Первые же распоряжения Наполеона показали деловому миру, что первый консул создает условия, благоприятные для экономической жизни. Это сразу оживило всех. Директория безуспешно хлопотала о том, чтобы создать частный банк промышленного кредита (banque générale de l'industrie). Как только промышленники догадались, почему Директория хлопочет о банке, так они немедленно поставили непременным условием абсолютное невмешательство правительства в дела банка. Это сразу охладило правительственный интерес к банку, и делегаты, собранные в Париже со всех концов Франции, были распущены по домам. Совершенно иначе обстояло дело при Наполеоне. В 1800 году возникает коммерческий банк, выпускающий билеты на пред'явителя (La Factorerie et le Comptoir commercial); в том же году, по мысли самого Наполеона, вдохновившегося примером Англии, учреждается существующий и поныне знаменитый эмиссионный банк —

Banque de France. На подмогу металлическому обращению появляются банковые билеты, разменные по пред'явлению. Наполеон фигурирует в качестве одного из первых акционеров Banque de France.

О том, что металлические деньги циркулировали в населении и в эпоху ассигнатов и мандатов, можно судить по тому, что всегда хорошо был известен их курс на золото; кроме того, как только исчезли мандаты и ассигнаты, немедленно банк, называвшийся Caisse des comptes courantes, основанный в 1796 году, и Caisse d'escompte du commerce, учрежденная в 1797 году, выпустили банкноты, в умеренных количествах, разменные по пред'явлению. Банкноты выпускались для коммерческих нужд столицы.

Таким образом, катастрофа в области денежного обращения, поставившая государственное казначейство в очень тяжелое положение, не только не лишила народное хозяйство денежных знаков, но сразу снабдила его прекрасными деньгами. В это время расчетный баланс Франции был очень благоприятен, так как наполеоновские походы заграницей обыкновенно заканчивались контрибуциями, пересылавшимися во Францию. С 1802 г. по 1815 г. Наполеон собрал контрибуциями свыше 5 миллиардов франков, и с занятых земель Франция получила приличный доход. Известно, что Наполеон поставил своею целью как можно скорее ввести в бюджетных отношених расплату звонкою монетою. На золотых монетах, чеканенных в 1804 году, имеется надпись: на одной стороне — „Французская республика", на другой—„император Наполеон". Эти надписи характерны в политическом отношении, но самый чекан показателен в финансовом отношении.

Появление звонкой монеты было одним из самых благоприятных условий для оздоровления финансов. Мы не будем останавливаться на весьма интересной деятельности Наполеона консула, а затем императора, направленной к оздоровлению финансов. Это не входит в нашу задачу. Но важно оттенить одно: и Конвент, и Директория, упорно державшиеся за свои злосчастные бумажки, в финансовой области были поставлены в тягчайшие условия: они вынуждены были собирать государственные доходы бумажками по номинальной их цене, между тем, как государственные расходы производились в большинстве случаев по ценам, отражавшим на себе влияние обесцененных денег. Таким образом, ни Конвент, ни Директория не могли выпутаться из беды. Наполеон, взявший в свои руки власть в тот момент, когда исчезли и ассигнаты, и мандаты, сразу мог налаживать государственный бюджет, опираясь на здоровое денежное обращение.

На этом мы можем остановить изложение истории той катастрофы, которую пережила Франция в самом конце XVIII века. Мы думаем, что из приведенного фактического материала должно быть ясно, что суть дела заключается не в денежной системе, а в народно-хозяйственных силах, в богатстве нации и в создании таких условий, которые давали бы народному хозяйству уверенность в будущем и помогали бы ему бороться с последствиями тяжких испытаний. Франция вышла из бумажно-денежной катастрофы в более твердом положении,

нежели те страны, которые, как, напр., Россия, Австрия, Пруссия, избежали этой судьбы, и бумажные деньги которых сохранили довольно значительную, по сравнению с ассигнатами, часть своей номинальной цены.

Французский опыт с ассигнатами стоит совершенно особняком в истории бумажноденежного обращения различных стран. Масштаб французского опыта оставался непревзойденным до последней войны, во время которой Россия явила миру новый опыт с бумажными деньгами. Перед русским опытом бледнеет и французская история с ассигнатами...

Интересно отметить, что одновременно с французскими ассигнатами и мандатами аналогичный опыт проделало государство в Новом Свете, на заре своей государственной истории. Всем известна та тяжелая борьба, которую вели С.-А. Соединенные Штаты за свою независимость. Эта борьба по преимуществу велась на бумажные деньги. Соединенные Штаты той эпохи представляли собою полупустынную страну, с весьма скромным по числу населением в 3—4 миллиона. Это незначительное население английской колонии только что устраивалось на обширной земле; в общем, оно было бедно и экономически находилось почти в рабской зависимости от своей метрополии. Когда колонии решили добыть свою независимость, у них не было налажено ни промышленности, ни финансов. В таком состоянии американские колонии решили об'явить войну богатой и могущественной Великобритании.

Добыть деньги налогами было невозможно, так как налоги давали ничтожные, по сравнению с потребностями, суммы; добыть деньги займами было невозможно потому, что внутреннего рынка капиталов еще не существовало, обеспечения займов в виде налогов не было, а для получения внешнего кредита прежде всего необходимо было утвердить государственную организацию и политическую самостоятельность.

Оставались бумажные деньги, с которыми американские колонии были уже знакомы, так как отдельные штаты, отчасти по причине недостаточности денежных знаков в обращении, а отчасти ради чисто фискальных целей, выпускали бумажные деньги различных типов и в этом деле переживали моменты тяжелых испытаний.

Таким образом, союз отдельных американских штатов уже имел достодолжный опыт в деле финансирования казны выпуском бумажных денег. Правда, этот опыт значительно вредил делу, так как союзу штатов приходилось выпускать союзные деньги в то время, когда во многих штатах обращались местные бумажные деньги, местами, в силу своего обеспечения, изгнавшие из оборота звонкую монету. Но у континентального конгресса, об'единившего 13 колоний, с населением едва превосходившим 3.000.000 человек, иного выхода, кроме бумажных денег, не было. К моменту выпуска денег от имени конгресса, на территории конгресса в обращении было монеты и бумажных денег на 12.000.000 долларов.

10 мая 1775 года был издан закон о выпуске континентальных бумажных денег, с принудительным курсом. Лица, подделывавшие бумажные деньги или отказывавшиеся принимать их по номинальной цене, об'являлись вне закона, „врагами кредиту, репутации и благоденствию колоний“. Суровость закона о подделывателях бумажных денег об'ясняется тем, что отдельные колонии весьма сильно страдали от подделок; огромные массы фальшивых американских бумажных денег ввозились из заграницы, главным образом, из Ирландии. Это зло в значительной мере терпела и Франция в эпоху своих ассигнатов.

Но закон бессилен побороть обесценение бумажных денег. В тогдашних условиях в Америке не было большой емкости для бумажных денег. Обесценение континентальных денег началось довольно скоро после их выпуска. Уже через год в Виргинии был образован особый комитет для обсуждения вопроса о причинах обесценения денег, выпущенных континентальным конгрессом. В ноябре 1776 года конгресс пытался устроить лотерею в целях получить звонкую монету, но никто не хотел вносить звонкие доллары в расчете получить за них континентальные теряющие цену бумажки. В январе 1777 года конгресс просит штаты отменить местные деньги и провозгласить континентальные деньги единственными, обладающими принудительным курсом. В апреле того же года этих денег было в обращении на 55.500.000 долл., и они удержали только $^{1}/_{6}$ часть своего номинала. В 1779 году денег было напечатано уже на 130.052.080 долл. Конгресс уже заметил, что каждая новая порция бумажек роняет курс всех предшествующих выпусков, но остановить дальнейшую эмиссию он не мог, так как касса его была пуста, а налогов собрать он был не в состоянии. Повсеместно были митинги, выражавшие громкие протесты против обесцененных денег, которых к 1786 году набралось уже 357.476.541 долл. Этой цифре, конечно, было далеко до французских миллиардов, но по отношению к количеству американского населения и экономическому положению зарождавшегося государства она, конечно, стоила французских астрономических количеств.

Правительство конгресса скоро увидело бесполезность дальнейшего выпуска новых денег. Оно попыталось в 1780—81 г.г. выпустить деньги нового типа: от имени отдельных штатов, но с гарантией союза. Но, разумеется, гарантия была, во первых, не очень сильна, а, во-вторых, новые деньги были уже третьим видом бумажных знаков, циркулировавших одновременно: бумажные деньги, выпущенные отдельными штатами-колониями, затем—выпущенные континентальным конгрессом и, наконец, третий раз, о котором мы только-что сказали.

Обесценение денег зашло так далеко, что конгресс законом 31 мая 1781 года лишил всю массу бумажных денег силы циркуляционного средства, т. е. бумажки перестали быть деньгами. Конгресс обещал их выкупить. В ожидании этого выкупа спекулянты скупали развенчанные бумажки по цене от $^{1}/_{400}$ до $^{1}/_{1.000}$ их номинала. Конгресс об'явил особую схему выкупа аннулированных денег. Об этом выкупе можно судить по расчету: билет в 100 долл. в марте 1780 г. выку-

пался за $2^1/_2$ доллара. По закону 1790 г., когда была уже принята конституция, бумажные деньги выкупались за 1% своей номинальной цены. Срок представления к выкупу был продлен до конца 1797 г.

Из этого совершенно краткого очерка американского опыта с бумажными деньгами видно, что в данном случае катастрофический конец бумажных денег наступил как бы по воле закона. Но очевидно, что закон был издан в такой момент, когда ничего другого не оставалось. Как же юное государство вышло из беды, постигшей его в чрезвычайно тяжелых обстоятельствах и на заре политической самостоятельности? Америка вышла из тяжелого испытания очень легко: на место исчезнувших денег появились новые, металлические. До войны с Англией обесценение бумажных денег приводило их к тому, что худые деньги выгоняли хорошие за границу, главным образом, в Великобританию. Во время войны американские колонии лишены были возможности покупать товары в Англии. Наоборот, Англия, ведя борьбу с колониями, тратила свое золото на американской территории. Кроме того, в своей борьбе с метрополией американские колонии Великобритании получили существенную поддержку и боевыми силами и товарами, и золотом от тогдашнего врага Англии—Франции. Экономическая помощь Франции, французское золото оживили хозяйственную жизнь американского государственного союза и помогли ему настолько быстро изжить бумажно-денежную беду, что в самом скором времени в Америке возникают эмиссионные банки, пользующиеся полным успехом у населения, забывшего несчастный опыт совсем свежего прошлого [1]).

IV.

Восстановление ценности.

Катастрофический исход в области денежного обращения, причиняя и народному хозяйству в целом и всем гражданам тяжкие ущербы, создавая сложные пертурбации для экономического оборота, все-таки приводит, хотя и дорогою ценою, к здоровому денежному обращению. Больные деньги умирают, появляются нормальные деньги, что способствует скорейшему восстановлению производительных сил и

[1]) Литература по затронутому в данной главе вопросу довольно значительна. На русском языке, к сожалению, книг, трактующих означенный вопрос, почти нет. Укажем: *Кауфман И. И.* Кредитные билеты, их упадок и восстановление СПБ. 1888. Стр. 281 сл.; затем нужно искать в общей исторической литературе, напр. у пр. *Н. И. Кареева.* Иностранная литература: *A. Courtois.* Histoire de la Banque de France et des principales institutions françaises de crédit depuis 1716. Paris, 1875. Стр. 78 сл.; *R. Stourm.* Les finances de l'ancien régime et de la révolution. 1885 (во втором томе); Gomel. Historic financière de l'Assemblée Constituante. 1896; *Vührer, A.* Histoire de la dette publique en France. Paris. 1886 (в первом томе); *Raphael-Georges Levy.* Banques d'émission et trésors publics. Paris. 1911. Стр. 6 сл.

A. S. Bolles. Financial History of the United States. 1896.; *Hepburn, A. B.* A History of currency in the United States with a brief description of the currency systems of all commercial nations. New Jork. 1915; глава VII и VIII; указана обширная литература.

развитию народно-хозяйственных отношений. Сравнительная легкость перехода от обанкротившихся бумажных денег к металлическому обращению и быстрота такого перехода об'ясняются тем, что в руках населения, переживающего ужасы бумажно-денежной инфляции и страшного обесценения бумажно-денежного знака, всегда оказываются припрятанными значительные количества звонкой монеты и вообще благородных металлов. С другой стороны, обесценение бумажных денег взвинчивает цену звонкой монеты, что ставит в общий уровень и цены монеты, и распухшие цены товаров. Поэтому небольшое количество звонкой монеты с легкостью обслуживает сокращенный по об'ему оборот товаров, хотя бы и по распухшим ценам. Количество же товаров в такие пертурбационные эпохи, которые вызывают необходимость без конца печатать бумажные деньги, обыкновенно сильно сокращается, так как чрезвычайные события расстраивают экономическую жизнь. Это обстоятельство в значительной мере облегчает водворение денежного обращения на металлическую базу. Как только зарубцуются раны народно-хозяйственного организма, как только немного наладится экономическая жизнь, неудобства обращения металлических денег в натуре и стеснения, вызываемые ограниченностью об'ема металлических денег, устраняются при помощи кредита: появляются кредитные деньги, т.-е. разменные банкноты, а кроме того восстанавливается беззначный оборот.

Но потрясения, вызываемые катастрофическою развязкою бумажно-денежного узла, составляют величайшее национальное бедствие, смягчаемое только стечением благоприятных условий. Идеальным выходом из положения, созданного обесценением бумажно-денежной единицы, было и будет полное восстановление ценности бумажных денег, достижение ими общего уровня с ценою золота, Нужно прямо сказать, что такой идеал достижим при наличности целого ряда об'ективных условий и в этом смысле не зависит от воли и намерений правительства и общества. Мы уже говорили, что содержание и задачи денежной реформы предопределены тем состоянием денежного обращения, в котором оно находится в момент, когда вообще становится возможным заводить речь о преобразовании и улучшении системы денежного обращения. Экономическая политика может только ускорить или замедлить путь реформы, может угадать или ошибиться относительно достижимой цели—и только. Природа вещей имеет свою логику, безжалостную по отношению к тому обществу, которое захочет нарушить законы логики или не сможет правильно их понять и умело подчиниться им.

Одно обстоятельство отчасти предрешает выборы пути при определении основной цели денежной реформы: количество бумажных денег в момент открытия действий реформы. Абсолютное количество денег не играет роли. Мы видели, что Франция и Америка пришли к нулификации своих бумажных денег при различных абсолютных количествах бумажных денег. Цена бумажных денег в отношении золота и в отношении основных товаров показывает, как хороший термометр, относительное значение для народного хозяйства абсолют-

ного количества бумажных денег. Если бумажные деньги потеряли львиную часть своей номинальной цены, если, следовательно, они выпущены в количествах ни с чем несообразных, то простая логика доказывает, что нет никакого основания стремиться к восстановлению полной ценности почти погибшего бумажно-денежного знака. Ни с чем несообразное количество денежных знаков ненужно и прямо вредно при всех условиях. Поднимать их цену,—если бы вообще эта затея могла бы иметь какой-либо шанс на успех—значит только усиливать корень зла, увеличивать хаос и подчеркивать нелепость положения. Таким образом, возможность восстановления полной ценности бумажных денег обусловлена прежде всего их количеством, оцененным под углом потребности народного хозяйства. Если, напр., бумажные деньги в больших количествах сделались излишними вследствие того, что чрезвычайные обстоятельства, вызвавшие их на свет божий, придавили народно-хозяйственную жизнь и страшно сократили национальное производство, если, другими словами, в то время, когда количество рублей неудержимо растет, количество пудов так же неудержимо падает, то возникает совершенно естественный вопрос о *временном* характере такого расхождения между количеством бумажных денег и количеством товарных ценностей. В данном случае необходимо поставить вопрос о том, не будет ли восстановлена ценность денег быстрым восстановлением национального производства. Если такая возможность предвидится, то путь и цель денежной реформы обозначится ясно. Вопрос сводится только к моменту времени: сколько времени потребуется для такого выравнивания соотношения между деньгами и пудами. Если для этого нормального процесса требуется слишком много времени, то предстоит решить вопрос о том, сможет ли страна жить и развиваться в условиях неупорядоченного денежного обращения столь продолжительное время. Элемент времени в данном случае играет очень важную роль. Мысленно возможный процесс восстановления ценности денег путем оживления и развития народно-хозяйственных сил окажется фактически невозможным, если для этого, по целому ряду причин, потребуется слишком продолжительное время. Вообще нужно сказать, что полное восстановление ценности бумажных денег даже при указанном условии—счастливый жребий *экономически богатых* стран. Мы в особенности подчеркиваем слово „экономически“, так как естественные богатства страны при этом играют ничтожную роль, если вообще они в данном случае играют какую-либо роль. К ним с голыми руками не подойдешь, а страшное истощение народного хозяйства во время войны и революции, страшная придавленность народно-хозяйственной деятельности и есть то, что мы называем здесь „голыми руками“.

Совершенно иначе и совсем безнадежно обстоит дело в том случае, если во время национальных бедствий было выпущено бумажных денег такое количество, которое абсолютно и относительно несообразно ни с чем. Какой смысл восстановить полную ценность 50 миллиардов рублей, когда полноценных рублей нужно, быть может, всего только один миллиард? Народное хозяйство Франции в конце XVIII века

было бы похоже на злую каррикатуру, если бы каким-нибудь чудом все 45 миллиардов злосчастных ассигнатов вдруг приобрели бы полную ценность. Но добиться этого так же невозможно, как невозможно добиться различного уровня воды в двух сосудах с сообщающимся дном. Добиваться этой цели значит загнать экономическую политику в область четвертого измерения...

Правда есть путь, который как бы решает эту квадратуру бумажноденежного круга. Этот путь заключается в предварительном снятии с рынка всех излишних масс денежных знаков. Этот путь приводит нас к бюджетному вопросу, но, приводя нас сюда, он сразу же ставит нас лицом к лицу с проблемой, вероятно, неразрешимой ни при каких условиях.

Снять излишние миллиардные массы бумажных денег можно или при помощи налогов, или при посредстве займов, или же тем и другим способом одновременно, но с одним непременным условием: добытые налогами и займами суммы бумажных денег должны быть немедленно изничтожены, и ни в коем случае государственная касса не должна выпускать их снова в оборот.

Для того, чтобы ясно оценить практическую осуществимость такого плана, необходимо иметь в виду следующее чрезвычайно важное обстоятельство. Первым и непременным условием всякой денежной реформы, а тем более такой, которая ставит своей задачею полное восстановление ценности бумажных денег, является абсолютный отказ правительства от выпуска бумажных денег ради покрытия государственных расходов. Это—отправный пункт всякой денежной реформы. Для того, чтобы добиться такого состояния государственного бюджета, при котором не будет нужды в фискальных выпусках бумажных денег, необходимо создать прочное бюджетное равновесие, что является трудною задачею не только после жестоких потрясений народнохозяйственного организма во время войн и революций, но и в нормальное время. Ясно, что при достижении такого равновесия, как обязательного условия денежной реформы, каждая копейка казенных доходов будет считана и пересчитана. Поэтому вряд-ли окажется возможным значительную часть казенных доходов от налогов и займов, привлекших в государственную кассу бумажные деньги, сжечь в печке.

С другой стороны, консолидация бумажных денег в форме процентного государственного долга создает новый ежегодный расход казны на оплату и погашение долга, что, в свою очередь, или разрушает с трудом достигаемое бюджетное равновесие, или ставит его под серьезную угрозу, а вместе с тем, угрожает и делу оздоровления денежного обращения.

Наконец, есть еще одно обстоятельство, играющее существенную роль при востановлении полной ценности бумажноденежной единицы. Это—состояние расчетного баланса с заграницей, влияющее на вексельные курсы. Если расчетные отношения с заграницей складываются, как общая тенденция, неблагоприятно для страны, оздоровляющей свою денежную систему, если путем целого ряда мер, как, напр., усиление

вывоза, сокращение ввоза, заключение внешних займов, привлечение иностранных капиталов, нет надежды сломить неблагоприятную тенденцию расчетного баланса, то нет прочной надежды и на полное восстановление ценности бумажноденежной единицы.

Не трудно заметить, что в последнем случае вопрос сводится к тому, что оздоровление денежного обращения вообще возможно в условиях здорового народного хозяйства, и что восстановление полной ценности бумажноденежной единицы посильно только для здорового и полнокровного народнохозяйственного организма.

После этих предварительных замечаний можно перейти к тем немногим историческим примерам, которые покажут нам, как и при каких условиях восстанавливалась полная ценность бумажноденежной единицы. Такие случаи были в истории Великобритании, Соединенных Штатов и Франции. Из одного перечня этихъ стран можно видеть, что интересующие нас примеры относятся к истории денежного обращения оченъ богатых, передовых промышленных стран.

Английский случай относится к давнему времени, именно, к периоду времени с 1797 г. по 1819 год, когда Англия победоносно заканчивала свою вековую борьбу с Францией и утверждала свою экономическую гегемонию на мировом рынке. В то время Англия уже была богатейшей страной, с хорошими финансами, с благоустроенным кредитом, что позволяло ей выносить беспримерно большие военные расходы. Война 1793—1815 г.г. обошлась Англии, по официальной оценке, в 832 миллиона фунт. ст., сумма, для того времени исключительная.

Поводом к установлению неразменности банкнот английского банка (Bank of England) послужила паника среди населения Англии, вызванная неудачной попыткой французов сделать высадку в Ирландии в декабре 1796 года. Население переполошилось и стало повсеместно требовать из банков золото, как списыванием своих счетов, так и пред'явлением банкнот к размену. Так как английский банк и в ту эпоху был уже настоящим центром денежного рынка, то груз требований на золото, явившийся результатом потрясения кредита, упал на него. Состояние же банка было таково, что он свободною выдачею золота не мог утишить паники, так как его касса в металле была незначительна. Банк рисковал остаться без золота, что погубило бы в глазах страны и всего света репутацию банка и оставило бы правительство без необходимого финансового инструмента.

Но причины, вызвавшие приостановление размена банкнот, лежали глубже. Беспримерные по своим размерам военные расходы Англии покрывались при помощи налогов и займов. В этом отношении Англия делала значительные усилия, приводившие к положительным результатам. В 1790 году податной доход был в 18,3 милл. ф. ст., через 10 лет, в 1800 году, он составляет уже 41,2 милл. ф. ст., затем, через пять лет, поднимается до 55 миллл., в 1810 г.—73 милл., в 1815 г.—79 милл., ф. ст. За четверть века, прожитую в условиях войны, податной доход страны увеличился в 4⅓ раза. Вряд-ли в

истории других государств можно найти аналогичные примеры. В это же время быстро рос и государственный долг. В 1790 году долгов было на 241 милл. ф. ст., в 1800 году—на 470 милл., в 1810 г.—на 678 милл., в 1815 г.—на 861 милл. ф. ст. Последняя сумма была подавляющей. Накануне мировой войны 1914—18 г.г. государственный долг Англии был меньше, нежели во время завершения ею борьбы с Францией в начале прошлого века. В среднем с 1790 г. по 1815 г. Англия ежегодно увеличивала свой государственный долг на 24—25 милл. ф. ст.

Но в военных расходах Англии была одна особенность, которая роковым образом приводила страну к бумажноденежному испытанию. Война шла на континенте Европы, где и приходилось Англии тратить значительную часть своих военных рессурсов. Кроме того, Англия, как известно, широко субсидировала своих союзников. То и другое обстоятельство приводило к высылке золота на континент. Англия истекала золотом, что ставило в тяжелое положение английский банк, откуда правительство черпало средства для перевода золота за границу. Обычные финансовые рессурсы для ведения войны—податной и займовый доход—подавали средства казначейству медленно, средства же нужны были немедленно. Такие немедленные средства правительство находило в английском банке, где оно учитывало свои векселя, или куда присылались векселя правительства, выданные им за-границей на банк.

Такой способ финансирования войны замораживал актив английскаго банка, делал его неподвижным и однобоким. К моменту приостановления размена банкнот, банк имел незначительную металлическую кассу, составлявшую 11% выпущенных в обращение банкнот, что было мало как для удовлетворения панического спроса на золото со стороны населения, так и для правительственных нужд. Банк не мог стянуть к себе средства из коммерческого своего портфеля, так как 70% его активов были выданы правительству и только 30%—под учет векселей. Если же взять вклады частных лиц (около 5 милл.) и банкноты в обращении (около 9½ милл. ф. ст.), то ясно, что сумма возможных требований на золото (14½ милл.) была чрезвычайно велика по сравнению с металлическою кассою (1 милл. ф. ст.).

Банку пришлось пойти на приостановление размена под влиянием внутреннего спроса на золото, созданного паникою, и вследствие состояния своих активных отчетов, обусловленного крупными авансами правительству. Нужно заметить, что положение банка никогда не было столь тяжелым, как в годы прекращения размена, за все время с 1790 года по 1818 год, когда был восстановлен размен. В этот год ни банк, ни правительство, ни общество не думали, что в условиях неразменных банкнот стране придется прожить столь долгое время. Наоборот, все полагали, что период неразменности скоро пройдет, а потому сначала королевский указ, а потом парламентские законы устанавливали неразменность на очень короткие сроки, причем обстоятельства вынуждали к продлению сроков неразменности.

Для правильного понимания положения с деньгами в Англии необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. В то время, когда банк закрывал размен своих банкнот на золото, в руках населения находилось банковых билетов банка Англии на $9^{1}/_{2}$ милл. ф. ст. и золота на 22 милл. ф. ст. Такое огромное количество свободного золота было тем фондом, из которого, с одной стороны, банк мог увеличивать свои запасы, а с другой—мог покрываться спрос заграницы, что поддерживало вексельные курсы. Вексельные курсы в первом периоде неразменности стояли не только благоприятно для Англии, но превышали паритет на 11%, что мощно способствовало притоку золота в Англию. Банк спешно и с большим успехом пополнял свою кассу золотом, доводя ее до 58% общей массы выпущенных в обращение банкнот (в феврале 1799 года), что питало уверенность в краткосрочности закрытия размена. Но так обстояло дело только первые два-три года периода неразменных банкнот.

Начиная с осени 1799 года и постепенно усиливаясь, появились симптомы, указывавшие на ухудшение экономического положения Англии. Это ухудшение выражалось прежде всего в том, что расчетный баланс Англии стал складываться не в ее пользу. Заграничные расходы на войну и на поддержку союзников возрастали, создавая утечку золота. Цены на продовольственные и сырьевые товары, получаемые Англией из за-границы, поднимались. Покупательная сила континентальных рынков, имевшая для английской промышленности очень крупное значение, под влиянием затяжных военных событий сокращалась. Континентальная блокада ставила под угрозу самые жизненные интересы английского народного хозяйства. В результате всех этих фактов вексельные курсы стали постепенно складываться не в пользу Англии, достигая такого уровня, когда утечка золота заграницу делалась неизбежным фактом. Английский банк удерживал свою золотую кассу на уровне благоприятного момента (между 5 и $7^{1}/_{2}$ милл. ф. ст.); неблагоприятные курсы извлекали золото из обращения; но в особо трудные моменты, напр., в 1802 году, и банку приходилось понижать свой золотой запас до низкого уровня, почти до уровня панического момента приостановления размена (2,7 милл. ф. ст.). Правда, банк скоро снова стал увеличивать свои золотые запасы, но они уже не поднимались выше достигавшегося ранее уровня, между тем, количество банкнот в обращении росло и росло, что роняло отношение между кассою и банкнотами иногда до 23%. О росте банкнотного обращения можно судить по следующей таблице, в тыс. фунтов стерлингов (средние годовые суммы):

годы		годы	
1792	11.407	1808	17.109
1793	11.589	1809	18.914
1794	10.833	1810	22.541
1795	11.483	1811	23.282
1796	10.220	1812	23.256

годы		годы	
1797	10.989	1813	24.023
1798	12.570	1814	26.927
1799	13.471	1815	26.887
1800	15.150	1816	26.574
1801	15.809	1817	28.274
1802	16.678	1818	27.221
1803	16.485	1819	25.145
1804	17.406	1820	23.920
1805	16.883	1825	20.105
1806	16.789	1830	20.491
1807	16.705		

Таблица показывает, что закрытие размена (1797 год) радикально меняет эмиссионную политику банка. Последние годы перед закрытием и первое десятилетие после возобновления размена банк ведет устойчивую эмиссионную политику, не расширяя сферы банкнотного обращения, даже сокращая ее, памятуя, что каждая банкнота есть вексель на золото, и что выпуск банкнот должен согласоваться с реальными потребностями оборота. Иначе обстоит дело в период неразменности: количество банкнот растет год от году. В Англии в описываемую эпоху неразменности минимум банкнот приходился на год приостановления размена, а максимум на 1817 год. За это время масса банкнот увеличилась немного более, чем в 2½ раза. Картина эта типична для подобных эпох, и мы наблюдаем ее в настоящее время. Но, принимая во внимание тогдашние военные расходы Англии, мы должны сказать, что, в общем, государство всячески щадило ресурсы банка и тем самым облегчало возможность быстрого (сравнительно) восстановления размена.

Куда уходили вновь выпускаемые банкноты? Втечение первых пяти лет неразменности около ¾ актива банка составляли текущий долг правительства и ¼ — коммерческий портфель. Затем правительственный долг сокращается, активы банка делятся почти пополам между правительством и оборотом, и наконец правительство уступает свое место торговому обороту. В течение настоящей войны (1914—1918) мы наблюдаем совершенно иную картину, картину почти полного захвата государством эмиссионного банка, что сказывается в неизмеримо более резком приросте неразменных билетов в обращении. Во время настоящей войны Англия и на этот раз смогла вести более здоровую финансовую политику, нежели континентальные государства, что прежде всего говорит о превосходстве народнохозяйственных ресурсов Англии.

В эмиссионной политике английского банка из эпохи неразменности бросается в глаза факт легкого отношения правления банка к выпуску новых банкнот. Банк охотно шел на учет векселей, так как это давало ему солидные барыши. В этом случае банк вредил интересам денежного обращения, так как довольно часто состояние вексель-

ных курсов требовало от него обратной политики. Но, с другой стороны, неблагоприятный вексельный курс гнал золото из страны, возникший на почве вексельного курса лаж на золото сокращал область обращения звонкой монеты; все это создавало в обращении пустоты, которые приходилось заполнять новыми банкнотами. Характерно, что в самом начале периода неразменности банку пришлось выпустить мелкие банкноты в 1 и в 2 ф. ст. С 1794 года банк выпускал 5-фунтовые билеты. Мелкие банкноты охотно принимались оборотом, но порою они обильно притекали в кассу банка, свидетельствуя о том, что в обороте им делать нечего, что страна начинает вступать в период насыщенности обращения, в период инфляции.

Неблагоприятный расчетный баланс, созданный правительственными расходами заграницей, несомненная инфляция внутри страны, неуверенность в политическом положении в такой момент, когда вся Европа была превращена в вооруженный лагерь, что заставляло население придерживать золото,—все это приводило к расхождению между ценою золота и ценою банкнот. Курс золота рос, курс бумажной неразменной банкноты падал. В первые годы неразменности лаж на золото не превышал 1%, но уже в 1800 году он доходит до 10%. Затем положение улучшается, так как улучшается и общая политическая ситуация в Европе. Сильное английское народное хозяйство оживает, но вот снова обрисовывается возможность новой войны, которая скоро принимает характер затяжного общеевропейского вооруженного конфликта. В 1809 году лаж на золото в Англии достигает 14%, в 1811 году—20%, в следующем году—25% и, наконец, в 1813 году—29¼%. Английская банкнота обесценивается почти на треть своего капитала. Но близок был час английской победы и освобождения народного хозяйства от изнурительных условий войны.

Когда лаж на золото стал достигать крупных размеров, а вексельные курсы падали на 36 и даже 41%, то банкнота, не имевшая принудительного курса, встретила серьезные преграды в своей циркуляции. Один из крупных помещиков демостнративно отказался принимать от своих фермеров банкноты по номиналу. Скандал грозил разрастись. Поэтому пришлось установить нечто вроде принудительного курса, именно, в 1811 году был издан закон, запрещавший принимать банкноты иначе, как по номинальному курсу, а фермерам было предоставлено право платить свои аренды банкнотами. Таким образом, настоящего принудительного курса билеты английского банка не получили, а был лишь запрещен лаж на золото. Разумеется, в большинстве случаев это привело к переоценке цен.

Когда окончилась война, народное хозяйство Англии скорее других стран могло оправиться от потрясений. Война не затрагивала территории Великобритании, а замирение Европы сразу очищало путь для английских товаров. Английская финансовая система была настолько эластична, что упорядочить долговые отношения правительства к банку не представлялось бы затруднительным. Все это предрекало быстрое улучшение курса фунта стерлингов и уничтожение лажа на золото.

Но тем не менее потребовалось более пяти лет на достижение намеченной цели. Обстоятельства, которые мешали быстрому восстановлению размена, заключались в следующем. С одной стороны, правительство не торопилось освободить банк от текущего долга, что крайне суживало сферу влияния банковой политики: чем меньше портфель коммерческих векселей в эмиссионном банке, тем слабее его воздействие на денежное обращение. При операции же возобновления размена банкнот на золото, банк, конечно, должен обладать полнотой власти над рынком. С другой стороны, момент, когда, вследствие прекращения военных расходов, прекратился отлив золота из Англии заграницу, создал, конечно, весьма благоприятное положение для английского вексельного курса. Золото потекло обратно в Англию, чем банк воспользовался для пополнения своих запасов. Но такое состояние было недолговременным: после наполеоновских войн Англия, в частности, лондонский денежный рынок, приобретает мировое значение. Английская фондовая биржа делается сосредоточием международных финансовых операций. Большие займы Франции, России и других стран находят себе приют в Лондоне; туда же возвращаются с континента английские бумаги. Такая роль Лондона предполагает безусловно благополучный расчетный баланс. Но этого еще не было. Утечка золота из банка, облегчавшего реализацию займов, отдаляла возможность размена и роняла вексельные курсы. Ясно, что такие уроны носили временный характер, так как в английских условиях заем вредно влияет на расчетный баланс только в момент совершения кредитной операции, через год заем уже является благоприятным фактором расчетного баланса, так как он дает проценты и частичное погашение. Наконец, следует иметь в виду и то, что окрепшее в военной непогоде народное хозяйство Англии не могло сразу развернуть свои силы и использовать счастливую для него обстановку по двум причинам: во-первых, промышленность и торговля, работающие на мировой рынок, обусловлены в своем развитии состоянием мирового рынка, в данном случае рынка разгромленной и испепеленной Европы. Во-вторых, наполеоновская эпопея воскресила в европейских государствах стремление к экономической самостоятельности; опыт континентальной блокады не прошел даром и обратил внимание стран на внутренние рессурсы, на местные производительные силы. Это обстоятельство создавало некоторые преграды (таможенные пошлины) для английских товаров. Войны конца XVIII и начала XIX века сильно истощили Европу, что можно видеть по весьма возросшим товарным ценам. Напр., кофе вздорожал на 360% сахар на 248%, а некоторые сорта его — на 446%, хлопок на 428%, и т. д. Это сильно мешало росту английской промышленности и торговли.

Еще в 1815 году премия на золото в Англии достигала $16^1/_2$%. Правда, с этого момента она начала быстро таять, упав в 1817 году до $2^1/_2$% и в 1820 году до $^1/_2$%.

Оздоровление денежного обращения было результатом быстрого оздоровления и развития народно-хозяйственной жизни. Денежная

реформа 1819 года, формально утвердившая начала разменности и связанная с именем Роберта Пиля, по существу своему была робким угадыванием того внутреннего процесса, который совершался в сфере денежного обращения под влиянием экономического фактора.

В палате депутатов, обсуждавшей денежную реформу, далеко не все ораторы понимали положение дела. Раздавались предложения о девальвации в форме сокращения числа шиллингов в фунте на 1. Да и самый закон о возобновлении размена, подписанный 2 июля 1819 года, свидетельствует о том, как трудно при проведении денежной реформы точно определить истинное состояние денежного обращения и вытекающие из него последствия. Закон 1819 года разрешал продолжить неразменность до 1 мая 1823 года и отменял запрет вывоза монеты заграницу. Затем, устанавливался срок (1 февр. 1820 г.—1 окт. 1820 г.), когда банк должен был частично разменивать маленькие суммы по повышенному курсу, затем новый срок для пониженного курса, причем банк мог выдавать золото не монетой, а слитками. И только с 1 мая 1822 года банк мог выдавать монету, и наконец, с 1 мая 1823 года наступал момент абсолютного размена.

Так осторожно шли законодатели к цели, которая была уже у них перед глазами.

Как только закон прошел, доверие к банку и к английскому кредиту вообще стало на прочную почву. Лаж почти исчез, а вексельные курсы не только окончательно оправились, но встали настолько выше паритета, что обусловили приток золота в Англию. Экономическая жизнь вошла в колею, правительство оставило денежное обращение в покое. Производительные силы страны получили полную возможность свободного развертывания. Правительство освободило банк от мертвящего груза финансовых долгов, банк соразмерил банкнотное обращение с нуждами оборота. В результате—банкнота выпрямилась. В первую голову банк из'ял из обращения мелкие банкноты и расчистил путь для циркуляции золота, которое приливало в страну обильным потоком. В конце концов, денежное обращение сделалось совершенно нормальным ранее установленного (1823 год) срока, и банк фактически мог открыть и открыл свободный размен в 1819 году. За 23 года неразменных банкнот банкнотное обращение удвоилось. Таков внешний эффект в сфере денежного обращения Англии, имевшей и другие эмиссионные банки, сумма банкнот которых равнялась сумме банкнот английского банка. Но ясно, что удвоенная масса банкнот английского банка была нужна обороту, иначе она сократилась бы, как только был об'явлен размен на золото. Любопытно отметить, что инфляционистский толчок к расширению банкнотного обращения был самым решительным фактором на протяжении целого столетия: в 1880 году банкнотное обращение составляло 15 милл. ф. ст., в 1900 году—23 милл. Как помнит читатель, в период инфляции максимум обращения был 28 милл. ф. ст. Ясно, что само по себе количество банкнот в обращении значения для размена не имеет.

Опыт Англии с неразменными банкнотами, а главное, с восстановлением размена лучше всего убеждает в том, что восстановление размена главнейшим образом является формулой оздоровления народного хозяйства и благоприятного положения его на мировом рынке. В Англии реформа ставила правильную задачу, вытекавшую из общего состояния как производительных сил, так и денежного обращения. Несмотря на искренние и притворные заблуждения в кругу лиц, влияющих на направление денежной политики в Англии, голоса лиц, затуманенных „обилием" бумажных денег, не могли заглушить речи тех, кто ясно и отчетливо понимали положение дела, как, напр., знаменитый экономист Давид Рикардо. В период неразменности в Англии был составлен основательный „доклад о золоте", знакомство с которым обязательно и ныне для всякого, желающего разобраться в вопросах денежного обращения. Совершенно иначе обстояло дело в С.-А. Соединенных Штатах в эпоху гражданской войны в 60-х годах прошлого века. И финансовая политика, и воззрения лиц, влиявших на судьбы денежного обращения,—все шло часто наперекор здравому смыслу и логике вещей, да и финансовые обстоятельства государства, раздиравшегося гражданской войною, были весьма стеснительны. И тем не менее и в этой стране растущего народного хозяйства бумажно-денежная болезнь прошла бесследно, не только не помешав развитию производительных сил, но быстро поддавшись влиянию здоровых соков народно-хозяйственного организма. Если в Англии в начале XIX века можно наблюдать сознательную работу над оздоровлением денежного обращения, то в С.-А. Соединенных Штатах в начале второй половины того же столетия, наоборот, можно видеть оздоровление денежной системы наперекор неудачной или ошибочной политике.

Гражданская война в Соединенных Штатах разразилась летом 1861 года. Финансы Штатов были не в блестящем состоянии. Втечение мирного времени Штаты накопили долг; государственные доходы в конце бюджетного 1861 года (на 30 июня) составили 42 милл. долл., расходы же 67 милл. При 32 миллионах населения денежное обращение состояло из 250 милл. звонкой монеты и 202 милл. банкнот, выпущенных так называемыми „государственными банками" (State Banks). Банкнотное обращение было довольно хаотично и пестро, насчитывалось около 7.000 видов и наименований банковых билетов, часто ходивших с „учетом", в особенности если билет уходил далеко от выпустившего его банка. Гражданская война оторвала от основного ядра государства около 7 милл. населения. В торговом балансе война подчеркнула пассивный характер, что, среди других причин, обусловило утечку из страны золота в довольно значительных размерах. За период неразменных денег (1862—1879 г.г.) оффициально зарегистрировано было превышение вывоза золота на 878 милл. долл., т.-е. приблизительно около $51^{1}/_{2}$ милл. долл. в среднем в год. В действительности годовая утечка порою поднималась до 92 милл. (1864 г.), как раз в моменты острого финансового напряжения.

Государство прибегло для ведения войны к обычным приемам добывания средств—к налогам и займам. Налоги, как и везде, конечно,

не могли дать должных сумм, отчасти потому, что не было приложено соответствующих усилий, а отчасти и потому, что налоговую систему трудно налаживать на необычайно интенсивную работу. Бюджет был за все время войны дефицитным, причем дефицит раза в три превышал сумму обыкновенных доходов. Вот короткая табличка финансов за время войны, в милл. долларов.

Годы:	Доходы.	Расходы.	Дефицит.	Прирост долга.	Задолженность.
1861	42	67	25	26	91
1862	52	469	417	433	524
1863	112	719	607	596	1.120
1864	243	865	622	696	1.816
1865	322	1.295	973	865	2.681

Таблица раскрывает перед нами интересный факт: средний дефицит за четыре года войны составил в год 655 милл. долл., а средний бюджетный доход—только 182 милл. Добыть недостающие суммы путем кредита было не так-то легко. Соединенные Штаты еще не обладали емким рынком для государственных займов. Проблема могла быть решена обращением к загранице, напр. к Лондону, но заграница в начале войны еще не была убеждена в том, что Север победит Юг, военное счастье было переменчиво, а потому обращение Севера за финансовою помощью в Европу было безрезультатным. Когда же война была в разгаре, американцы успели испортить свою валюту, что создавало новое препятствие для заключения займов. Европа только удивлялась расходам Америки и сомневалась в возможности для Соединенных Штатов выплатить быстро росший долг [1]).

В таких обстоятельствах выход только один: порча денег, что и произошло в Соединенных Штатах. Правда, в научной литературе существует мнение, что республика могла бы обойтись и без этой тяжелой меры. В этом отношении важно мнение такого американского авторитета, как проф. Ч. Конант [2]), который полагает, что напряжением податного бремени страна могла бы добыть нужные ей деньги. Если подойти к вопросу арифметически, то придется признать справедливость утверждения Конанта. Конечно, Соединенные Штаты располагали необходимыми для ведения войны рессурсами, что прежде всего доказывается тем, что республика провела войну исключительно на внутренние рессурсы. Но правительство республики не располагало возможностью получить эти рессурсы нормальным путем, и это было об'ективною причиною, почему государству пришлось вступить на тяжелый путь бумажноденежных испытаний.

Правительство вступило на путь создания *государственных* бумажных денег, что в значительной степени осложняло обстановку и

---

[1]) *Ch. Conant.* The Principles of Money and Banking. Vol. I. New York. 1905 411. Стр. 412 и 417; *В. Эндрус.* История Соед. Штатов после междоусобной войны и до наших дней. Перев. СПБ. 1905. Стр. 186.

[2]) *Conant.* Op. cit. 411.

последующую ликвидацию бумажных денег, так как управление государственными бумажными деньгами неизмеримо труднее, нежели банкнотами. У американского правительства, собиравшегося вести войну, мысль была не совсем плохая. Думая покрывать войну путем кредитных операций, оно предполагало три сорта таких операций: бессрочные билеты на пред'явителя, без процента, краткосрочные обязательства с процентами и наконец, долгосрочные процентные обязательства. Предполагалось, что бессрочные беспроцентные билеты будут обращаться в краткосрочные, а *краткосрочные* обязательства в долгосрочные, и, таким образом, все будет в порядке. Но, разумеется, это был наивный план, скорее арифметического нежели финансового характера. Наивность заключалась в том, что каждый вид предположенных займов расчитан на особый рынок, управляемый особыми законами, и переход долгов из одной категории в другую всего менее зависит от воли правительства. Решающим моментом была емкость внутреннего рынка для долгосрочных займов, чем тогдашний американский рынок похвалиться не мог. Преимущества же беспроцентных, бессрочных и пред'явительских билетов, не снабженных принудительном курсом, с точки зрения рынка были не так велики. Это были еще не настоящие бумажные деньги, это были бумажные деньги с так называемым кассовым курсом, так как, выпуская их, правительство обязалось принимать их во все казенные кассы.

Все эти три вида долговых обязательств, из которых беспроцентные билеты, напоминающие германские свидетельства казначейства, уже вторгались в сферу денежного обращения, не дали правительству нужных сумм. А так как дальнейшим шагом мог быть только принудительный курс, т.-е. настоящие бумажные деньги, то правительству иного исхода и не представлялось. Опустошение публикою банковых запасов звонкой монеты заставило и правительство, и банки приостановить платежи звонкой монетой (28 декабря 1861 года). Это обстоятельство поставило вопрос о принудительном курсе ребром, так как правительство, не имея возможности платить звонкою монетою, платило пока-что пред'явительскими билетами с кассовым курсом, чем ставило и войско, и чиновников, и всех связанных с казною лиц в весьма неудобное положение: никто не был обязан брать эти билеты. Поэтому нужно было платить бумажками, обязательными для всех.

Изданный 25 февраля 1862 года закон уполномочил правительство выпустить настоящие государственные бумажные деньги, с принудительным курсом. Выпуски предполагались ограниченными, но, как это всегда бывает во время войны, бумажек выпускали столько, сколько нужно было для войны. Эти деньги получили в Соединенных Штатах популярное прозвище „зелененьких“ (greenbacks) по цвету билета. На билетах было напечатано: „The United States will pay the bearer—dollars (Соед. Штаты заплатят пред'явителю столько то долларов). Мы не будем рассказывать историю „гринбэков“, так как она ничего особенно оригинального в себе не содержит, а ограничимся приведением кратких статистических данных о них.

Годы.	Количество гринбэков.	Премия на золото.			Стоимость бумажного доллара в золоте.		
	милл. долларов.	Высшая.	Низшая.	Средняя.	Высшая.	Низшая.	Средняя.
1861	—	—	—	—	—	—	100
1862	150	34,0	1,1	13,3	98,5	75,6	88,3
1863	391	72,5	22,1	45,2	79,5	62,3	68,9
1864	447	185,0	55,5	103,3	64,3	38,7	49,2
1865	431	134,4	28,5	57,3	73,7	46,3	63,6
1866	401	67,8	25,5	40,9	78,6	66,0	71,0
1867	372	46,4	32,0	38,2	74,3	69,7	72,4
1868	356	50,0	32,1	39,7	74,4	68,7	71,6
1869	356	62,5	19,5	33,0	82,3	71,8	75,2
1870	356	23,3	10,0	14,9	90,3	82	87,0
1871	356	15,4	8,4	11,7	91,5	87,3	89,5
1872	356	15,4	8,5	12,4	91,7	87,4	89,0
1873	356	19,1	6,1	13,8	92,1	84,9	87,9
1874	382	14,4	9,0	11,2	91,2	89,1	89,9
1875	376	17,6	11,8	14,9	88,9	85,4	87,0
1876	370	15,0	7,0	11,5	92,5	87,4	89,6
1877	360	7,9	2,5	4,8	97,3	93,9	95,5
1878	347	2,9	0	0,8	99,9	97,5	98,6
1879	347						
1880	347	Премия исчезла.					
1890	347						

Эта таблица очень показательна. Во-первых, она свидетельствует о том, что бумажные деньги, созданные ради войны и выпущенные в количествах, определенных нуждами казны во время войны, остались и для мирного времени без уменьшения их количества. Ликвидация войны подняла их сумму в 1867 году до 372 милл. Аналогичную цифру мы встречаем и в 1876 году, за два года до восстановления размена; в 1874 году сумма выпусков поднимается даже до 382 милл. долл. Таким образом, гринбэки сделались органическою частью денежного обращения Соединенных Штатов и после восстановления размена в 1879 году превратились в типичные государственные кредитные билеты.

Во-первых, бросаются в глаза весьма резкие колебания курса бумажных денег. В 1864 году гринбэки достигали низшего предела своего обесценения. За золотой доллар платили 2,85 бумажных. Окончание войны (1865 г.) было поворотным пунктом в движении курса бумажного доллара. Курс медленно стал выравниваться: количество гринбэков не возрастало, общее экономическое положение улучшалось. Резкие колебания курса во время войны в значительной мере об'яснялись политическими событиями: дурные вести с театра военных действий гнали премию на золото вверх и обратно. Колебания были очень

часты и порою страшно резки. Приведем для примера данные относительно 1864 года. Цена золотого доллара в бумажных деньгах была:

1 января	152
Март	169
1 апреля	167½
22 „	173¾
1 июня	188½
1 июля	286
1 августа	255
Октябрь	229
Ноябрь	260
Декабрь	244

Обесценение бумажного доллара выгнало из обращения звонкую монету; опустошение каналов денежного обращения было настолько значительно, что отсутствие металлической мелочи ставило жизнь в нестерпимое положение. Пришлось пустить в ход почтовые марки, а затем выпустить особые бумажные разменные знаки. Помимо гринбэков, т.-е. государственных бумажных денег, принудительный курс был присвоен некоторым краткосрочным обязательствам, приносившим проценты, так что общая масса бумажных денег была значительно увеличена, что, конечно, не могло пойти на пользу гринбэков.

Окончание войны поставило на очередь финансовую задачу сложного содержания. Нужно было упорядочить бюджетные отношения. В области бюджета предстояло, во-первых, устранить дефицит, который, как мы видели, достигал во время войны колоссальных размеров. Во-вторых, нужно было сократить размеры государственного долга, который с 91 милл. долл. в 1861 году поднялся до 2.762 милл. долл. в 1866 году. До войны 1914 — 1918 г.г. это был одиноко стоящий в финансовой истории мира случай необычайно быстрого накопления государственного долга. Такой долг представлял колоссальное неудобство, в особенности в том отношении, что оплата процентов поглощала львиную долю государственного бюджета, напр., в 1863 году из 347 милл. долл. расходов на обыкновенные расходы пришлось 203 милл., а на оплату процентов — 144 милл. долл. В области денежного обращения предстояло восстановить металлическую валюту. Все эти части сложной финансовой проблемы опирались на единое основание—на народно-хозяйственные рессурсы страны.

Для восстановления размена гринбэков на золото необходимо было добиться главного условия реформы: абсолютной незаинтересованности государственного казначейства в выпусках бумажных денег. Это непременное условие достигается двояким путем, или при помощи двух средств: путем энергичного повышения государственных доходов или, если это средство оказывается не вполне достигающим своей цели, путем обращения на путь нормального государственного кредита. В Соединенных Штатах первый путь оказался совершенно достаточ-

ным. Бюджет республики, начиная с 1867 года, стал сводиться с значительными превышениями доходов над расходами, причем в среднем это превышение, за период времени с 1867 г. по 1879 г., давало ежегодно около 50 милл. долл., колеблясь между 116 милл. (1867 г.) и нулем (1874 г.). В особенности энергично возрастал доход от таможенных пошлин, что было важно в виду того, что этот доход собирался золотом. Одновременно происходило энергичное сокращение государственного долга, в среднем за тот же период составлявшее ту же сумму в 50 милл. долл.,—другими словами, превышение доходов целиком направлялось на погашение огромного долга, сократившегося с 2.762 милл. долл. в 1866 г. до 2.183 милл. в 1879 г. Эта программа выполнялась не совсем гладко: был год с маленьким дефицитом, заставивший несколько увеличить задолженность.

Кроме погашения долга, главным образом, наиболее тяжелого свойства, т.-е. краткосрочного, часть которого к тому же обладала правом на принудительную циркуляцию, правительство занималось конверсией и размещением долга, что постепенно приводило к созданию устойчивых финансовых отношений.

В области денежного обращения правительство не без колебаний, под давлением некоторых общественных кругов, стремилось к сжатию раздутого (инфляционного) бумажно-денежного обращения путем стягивания гринбэков (под которыми разумелись все виды государственных бумажных денег). Это стягивание отчасти совершалось путем продажи облигационных займов, отчасти посредством продажи золота. Последний прием, помимо того, что он сокращал об'ем бумажноденежного обращения, в то же время служил прекрасным средством для интервенции на золотом рынке. Когда премия на золото, под влиянием спекуляции, росла, правительство выбрасывало на рынок часть своих золотых запасов и восстанавливало равновесие.

Оборот постепенно насыщался золотом и полноценным серебром, последнее в то же время имело столь высокую цену, что порою серебряный доллар ценился даже несколько выше золотого. Фактически валюта была двойная, и только в 1873 году был издан закон об установлении золотой валюты. Серебряный доллар был низведен на степень разменной монеты.

Соединенные Штаты того времени совершенно не обладали центральным банковым аппаратом. Многочисленные так называемые „государственные“ эмиссионные банки были заменены „национальными“ эмиссионными банками. Для управления денежным обращением было приспособлено государственное казначейство, в распоряжении которого находились значительные золотые резервы. Казначейство выступало на рынке, как банк, продавая и покупая золото и тем вмешиваясь в образование цены золота. Такая интервенция казначейства имела своей главной целью борьбу с спекуляцией, значительно мешавшей оздоровлению американского денежного обращения и вызвавшей одно время настоящую панику. Спекуляция питалась тем, что в Америке, вплоть до самого кануна восстановления золотого обращения, были в налич-

ности политические партии, стоявшие за сохранение бумажноденежного обращения. Эти партии порою брали верх; порою казалось, что вопрос о восстановлении размена снимается с очереди. Этим обстоятельством об'ясняется, между прочим, факт неожиданного повышения золотой премии накануне издания закона о восстановлении размена, что можно видеть из приведенной выше таблицы движения премии.

Закон о восстановлении размена был издан в 1875 году, ему предшествовал закон о чеканке мелкой разменной монеты, заменившей бумажный биллон, и законы 1874 года, направленные против возможной бумажной инфляции. Эти законы установили максимальные пределы для гринбэков в обращении. Закон о восстановлении размена установил срок для размена с 1 января 1879 года. Закон не разрешал сокращать обращение гринбэков ниже 300.000.000 долларов. Извлечение излишних бумажных денег должно было происходить за счет золотых запасов казначейства и путем продажи облигаций.

Восстановление размена было лишь юридическим признанием фактически установившегося золотого обращения: страна уже была насыщена золотом, и поэтому после 1 января 1879 года казначейство не могло бояться натиска публики за золотом. Золота было много в обращении, все были уверены в том, что казначейство не откажет в размене гринбэков на золото, разменные же государственные кредитные деньги с успехом выполняли роль золотых денег. Поэтому понятно, что к размену было пред'явлено ничтожное количество гринбэков: в 1879 году—около 11 мил. долл. и в 1880 году—706.658 долл. В это время в стране было денег на 1.110.800.000 долл., из которых на 305.800.000 долл. золота, на 121.400.000 серебра и на 346.600.000 гринбэков. На голову населения приходилось денежных знаков приблизительно около 23 долл., а принимая во внимание, что 260 милл. долл. находилось в казначействе,—фактически денег в обращении было около 17 долл. на единицу населения. В 1850 году на единицу населения денежных знаков приходилось только 12 долл., но за этот промежуток времени экономический оборот страны значительно возрос.

Мы уже указывали, что первым и непременным условием оздоровления денежного обращения в Соединенных Штатах было установление бюджетного равновесия в доходах и расходах. Это позволило казначейству самым надежным образом отказаться от фискального использования бумажноденежного рессурса. Задача была разрешена в Америке самым блестящим образом. Бюджет очень скоро по заключении мира стал не только бездефицитным, но начал давать значительные превышения доходов над расходами, которые позволили Соединенным Штатам быстро сократить размеры своего государственного долга. Если Америка поразила мир быстрым ростом государственного долга, то не менее удивила она и быстрым его сокращением.

В таком погашении долга за счет бюджетных излишков прежде всего и больше всего сказалась растущая сила народного хозяйства, проявилось богатство нации. Вторым условием проведения денежной

реформы было накопление в стране, т. е. не только в казначействе, но и в карманах населения, значительных запасов золота. Ясно, что и это условие, подобно первому, могло быть только результатом расцвета народнохозяйственных сил страны. Америка быстро справилась с последствиями междоусобной войны и залечила раны. Народное хозяйство оправилось весьма скоро, и мир стал изумляться американскому масштабу экономического прогресса. Какие же силы поднимали американское народное хозяйство? Что наполняло золотом каналы денежного обращения? На каких дрожжах всходили производительные силы Америки?

Для ответа на эти вопросы следует припомнить, что, по естественным своим условиям, Америка обладает всеми нужными основными условиями экономического прогресса. В этом отношении Америка — благодатный край. После войны страна получает ряд великолепных урожаев, которые помогают ей занять видное место на мировом рынке. Ее вывоз растет „по-американски“: в 1867 году он не доходит до 300 милл. долл., а в 1880 году переваливает за 800 милл., в следующем году за 900 милл. долл. Но одновременно растет и ввоз иностранных товаров. А вместе с тем статистика показывает, что на протяжении длинного ряда лет страна каждый год вывозит золота больше, нежели привозит. Таким образом, цифры внешней торговли показывают, что Соединенные Штаты в период приготовления размена имели неблагоприятный торговый баланс и каждый год, так сказать, истекали золотом. Эти цифры настолько интересны, что стоит их привести. В них заключается вся разгадка интересующего нас явления и ответ на поставленные выше вопросы, хотя с внешней стороны эти цифры как бы путают всю картину. Вот эти цифры, в миллионах долларов:

	Товары			Наличность.		
Годы:	Вывоз.	Ввоз.	Превышение + вывоза — ввоза	Вывоз.	Ввоз.	Превышение + вывоза — ввоза
1866	349	435	— 86	86	11	+75
1867	295	396	—101	61	22	+39
1868	282	357	— 75	94	14	+80
1869	286	417	—131	57	20	+37
1870	393	436	— 43	58	26	+32
1871	443	520	— 77	98	21	+77
1872	444	626	—182	80	14	+66
1873	522	642	—120	84	21	+63
1874	586	567	+ 19	66	28	+38
1875	513	533	— 20	92	21	+71
1876	540	461	+ 79	57	16	+41
1877	602	451	+151	56	41	+15
1878	695	437	+258	34	30	+ 4
1879	710	446	+264	25	20	+ 5
1880	836	668	+168	17	93	—76

*

Эта таблица раскрывает перед нами значительные факты. На протяжении охваченного таблицей времени об'ем внешней торговли Соединенных Штатов сильно и непрерывно возрастал, что само по себе является надежным свидетельством быстрого роста народнохозяйственной деятельности. С другой стороны, на протяжении почти всего периода Америка покупает за границей больше, нежели продает туда, что только отчасти компенсируется превышением вывоза наличности, т.-е. золота и отчасти серебра. Сильное же превышение ввоза над вывозом означает ничто иное, как прилив в Америку иностранных капиталов. В последние годы периода работа иностранных капиталов уже обнаружилась в достаточной мере: Америка стала вывозить больше, нежели ввозить, и это, в конце концов, повлияло на движение металлов, сначала сокращая превышение вывоза их, а затем создавая приток их в страну. Мы не имеем возможности останавливаться здесь на роли иностранных капиталов в истории американского народного хозяйства, но заметим, что эта роль была решающей, и Америка являет одинокий пример страны, с пользою для себя поглотившей колоссальные массы иностранных капиталов, за которые она расчиталась только во время войны 1914—1918 г.г. Приток капиталов в значительной мере проявляется в привозе иностранных товаров, как, напр., машин, сырья и в вывозе товаров для оплаты процентов и дивидендов, а также в не поддающемся учету вывозе ценных бумаг. Иностранные капиталы и были теми дрожжами, на которых пышно поднялось тесто американского народного хозяйства. Приток иностранных капиталов обеспечил Соединенным Штатам благоприятный расчетный баланс, несмотря на долголетнее превышение ввоза иностранных товаров и на систематическое превышение вывоза благородных металлов. Все это, в связи с хорошими урожаями и ростом земельных запашек, в связи с возраставшей ролью американского хлеба на мировом рынке, создавало надежную почву для упрочения в Соединенных Штатах золотой валюты. Английские капиталы, воздержание которых во время междоусобной войны обрекло Соединенные Штаты на бумажноденежное испытание, после войны послужили главным фактором быстрого восстановления народнохозяйственных сил Америки и в результате упрочили американскую денежную единицу.

Насыщавшееся золотом народное хозяйство, расцветающие производительные силы страны создали, в свою очередь, базу для правительственной финансовой политики. Превышение доходов над расходами было показателем действия этих сил. Ускорение внутреннего процесса капиталообразования послужило базой для размещения быстро сокращавшегося государственного долга; возрастание оборотов внешней торговли, повышавшее таможенный доход государственной казны, было причиной постоянного притока золота в руки правительства. Это золото, главным образом, и послужило тем основанием, на котором строилась денежная политика Соединенных Штатов в период восстановления и упрочения золотой валюты.

Сравнительно затянувшийся процесс востановления золотого обращения в Соединенных Штатах об'ясняется, по преимуществу,

наличностью таких общественных течений, которые учитывали кажущуюся пользу бумажных долларов и всячески боролись против золотой реформы.

Для нас в американском опыте ценно указание на то, что ни неблагоприятный торговый баланс, ни вывоз золота сами по себе не являются препятствиями для введения золотой валюты. Это и понятно, так как цифры торгового баланса, взятые безотносительно к общей экономической кон'юнктуре, ничего не говорят. Свой смысл и свое значение они получают лишь в связи с общими экономическими и финансовыми условиями. До войны 1914—1918 г. т. только две великие страны имели благоприятный торговый баланс: С.-А. Соединенные Штаты и Россия. Уже это одно совпадение двух стран, находящихся в далеко неодинаковых экономических условиях и развивавшихся по весьма различному масштабу, показывает, что торговый баланс отнюдь не может служить сколько-нибудь достоверным показателем при обсуждении путей и возможностей денежной реформы.

Сущность дела при введении золотого обращения сводится к расчетному балансу, т. е., как это и было в американском случае, к прочному внешнему кредиту, который всегда сопутствует развивающемуся народному хозяйству. Золотая валюта является формулой здорового народного хозяйства, его роста и расцвета.

Могущество народнохозяйственных сил особенно отчетливо и ясно проявилась во Франции в эпоху франко-прусской войны (1870—1871 г.г.), когда страна перенесла весьма тяжкие испытания, военный разгром, политический переворот, опустошение значительной части своей территории и вынуждена была заплатить победоносному врагу военную контрибуцию в 5 миллиардов франков. Накануне войны Франция пользовалась золотым обращением, установившимся в ней в самом конце 18-го века после крушения бумажных ассигнатов. За период времени в семь десятилетий во Франции вырос и укрепился центральный эмиссионный банк, знаменитый Banque de France, пользовавшийся кредитом не только во Франции, но и во всем мире. Французский банк являлся частным учреждением, снабженным от государства значительными привилегиями. Его банкноты, разменные на золото, добровольно принимались всеми, как золото. Только в 1848 году, когда банк вынужден был оказать правительству финансовую помощь, он временно, на короткий срок, закрывал размен своих банкнот на золото, а правительство снабжало его банкноты принудительным курсом. Но это обстоятельство было незначительным инцидентом в славной истории французского банка. Гораздо серьезнее было то испытание, которое банк вынужден был перенести, вместе со всем народным хозяйством Франции, в 1871—72 г.г.

Война с Пруссией имела для Франции ту неблагоприятную сторону, что военные действия весьма быстро были перенесены на территорию Франции, заставили французов перевести столицу в Бордо и тем самым в значительной мере нарушили как хозяйственно-финансовую, так и административную жизнь страны. В таких условиях

финансирование войны не могло происходить нормальными путями, хотя при внимательном анализе тогдашних экономических и финансовых условий Франции становится ясным, что Франция справилась бы с бременем военных расходов, не прибегая к злокачественным приемам финансирования, т.-е. не затрагивая своей денежной системы. Начало войны было отмечено заключением большого внутреннего займа, что предвещало дальнейший успех финансовых мероприятий. Но вторжение неприятеля внутрь страны вызвало у впечатлительных французов такую панику, которая первая нанесла денежному обращению самую серьезную угрозу: все стали прятать золото; банковые билеты, которые недавно не отличались во мнении публики от золотых монет, потеряли свой престиж и стали пред'являться к банку, истощая его металлическую кассу и угрожая остановить размен банкнот по способу банкротства. Металлические деньги, в том числе и серебро, играющее во французской системе денежного обращения валютную роль, стали исчезать из обращения в таких размерах, что был затруднен обиход и деловые сношения. Правительство было вынуждено принять меры как в целях сохранения финансовой силы банка, так и в целях облегчения денежных расчетов. Это меры, равным образом, были продиктованы вполне естественным расчетом правительства использовать финансовую силу банка для финансирования войны, так как уже в первом периоде войны было ясно, что нормальные способы покрытия военных расходов будут, в силу указанных выше причин, недоступными, хотя страна с избытком располагала необходимыми рессурсами, что и было доказано чрезвычайно быстрой уплатой пятимиллиардной контрибуции тотчас по заключении мира.

Перед французским банком стояла сложная финансовая задача: нужно было преодолеть влияние общественной паники и сохранить в целости свои металлические запасы; нужно было насытить страну мелкими банкнотами, которые должны были заменить исчезнувшую из оборота звонкую монету; нужно было оказать серьезную финансовую помощь правительству, поставленному войною в тяжелое положение. Перед лицом столь сложной задачи банк должен был надеть на себя броню принудительного курса, т.-е. он должен был приостановить размен своих билетов на металл, а билетам присвоить принудительный курс. Это и было сделано законом 12 августа 1870 года. Устанавливая принудительный курс для билетов частного банка, правительство обязало банк оказывать ссуды казначейству и в ограждение общего интереса установило максимум банкнотного обращения. Этот максимум повышался неоднократно, так как правительство не могло сразу определить необходимый размер банковых ссуд казначейству. Сначала этот максимум был установлен в 1.800 милл. фр. но, в конце концов, он был доведен до 3.200 милл. фр. (закон 15 июля 1872 года). Такое значительное повышение максимума уже по окончании войны было обусловлено необходимостью быстрой выплаты военной контрибуции. Фактически банкнотное обращение не достигало максимальной границы: в декабре 1871 года билетное обращение составило 2.293.390.000 фр.

в 1872 году максимальное обращение составляло 2.678.055.000 фр. и в 1873 году оно достигало уровня в 3.071.912.000 фр., после чего оно начало постепенно понижаться, с одновременным увеличением размеров металлической кассы банка. Металлическая касса банка в конце декабря 1871 года равнялась 634 милл фр.; в 1872 году максимально она была 793 милл., минимально 630 милл; в 1873 году—820 милл. и 705 милл. Такие большие колебания металлической кассы банка в то время, когда размен его банкнот был закрыт, об'ясняется тем, что банк вынужден был помогать правительству не только банкнотами, но и золотом.

Правительство неоднократно обращалось к банку за ссудами, обеспечивая их рядом залогов и обещаясь погасить взятые ссуды в сравнительно короткие сроки. От французского банка правительство в разные сроки во время войны получило в круглой сумме 1.500 милл. фр., обязавшись уплатить этот долг равными долями втечение семи лет, т. е. не позднее 1879 года. В то же время правительство разрешило банку не открывать размена и пользоваться для банкнот принудительным курсом до тех пор, пока правительственный долг банку не будет превышать 300 милл. фр.

Таковы основные факты. Ясно, что введение принудительного курса для банкнот вносило существенную перемену во французскую денежную систему: из металлической, с сильным преобладанием золота, она сделалась бумажноденежной—и не только с формальной стороны, но и с фактической, так как население припрятало металлическую монету. Последнее обстоятельство, с одной стороны, облегчало последующий возврат к металлическому обращению, так как каналы денежного обращения оставались все время насыщенными звонкою монетою, но, с другой,—оно затрудняло операцию восстановления размена, так как банк вынужден был выбросить на рынок массу мелких кредитных билетов исключительно в целях замещения пустоты, образовавшейся вследствие припрятывания металлических денег. В этих целях правительство разрешило банку выпустить билеты чрезвычайно мелкого достоинства, именно, в 5 франков. Кроме того, банку пришлось увеличить количество банкнот в обращении достоинством в 20, в 25 франков. Такая нагрузка денежного обращения билетами, явно выполнявшими функцию металлических монет, предрешила позднейшую операцию по извлечению их из обращения, дабы очистить место для металлических денег. В конце января 1873 года билетное обращение во Франции составило сумму в 2.858 милл. фр. Попутно заметим, что все приведенные цифры, хотя они и относятся к бумажным франкам, фактически почти равны золотым, так как во время франко-прусской войны франк обесценивался весьма мало. Это важно иметь в виду для сравнения с масштабом эпохи 1914—1918 г.г., когда многомиллиардные цифры бумажных денег в переводе на золото должны быть весьма значительно сокращены.

Общая сумма банкнотного обращения к концу января 1873 года по достоинствам билетов распределялась следующим образом:

число билетов	достоинство	на сумму, в франках.
7	5.000 фр.	35.000
755.412	1.000 „	775.412.000
427.354	500 „	213.677.000
6.830	200 „	1.366 000
8.059.719	100 „	805.971.900
6.136.905	50 „	306.845.250
4.457.466	25 „	111.436.650
26.839.158	20 „	536.783.160
21.327.212	5 „	106.636.060
68.010.063 штук		2.858.163.020 фр.

Таблица совершенно ясно показывает, какой нажим был сделан на билеты мелкого достоинства, которые должны были заместить металлическую монету. Если мы возьмем банкноты только в 5 франков и в 20 фр., то увидим, что они составляли около 20% общего количества банкнот, находившихся в обращении. Но и этой массы мелких банкнот было недостаточно для оборота, из которого исчезла даже мелкая разменная монета. Поэтому правительство было вынуждено разрешить синдикату парижских банков выпустить совсем мелкие банкноты в 3 и 2 франка под обеспечение их банкнотами французского эмиссионного банка.

Насыщенность обращения массой мелких банкнот составляла первое и видное препятствие к последующему восстановлению металлического обращения. Второе препятствие обыкновенно заключается в том, что курс неразменной банкноты отстает от цены золота, золото ходит с премией, и пока существует премия на золото, банкноты невозможно об'явить разменными на золотую монету. Это второе препятствие появилось и во Франции в описываемую эпоху,—правда, в весьма скромных размерах. Здесь нужно отметить одну очень интересную подробность. В эпоху франко-прусской войны золото внутри страны было запрятано так глубоко, что в стране оно почти не обращалось и поэтому о премии на золоте не могло быть и речи. Не было сделок на золото, не было биржевого курса банкнот, неизвестна была и премия. Существуют указания, что эта премия была очень незначительна. Совсем иначе обстояло дело в эпоху великой революции в той же Франции, когда для любого месяца совершенно легко можно установить курс ассигнатов на золото. Это означало, что одновременно с ассигнатами все время обращалось и золото, образуя совершенно определенный рынок с правильными курсами. Этим об'ясняется быстрое падение курса ассигнатов, их полная аннуляция и исключительно быстрый переход к золотому обращению и к правильным банкнотам. В эпоху же франко-прусской войны вместо золота ходили мелкие банкноты французского банка, которым население вполне доверяло. И сам банк, и публика, и правительство были совершенно убеждены в том,

что период неразменности будет лишь кратким эпизодом, и что в самом скором времени размен на золото будет восстановлен. Такое убеждение было очень полезно в том смысле, что оно мешало образованию в стране золотого рынка, при помощи которого страховались бы против возможного обесценения банкнот. Поэтому для суждения о премии на золото в описываемую эпоху приходится обращаться к вексельному курсу, напр., к вексельному курсу на Лондон. Этот курс показывает, что франк по отношению к золотому фунту стерлингов терпел очень скромное понижение курса, которое можно с натяжкой приравнять к золотой премии. 1 июля 1871 года курс на Лондон показал понижение франка в ничтожном размере, от 2 до 3 pro mille. Во второй половине октября того же года падение курса достигает своего максимума—от 24 до 25 pro mille, а затем начинается постепенное повышение курса франков: в середине 1872 года премия уже играет самую ничтожную роль. Французские авторы утверждают, что премия на золото обязана своим появлением, главным образом, крупным спекулянтам и банкам и носила довольно случайный характер.

Такое необычайно счастливое для Франции положение дел с неразменными банкнотами отчасти об'ясняется тем, что уплата контрибуции вызвала утечку металлических денег приблизительно на один миллиард франков. Этот утекший миллиард освободил место для банкнот банка. Уплата же контрибуции сильно, конечно, ударила по французскому народному хозяйству, но не обездолила его. Поэтому, как только война окончилась, правительство довольно быстро восстановило кредит и колоссальными займами, в которых приняла участие заграница, показало всему миру величие французских хозяйственных сил и солидность ее государственного кредита. Правительство напрягло податную систему и даже ранее срока заплатило банку свой долг, что наполнило кассы банка звонкой монетой и облегчило ему переход к разменному банкнотному обращению. Очищение активов центрального банка от таких неподвижных помещений, какими всегда являются векселя правительства, снова поставило банк обоими ногами на здоровую почву коммерческого кредита, что возвратило банкнотам их особые экономические свойства, сделало денежное обращение управляемым и послужило к оздоровлению всего народнохозяйственного организма страны.

Здесь интересно отметить тот факт, что свой долг перед насущными интересами народного хозяйства страны сознавали как правительство, срочно освободившееся от долгов банку, так и сам банк, прекрасно понимавший, что значительная часть его банкнот фигурирует в каналах денежного обращения вне органической связи с промышленностью и торговлею, что эта часть банкнот, состоявшая из билетов мелких достоинств, выполняет в стране функции мелких денежных знаков, препятствуя металлу занять свою позицию. Поэтому банк, не дожидаясь договорного срока, когда он был обязан открыть размен своих банкнот на золото, начинает готовить почву для нормального денежного обращения. Банк начинает энергично извлекать из обращения свои банкноты достоинством в 5, 20, 25, 50 и даже

в 100 франков. Положение дел настолько улучшилось уже с конца 1874 года, что в ноябре этого года банк беспрепятственно и без ограничения суммы стал платить золотыми монетами в 20 франков,— другими словами, с этого времени размен банкнот был фактически восстановлен. С этого момента во Франции банкноты французского банка фактически уже не пользовались принудительным курсом, так что, когда наступило 1 января 1878 года,—срок, с которого принудительный курс уничтожался законом,—то страна на эту дату не обратила никакого внимания.

Возникает вполне естественный вопрос: почему во Франции в эпоху франко-прусской войны, несмотря на ужасные испытания, выпавшие на долю страны, пользование бумажноденежным рессурсом прошло так гладко,—можно сказать, так блестяще,—и восстановление нормального порядка в области денежного обращения совершилось так быстро и на первый взгляд так легко?

Богатство французского народного хозяйства, лишь затронутое, но не уничтоженное сравнительно очень короткой войною, позволило Франции весьма быстро осуществить первое условие оздоровления денежного обращения—прекращение пользования бумажными деньгами в качестве источника чрезвычайных рессурсов. Это же народное богатство помогло Франции добиться такого бюджетного положения, которое не только уничтожило заинтересованность правительства в бумажных деньгах, но и дало солидные излишки доходов, за счет которых казна быстро покрыла свой долг банку. Когда Франция вела свою войну с Германией, то об'ективно в ее распоряжении были все необходимые средства для военных расходов. Только лишь чрезвычайно неблагоприятные внешние условия мешали стране употребить эти средства нормальными путями—т. е. путем налогов и займов. К этим имевшимся для ведения войны средствам Франция подошла ненормальным путем—путем выпуска бумажных денег. Но как только война окончилась, и как только внутри страны были созданы надлежащие условия для функционирования нормальной финансовой системы, Франция немедленно высокими налогами и рядом внутренних займов покрыла все расходы. Долг правительства банку был покрыт на 600 милл. фр. из займовых поступлений и на 825 милл. из обыкновенных бюджетных поступлений, т. е. путем налогов. Таким образом, по существу Франция того времени совершенно не нуждалась в тех опасных средствах, которые доставляются казне путем выпуска бумажных денег.

Это обстоятельство уясняется еще более из того, что наиболее тяжелые финансовые жертвы Франция понесла не во время войны, а после войны, когда она вынуждена была уплатить своим победителям пять миллиардов фр. военной контрибуции. Эта сумма своими внутренними размерами превосходит сумму непосредственных военных расходов, и тем не менее Франция, уплачивая военную контрибуцию, выступила на рынке с блестящими займами, ни на одну секунду не задумываясь над возможностью использовать для финансовых целей денежное обращение. Наоборот, в это же самое время начались заботы об исправлении напорченного во время войны, и страна лишний раз проде-

монстрировала миру свое исключительное богатство и свою превосходную финансовую технику.

Таким образом, восстановление ценности денежной единицы до былого уровня всего менее зависит от технических приемов денежной реформы, от тех целей, которые ставит себе правительство, а зависит исключительно от состояния народно-хозяйственных сил. Человеческая воля и ум в данном случае имеют очень небольшой простор для выбора. От них зависит, во-первых, поставить правильный диагноз положения дел, во-вторых, своевременно применить несложное лекарство [1]).

V.

Девальвация.

Коренная денежная реформа заключается в переходе от одной валюты к другой, причем такой переход будет, так сказать, декадансом, когда лучшая валюта меняется на худшую, и ренессансом, если с худшей валюты, напр., с бумажноденежной, страна переходит к лучшей, к одной из „твердых“ валют, к серебряной или золотой. Переход с валюты на валюту может происходить в различных условиях. В наиболее благоприятных условиях такая реформа будет находиться в том случае, если валюта меняется на валюту при нормальном состоянии денежного обращения, когда та валюта, которая меняется, находится в полном порядке. Но таких случаев история почти не знает. Можно указать на случай введения в Германии золотой валюты вскоре после об'единения Германии и после того, как этой стране удалось получить с французов колоссальное количество золота в виде контрибуции.

Но обычно переход с валюты на валюту совершается в более тяжелых условиях и иногда в самой тяжкой обстановке расстроенного денежного обращения. В таких случаях переход на новую валюту, но худшего качества, обычно совершается под давлением острой финансовой нужды и расстройства народного хозяйства, в обстановке чрезвычайных политических событий. Переход же с расстроенной валюты на лучшую является признаком оздоровления и народного хозяйства, и государственных финансов.

В предшествующей главе мы ознакомили читателя с таким переходом с валюты на валюту, когда стране удается восстановить ценность обесцененной бумажной валюты до паритета с золотом и путем целого ряда жертв уничтожить излишнее количество бумажных знаков, об'явив остаток свободно разменным на золото. Такой способ перехода

---

[1]) К литературе, указанной в предшествующей главе, следует добавить: *И. И. Кауфман.* Неразменные банкноты в Англии. Второе изд. Петроград. 1915; *Hock.* Die Finanzen und die Finanzgeschichte der Vereinigten Staaten von Amerika. Stuttgart. 1867; *Н. Х. Бунге.* Бумажные деньги и банковая система Северо-Американских Соед. Штатов, в „Русском Вестнике“, 1867, VIII; *Leroy-Beaulieu, P.* Traité de la science des finances. Tome II Paris 1912 (huitième éd.), стр. 688—811.

с валюты на валюту удается сравнительно редко, так как он предполагает так называемую консолидацию бумажных денег, т.-е. превращение значительной их части в процентный заем. Правительство собирает излишние деньги путем займа и подвергает их уничтожению. Ясно, что подобный прием прежде всего доступен странам с благоустроенными финансами и с сильным народным хозяйством. В других же случаях и в другой обстановке государству, решившему перейти от обесценившихся бумажных денег к твердой валюте, приходится произвести такую операцию, которая носит название девальвации, т. е. понижения ценности денежной единицы.

Денежная реформа может состоять и не в переходе с одной валюты на другую. Валюта может остаться в старом виде, но реформа может изменить денежную единицу, т.-е. сделать ее или большей или меньшей, что, конечно, вызовет соответствующее изменение всех товарных цен. Если при этом денежная единица понижается в своем размере, то в таком случае возможно наблюдать девальвацию.

Как это ни странно, но нужно констатировать, что понятие девальвации до сих пор остается мало разработанным в науке. Поэтому самый термин „девальвация" не получал точного определения, и им покрываются довольно разнообразные формы денежной реформы. О девальвации можно говорить в разных смыслах и поэтому легко можно придти к таким выводам, которые в своей основе будут иметь простое недоразумение.

Прежде чем перейти к изложению понятия девальвации, необходимо для ясности отметить ту почву, на которой девальвация выросла. Бумажные деньги, как было уже указано в этой книге, появляются после металлических и в качестве временных денег, подлежащих последующей замене их старыми металлическими деньгами. Правительства, выпускавшие бумажные деньги, одновременно часто давали торжественное обещание, выраженное в законе, что по миновании тяжелых времен они заплатят пред'явителю бумажноденежного знака, серебром или золотом, ту сумму, которая обозначена на билете. Такое обещание удачно выражено было на американском гринбэке: „Соединенные Штаты заплатят столько-то долларов". В России и в Австрии подобные обещания выражались в особых манифестах. На почве такого обещания бумажные деньги рассматривались, как государственный долг особого свойства. На почве же такого обещания правительство снабжало бумажные деньги принудительным курсом, т.-е. оно обязывало всех и каждого, в том числе и самого себя, принимать бумажные деньги по номинальной их ценности.

Обещание уплатить каждому пред'явителю бумажноденежного знака золотой или серебряный эквивалент номинала, конечно, не означало того, что каждому, принесшему в правительственную кассу бумажноденежный знак, будет выдано соответствующее количество благородного металла. При колоссальных выпусках бумажных денег это было бы делом фантастическим. Смысл обещания „уплатить" означал, что правительство примет меры к тому, чтобы бумажные знаки в конце

концов сделались снова разменными на металл, т.-е. перестали бы быть бумажными деньгами и превратились бы в представителей металлических денег. А для этого правительство должно консолидировать бумажный долг, превратить его в процентный или, собрав бумажки налогами, уничтожив их, оставив такое количество, которое нужно стране и которое свободно будет обмениваться на золото или на серебро.

Из'ять налогами и в особенности займами все бумажные деньги, заменить их золотыми, из'ять часть бумажных денег, а остальные превратить в разменные,—все это означает целый ряд весьма значительных, часто непосильных для государства усилий и жертв. В случае бессилия сделать это, правительство идет другой дорогой. Правительство заявляет, что свое обещание относительно бумажных денег оно не может выполнить. По условиям времени, оно берется выполнить только часть своего прежнего обещения, именно, перевести в металлическую валюту только часть бумажноденежной единицы; остальная же часть этой единицы тает в воздухе. Тот номинал бумажноденежного знака, который стоял под охраной принудительного курса, оказывается лишенным содержания не только по экономическим причинам, создавшим курс бумажных денег ниже номинала, но и по юридическим причинам, так как правительство от него само отказалось и об'являет новый номинал, под которым лежит только часть ценности бывшей денежной единицы.

Такой образ действия правительства называется неисполнением принятых им на себя обязательств и классифицируется, как случай государственного банкротства (частичного). Девальвация во всех ее формах окутывается в атмосферу банкротства, и поэтому она обычно считается крайним средством финансовой политики, оправдываемым соображениями целесообразности, отсутствия иных выходов и сознанием неотложной необходимости упорядочить денежное обращение, а с ним и государственные финансы.

В некоторых случаях может возникнуть даже спор, есть ли данная мера—девальвация, или это—простое государственное банкротство. К таким случаям относится австрийская девальвация 1811 года, когда правительство Австрии обменяло обесцененные бумажные знаки на новые бумажные же знаки по расчету за пять старых единиц одну новую; или, напр., случай, о котором говорится в другом месте нашей книги, когда французские ассигнаты были по особому расчету заменены новыми бумажными знаками—территориальными мандатами.

Остановимся на австрийском случае 1811 года. Австрийский министр финансов Гок, написавший очень хорошую книгу о государственных финансах, говорит о реформе 1811 года, как о государственном банкротстве [1]). Банкротством считает этот случай Леруа-Болье [2]). Наоборот, А. Вагнер признает данный случай девальвацией,

---

[1]) *Гок. К.* Государственное хозяйство. Налоги и госуд. долги. Перев. Н. Бунге. Киев. 1865. Стр. 319, 322.

[2]) *Leroy-Beaulieu.* Traité. T. II. Стр. 721.

которая служила „не для исцеления, но для значительного увеличения зла“ [1]). Русский ученый И. И. Кауфман в одном случае австрийскую „реформу“ 1811 года считает девальвацией, в другом—банкротством [2]).

Такое разноречие можно, конечно, примирить тем, что признать вообще девальвацию видом частичного государственного банкротства.

Как мы сказали выше, девальвация обнимает собою ряд разнохарактерных случаев, имеющих существенные отличительные признаки. Поэтому, прежде чем говорить о девальвации вообще, следует установить отдельные ее виды. Тогда будет яснее, что же, в конце концов, следует понимать под девальвацией.

Прежде всего нужно твердо установить, что сама по себе девальвация не является целью денежной реформы, она—только средство для достижения иной цели. Как средство, девальвация представляет собою довольно однообразный технический прием скрытого или явного, легального, понижения ценности денежной единицы. Но цели, которые преследуются девальвацией, могут быть различными, и только от преследуемой девальвацией цели она получает свое содержание финансово-политического свойства.

Если подойти к девальвации с точки зрения финансово-политической, то придется, прежде всего, установить, что при помощи девальвации могут быть достигнуты разнообразные цели. При помощи девальвации можно облегчить положение государственного казначейства. При ее же посредстве можно поддержать бумажноденежный рессурс. Наконец, девальвацией можно восстановить металлическую валюту, причем такое восстановление можно сделать двояким образом: или можно восстановить ту металлическую валюту, которая была в стране накануне введения бумажноденежного режима и от имени которой выпускались девальвируемые бумажные деньги; или можно, отказавшись от бумажной валюты и от предшествующей ей металлической, ввести новую валюту, с применением девальвации к бумажным деньгам. Так, например, было сделано в России в 1896 году, при введении золотой валюты. Бумажные деньги под названием кредитных билетов были когда-то выписаны на серебряную валюту. Вводя золотую валюту, правительство отказалось от серебряной валюты и от бумажной, девальвируя ее на известных условиях. Во всех трех случаях момент девальвации относится именно к бумажным деньгам. Это у них отбрасывается часть номинала и оставшаяся часть превращается в новую валюту.

Если же денежая реформа сводится к тому, что денежная единица дробится на части, и часть об'является целым, т.-е. берется за новую денежную единицу, то в данном случае ни о какой девальвации нет и речи, так как здесь происходит лишь внешнее изменение валютной классификации, ничего по существу не изменяющее.

---

[1]) *Вагнер.* Русские бум. деньги. Стр. 113.

[2]) *Кауфман.* Бумажные деньги в Австрии. СПБ. 1913. Стр. 8. *Он-же.* Из истории бумажных денег в России. СПБ. 1909. Стр. 23.

Мы только что сказали, что во всех трех выше указанных случаях девальвация относится к бумажным деньгам. Это замечание сделано потому, что мы говорим о девальвации в связи с бумажными деньгами. Но девальвация мыслима и по отношению к металлическим деньгам, только обыкновенно она называлась не девальвацией, а порчей монеты. Целые века наполнены такими девальвациями. В отдаленные от нас времена фунт стерлингов и французский ливр, из которого родился современный франк, представляли собою на самом деле весовые фунты (la livre—фунт; sterling—чистый, без примеси) чистого серебра. Но с течением времени с этими фунтами и в Англии, и во Франции происходили весьма частые девальвации, т.-е. количество чистого серебра в монете уменьшалось, и за уменьшенным количеством удерживали прежнее название „фунта", сделавшееся уже *номинальным*. Французский ливр с 1258 г. по 1793 год испытал 369 изменений, сокративших его с фунта серебра до размера франковой серебряной монеты, в которой кроме серебра имеется еще и лигатура. Равным образом, и русский серебряный рубль на протяжении своей истории претерпевал подобную же эволюцию, приведшую его к размеру небольшой монеты. Все это, выражаясь современным языком,— „девальвации", и нет сомнения в том, что как сами бумажные деньги навеяны были человечеству фактом хождения испорченной монеты, так и бумажноденежные девальвации, по всей вероятности, родились на почве исторических реминисценций из области металлических денег.

Недаром идея девальвации не пользуется хорошей славой. Правительства былых времен особенно склонны были к так называемым скрытым, тайным девальвациям, подобно тому, как в глубокой тайне прежде совершалась теми же правительствами порча металлической монеты.

У нас, в России, в период времени между 1818 и 1822 г., правительство из'яло из обращения обесценившихся ассигнаций на 236 милл. руб., принятых в казну не по номинальной их цене, а по курсу. Конечно, это была скрытая девальвация. К подобному же приему обратились и в Австрии после открытой девальвации 1811 года, когда нашли не совсем удобным часто выступать с легальными девальвациями. По этому поводу И. И. Кауфман хорошо замечает: „Это был дух того времени" [1].

Отношение к девальвации хорошо рисуется Адольфом Вагнером: „Нет ничего заманчивее, как подвергнуть упавшие в ценности бумажные деньги девальвации, потому что нет ничего проще: стоит только вычеркнуть сотни две миллионов из числа долгов государства или банка и сказать, что бумажный рубль, который прежде стоил 100 к., отныне стоит только 80 коп. Не раз и прежде решались на девальвацию среди бед гораздо худшего бумажноденежного хозяйства. Замечательно, что между бесчисленными проектами восстановления денежной единицы в Австрии (из эпохи 1858—59 до 1862 г. мне известно около

---

[1]) *Кауфман*. Бумажные деньги в Австрии. Стр. 13.

100 брошюр, сочинений и более обширных статей по этому предмету) *едва один проект высказался в пользу девальвации.* Единственная, очевидно, пробная статья в „Аусбургской всеобщей газете" в пользу девальвации отвергнута была с единодушным протестом. В Австрии только один писатель, — старик Гауер, который принадлежал к поколению банкоцеттелей,—между прочим, рекомендовал девальвацию. В принципе допускают ее старые немецкие теоретики — Якоб, Небениус,—Рау, которые,—как и в свое время Тельдерпх, выходили из идеи тождества понижения цены и ценности бумажных денег и отчасти имели перед глазами вторую ступень упадка ценности" [1]).

Аналогичного мнения держался И. И. Кауфман, когда писал: „Девальвация составляет то, что англичане называют предметом факта (a matter of fact); она не есть предмет мнения (a matter of opinion). Можно быть вынужденным не платить по государственному обязательству всю его сумму или часть ее, но из видов *финансовой целесообразности* никогда еще к девальвации не прибегали, и никогда к ней не прибегнет никакое правительство. К ней обращаются не из видов государственной пользы, а из видов неминуемой, безвыходной государственной необходимости" [2]).

Категоричность суждений Вагнера и Кауфмана не является достаточно убедительной, особенно если принять во внимание, что оба автора высказались по поводу девальвации в своих книгах, в которых они защищали проекты полного восстановления ценности русского кредитного рубля. Но тем не менее оба автора правильно отражают ту атмосферу некоторого конфуза и стыдливости, которая неизбежно сопровождает девальвацию бумажных денег.

Наша точка зрения должна быть ясна из предшествующего изложения. Мы говорили, что всякая денежная реформа предначертана состоянием реформируемого денежного обращения. Из бумажноденежного расстройства всегда имеется только один выход, определенный создавшимся положением вещей. Поэтому девальвация, являющаяся с точки зрения права банкротством, есть при определенных условиях жребий страны. Конфузный ли это путь или нейтральный—вопрос совершенно праздный, так как, снявши голову, по волосам не плачут. Голову же теряют тогда, когда неразменной бумажке дают принудительный курс, совершенно не имея ни малейшей уверенности в возможности восстановления прежнего нормального положения вещей.

Идеальная денежная реформа заключалась бы в проведении таких мер, которые в косвенном своем результате дали бы нормальное денежное обращение, никого не обогащая, но никого и не разоряя. Но как раз этого идеала нельзя достичь путем самой бесспорной денежной реформы—путем полного восстановления ценности упавших в курсе бумажных денег. Те, кто занял деньги во время упадка их ценности и вынужден отдавать их в условиях восстановленной ценности, несет

---

[1]) *Вагнер.* Русские бумажные деньги. Стр. 112—113.

[2]) *Кауфман.* Кредитные билеты. Их упадок и восстановление. СПБ. 1888. Стр. 172.

совсем неповинно налог в пользу своего кредитора, а последний обогащается совершенно незаслуженно. Равным образом, и революция в области товарных цен, вызванная упадком ценности бумажноденежной единицы и беспрестанными колебаниями ее курса, обогащает одних и истощает других, и восстановление ценности никоим образом не может компенсировать всех, потерявших на неверности курса бумажных денег.

В разных странах делались попытки, при проведении денежной реформы на началах девальвации, путем издания особых законов несколько исправить те несправедливости, которые наносит такой способ исцеления денежного обращения, но вряд ли можно сказать, что такими законами исправлялись все главные несправедливости. Деньги— орудие обращения и поэтому они так часто меняют своих владельцев, что, конечно, не представляется никакой возможности возместить ущербы, связанные с изменениями их курса. Но кроме того, девальвация сама по себе является средством значительного сокращения государственных расходов по проведению денежной реформы. Такое сокращение единственно возможно только в том случае, если значительная масса частных ущербов останется без всякого вознаграждения.

Ущербы, связанные с испорченной денежной системой, возникают на почве фискального использования бумажных денег в целях покрытия непосильных для ординарной финансовой системы государственных расходов. Эти расходы покрыты народным хозяйством, от которого взяты соответствующие ценности путем использования покупательной силы денежных знаков. Поэтому если при проведении денежной реформы поставить цель возмещения взятого с индивидуальных хозяйственных ячеек путем бумажных денег, то это будет означать следующее. С народного хозяйства снова нужно будет взять ту сумму ценностей, которая была в чрезвычайном порядке взыскана при посредстве бумажных денег, и взысканное снова разверстать между хозяйственными ячейками. Ясно, что это—такая социальная бухгалтерия, которая ни при каком состоянии статистики не может быть поставлена на сколько-нибудь достоверную базу. Вообще, частнохозяйственный взгляд на деньги и на реформу денежного обращения не обещает надежной отправной точки зрения. Даже полное восстановление ценности испорченных денег не всем выгодно и поэтому оно не может нравиться всем. Мы знаем, что во всех странах, где совершались крупные денежные реформы, всегда были целые общественные классы и профессиональные группы, которым такая реформа была противна, и они боролись против ее проведения. Класс задолженных землевладельцев, интересы, связанные с вывозом товаров заграницу, протекционисты,—все они против исправления денежной системы, так как они извлекают из испорченной денежной системы свои немалые выгоды.

В силу этих соображений, только народнохозяйственная точка зрения и общий государственный интерес способны дать руководящую линию при оценке различных денежных реформ. Если реформа действительно обещает стране прочное денежное обращение, если реформа

на самом деле снова восстановит денежную систему в полном порядке и тем самым создаст нации и государству запас про черный день в виде последнего убежища для чрезвычайных финансов, то рефоорма оправдана во всех отношениях, хотя бы при ее проведении путем девальвации, т.-е. путем частичного государственного банкротства, были нарушены многочисленные частные интересы. Конфуз лежит не в самой девальвации, а в том, что общая и финансовая политика довели страну до необходимости девальвации. Так как девальвация является неизбежным выходом при наличности определенных условий, то всякие разговоры о том, уместна ли она и совместима ли с достоинством государства, являются совершенно праздными. Только в том случае, если девальвацию избрали в качестве пути для денежной реформы по соображениям технической легкости, — только в этом случае, когда совершенно ясна возможность реформы на ином основании,—девальвация должна быть осуждена самым решительным образом. В таком случае она является ударом по государственному достоинству и служит показателем несерьезности государственной политики или ее подчиненности узким интересам.

Выше мы сказали, что девальвация может служить разным целям и способна принимать разные формы. Теперь остановимся на этом подробнее и приведем несколько исторических иллюстраций.

Сначала мы остановимся на девальвации, применяющейся не в целях перехода на золотую валюту, а в целях облегчения государственного казначейства и некоторого поддержания самой упавшей валюты. Мы пропустим французский случай замены ассигантов территориальными мандатами. Об этом случае мы говорили в другом месте книги, и, кроме того, эта девальвация ассигантов не принесла никакой пользы ни государственному казначейству, ни самим бумажным деньгам: было слишком поздно проводить подобную меру—поздно как по экономическим, так и по политическим соображениям. Остановимся на австрийском случае 1811 года.

Австрия познакомилась с бумажными деньгами в эпоху семилетней войны. Сначала пользование бумажными деньгами совершалось в пределах благоразумия, но к концу века, под влиянием политических обстоятельств и страшного финансового напряжения, бумажные деньги, известные под названием банкоцеттелей (банковых билетов), получили принудительный курс и стали выпускаться только в связи с фискальными нуждами государственного казначейства. Положение же государственного казначейства было в высшей степени катастрофично: доходов не хватало на самое необходимое в тогдашних условиях, т.-е. на военную оборону. Военные расходы с 1793 г. по 1798 г. определились в 534 милл. гульденов, а все государственные доходы за указанный срок составили всего только 451 милл. гульденов. Все же расходы государства указанного пятилетия составляли 808 милл. Впереди предстояли войны наполеоновского цикла, которые несли с собою и хозяйственное разорение, и увеличение расходов по обороне. До 1791 года правительство все еще разменивало банкоцеттели на сере-

бряные гульдены, но с этого времени начинается полоса неразменных денег, снабженных принудительным курсом. Из обращения исчезла даже мелкая разменная серебряная монета, и были выпущены бумажки в 1 и в 2 гульдена. Масса выпущенных в обращение бумажных гульденов выросла на протяжении периода 1795—1811 г.г. с 377 милл. до 1.060 милл. гульденов. В результате, ценность ассигнаций страшно упала; по отношению к серебру их курс спустился до 10% номинала. В декабре 1810 года за 100 серебряных гульденов давали 961 бумажный гульден. Бумажным гульденам грозила участь французских ассигнатов. Для того, чтобы спасти отчаянное положение, правительство решилось на крайние средства. С одной стороны, оно решилось пойти на государственное банкротство в форме отказа платить полностью проценты по государственным займам, об'явив, что оно будет выплачивать только половину процентов, с другой—оно об'явило об уничтожени 4/5 всех обращавшихся в стране бумажных гульденов. Бумажные гульдены в форме банкоцеттелей, по закону 1811 года, должны были быть обменены на новые билеты, получившие название „выкупных“, по расчету за каждый новый билет пять старых, т. е. банкоцеттели принимались в уплату за новые выкупные билеты в размере 20% своего номинала. Так как всех банкоцеттелей в обращении оказалось на 1.043 милл., то, значит, по указанному основанию, они были заменены на 208 милл. новых бумажных гульденов. Девальвация поглотила 80% номинальной ценности старых гульденов.

Произведенная реформа естественно должна была поднять курс новых выкупных бумажных денег, так как их количество уменьшилось в пять раз. Средний годовой курс банкоцеттелей в 1810 году был около 20%, в момент же производства хирургической операции он составлял около 12%; средний же годовой курс новых выкупных билетов в 1811 году был 42% нарицательной цены, поднимаясь в 1813 году даже до 63%.

Таким образом, австрийская девальвация 1811 года сократила в пять раз общую массу бумажных гульденов создала новую форму бумажных гульденов, которые появились на свет сразу в значительно обесцененном виде. Мы нашли только у одного автора указание на то, что правительство перед совершением указанной девальвации думало „восстановить обращение наличных, т. е. металлических денег“. Этим автором является Небениус [1]). Но, судя по обстановке случая, вряд ли можно полагать, что целью девальвации 1811 года было восстановление металлического обращения. Положение государственных финансов Австрии было настолько плачевно, что государство совершенно не располагало возможностью провести подобную реформу даже путем решительной девальвации. Впереди снова были войны. Банкротство в области государственного кредита оказало свое действие на кредит. Летом 1813 года Австрия сравнительно небольшой заем должна была заключить под залог королевских украшений.

---

[1]) *Nebenius*. Der öffentliche Credit. Carlsruhe und Baden. 1820. Стр. 39.

Только в 1816 году, после ликвидации наполеоновской эпопеи, Австрия смогла несколько подойти к вопросу об упорядочении денежного обращения, а до этого времени период между девальвацией 1811 года и 1816 годом был наполнен ничем иным, как новыми выпусками бумажных денег. Так как для нового выпуска „выкупных билетов“ (die Einlosungscheine) прямых оснований не было, то правительству пришлось создать особую, третью по счету, форму денежных знаков. Были созданы „антиципационные билеты“, названные так потому, что они как бы предвосхищали поступления по налогам и пошлинам. Эти новые билеты были выпущены, в качестве бумажных денег, на сумму в 470 милл. гульденов, когда императорским указом об'явлено было, что новых бумажных денег больше выпускать не будут. Таким образом, к 1816 году общая масса бумажных гульденов снова поднялась до значительной высоты, именно, до 678 милл. гульденов, которые к 1816 году потеряли около 60% своей нарицательной ценности.

Из изложенного видно, что австрийская девальвация 1811 года была совершена в пределах одной и той же валюты: уничтожив четыре пятых старых бумажных гульденов, она заменила их новыми бумажными же гульденами. Выгоду от всей этой операции получило государственное казначейство, так как девальвация несколько расчистила путь для дальнейших выпусков бумажных денег и избавила при последующих реформах денежного обращения от необходимости ликвидировать аннулированные части старых выпусков бумажных денег.

Девальвации в пределах одной и той же валюты очень показательны, так как здесь девальвационный момент выступает особенно наглядно. Это—девальвация чистой воды, так как здесь страна ничего взамен больших потерь не получает. Вот почему такие девальвации особенно выявляют свою принадлежность к категории таких фактов, которые принято называть государственным банкротством.

Девальвация в пределах той же валюты была сделана и у нас, в России, правда, не в таком чистом, отчетливом виде, как это было сделано в Австрии. И наша русская девальвация хронологически совпадает с австрийской, и коренится она в тех же финансовых и политических условиях, что и в Австрии. Мы говорим о девальвации русских ассигнаций, в силу манифестов 20 июня 1810 и 9 апреля 1812 года.

Этот случай—довольно спорный. В русской научной литературе мнения по поводу значения этих манифестов в истории русского денежного обращения разделились на два лагеря. Такому разделению много способствует темнота и неясность старых русских законов о денежной системе, об'ясняемая тем, что авторы законов имели еще довольно смутное представление о бумажных деньгах и шли в деле создания их ощупью. По поводу этих манифестов мы имеем свое особое мнение.

Русские ассигнации были созданы в царствование Екатерины II, в силу манифеста 21 декабря 1768 года. Первоначально они были созданы в качестве кредитных денег, разменных на „ходячую“ монету. В XVIII веке ходячей монетой были медные деньги. Поэтому

можно думать, что валютой первоначальных ассигнаций были медные деньги. Когда правительству приходилось прибегать к новым выпускам ассигнаций, то оно мотивировало их потребностью „облегчить хождение медных денег". Монетное законодательство в России того времени разработано не было, и деньги ходили не на юридическом, а более на фактическом основании. Ходили и русские деньги, обращались и иностранные монеты. Обращение иностранных монет в качестве денег было запрещено в 1810 году. Впоследствии, когда в обороте появились серебряные деньги, и стал прочно устанавливаться курс ассигнаций на серебро, вопрос об их валюте сделался совершенно туманным. При обсуждении денежной реформы 1839 года соединенные департаменты сената таким образом формулировали свой взгляд на валюту ассигнаций: „источник настоящего зла в натуре ассигнаций, которые представляют собою не акты залога, но простые лишь векселя, ничем не обеспеченные. Для решительного уничтожения этого зла теперь полагается сию их натуру изменить, именно: вместо какой-то ходячей монеты, на которую были писаны ассигнации, которой значение никогда в точности определено не было, а теперь действием времени и обстоятельств совершенно уже стемнилось, основать их определенно на серебре" [1]).

Каким курсом обладали ассигнации? Первоначально ассигнациям было присвоено хождение наравне с ходячей монетой, т.-е. они получили легальный курс. Принудительного курса ассигнациям присвоено не было. Но после того, как правительство наводнило страну ассигнациями, оно было вынуждено приостановить их размен, и, таким образом, страна получила неразменные бумажные деньги, коим по закону не было придано принудительного курса. Ассигнации стали ходить по курсу на серебро. Получилось в высшей степени странное положение вещей. Бумажные деньги были выпущены в медной валюте; их курс расценивался на серебро. Государство принимало ассигнации по номинальной цене, частные лица—по курсу. Товарные цены, выраженные в ассигнациях, равным образом, отражали в себе степень обеспечения ассигнаций. Нужно было внести какой-нибудь порядок в дело. От этого беспорядка страдало прежде всего государственное казначейство, получавшее ассигнации по номиналу и расходовавшее их по курсовой стоимости. Первой попыткой внести в денежную систему порядок был манифест 20 июня 1810 года, установивший в стране серебряную валюту. На основе этой валюты впоследствии, в 1839 году, была закреплена девальвация ассигнаций. Но манифест 1810 года оставил ассигнации в самом неопределенном положении. Что же с ними? Какова их валюта, и на каком основании они имеют хождение? По этим вопросам и возник в литературе спор.

Очевидно, что манифест 1810 года подвел под ассигнации серебряное основание, но оставил их неразменными. Но при таком положении дела получаются две валюты: серебряная и бумажная, со всеми

---

[1]) Цит. у *Кауфмана.* Из истории русских бумажных денег. Стр. 245—246.

последствиями, отсюда вытекающими. Так как в 1810 году было предписано совершать все сделки на серебро, и 29 августа того же года было повелено: все казенные подряды и поставки, равным образом, заключать на серебро, с платежем ассигнациями по среднему петербургскому курсу, то можно сделать вывод, что в 1810 году в России была сделана попытка утвердить серебряную валюту и допустить ассигнации обращаться по биржевому курсу. Такой отказ от номинала бумажноденежного знака в целях создания единой денежной единицы,—в данном случае, серебряного рубля,—и является, собственно говоря, настоящей девальвацией бумажных денег, причем девальвация была совершена в целях перехода на серебряную валюту.

В это время ассигнации по курсу на серебро расценивались очень низко. В 1811 году за 100 рублей серебром давали 520 руб. ассигнациями, т.-е. металлическая цена ассигнации составляла около 19. коп. Бумажка утратила 4/5 своего номинала. Но впереди эта бумажка нужна была правительству, как воинственный суррогат внутреннего кредита, в виду тяжелого положения государственного казначейства и больших военных расходов.

Девальвация 1810 года, т. е. признание в ассигнации только ее курсовой цены, неопределенность основания, на котором обесцененная ассигнация могла бы циркулировать, ставили потерпевший крушение денежный знак в тяжкое положение. Для того, чтобы помочь ассигнации, нужно было подвести под нее новый фундамент, что и было сделано манифестом 1812 года (9 апреля).

Манифест 9 апреля, в явном противоречии с манифестом 1810 года, постановил: „во всем пространстве империи счеты и платежи основывать на государственных банковых ассигнациях“. „На сем основании учреждаются все денежные обороты, состоящие: 1) в платежах частных лиц казне, 2) в платежах казны частным лицам, 3) в платежах частных лиц между собою“.

Курс, по которому платежи должны совершаться, был для разных платежей различен: иногда за рубль серебром—два ассигнациями; иногда—три рубля ассигнациями; иногда по промену на серебро в день платежа (биржевой курс).

Ясно, что между двумя манифестами есть противоречие. Один учреждает серебряную валюту, другой—ассигнационную, с признанием в ассигнациях только части номинала. Бунге так формулирует свой взгляд на эти два манифеста: „манифестом 9 апреля ассигнациям возвращается значение счетной денежной единицы, но нисколько не отменяется единица монетная, определенная манифестом 20 июня 1810 г.“ Но это совершенно произвольное мнение.

Нужно думать, что манифест 1812 года ассигнацию поставил не рядом с серебром, но поставил ее на место серебра в качестве валютной единицы, подтвердив вместе с тем ее девальвацию по податному и биржевому курсу и отставив в сторону серебряную валюту. Таким образом, в конце концов, девальвация ассигнаций была произведена в пределах той же самой бумажной валюты и имела два последствия: с

одной стороны, она открыла ход металлическим деньгам, ценность которых выражалась в валютных деньгах, т.-е. в ассигнациях, а с другой—облегчала положение государственного казначейства, которое стало получать подати и налоги ассигнациями не по номиналу, а по курсовой цене. Мы думаем, что не совсем был прав И. И. Кауфман, который утверждал, что с 1812 года у нас были две денежные единицы—рубль серебряный и рубль ассигнационный [1]), у нас был валютный знак один—рубль ассигнационный. Попытка же 1810 года оказалась мимолетной и только в 1839 году она получила свое осуществление. Девальвация же 1810—1812 г.г. была бесплодной, так как носила исключительно фискальный характер. Неправ и проф. Мигулин, утверждающий, что о редуцировании (девальвации) ассигнаций манифестом 1812 года не может быть и речи [2]). Принять это мнение—значит совсем лишить смысла манифесты 1810 и 1812 г.г. Признав же нашу точку зрения,—именно, что указанными манифестами совершена была девальвация ассигнационного рубля, сначала в целях введения серебряной валюты, а затем бумажной, так как обстоятельства мешали цели манифеста 1810 года,—мы получаем возможность точно определить смысл этого исторического факта в истории русского денежного обращения. Если бы к девальвации 1810—1812 г.г. прибавить один несущественный для самой девальвации штрих,—именно, обмен старых ассигнаций на новые,—то мы получили бы подобие австрийской девальвации 1811 года даже и с внешней стороны. Наша девальвация началась попыткой перехода на другую валюту, но, благодаря целому ряду обстоятельств, она свелась к девальвации в пределах одной и той же валюты.

Девальвация бумажных денег в целях перехода на металлическую валюту является одним из двух путей восстановления металлического денежного обращения. Ей противостоит уже рассмотренный нами способ полного восстановления ценности бумажных денег и возобновления размена их на звонкую монету.

Адольф Вагнер называет этот метод легальной девальвацией, разумея под нею понижение в силу закона нарицательной стоимости бумажноденежной единицы до приблизительного уровня курса, по которому обращаются бумажные деньги.

Обоснование такой девальвации Вагнер излагает следующим образом.

Такая девальвация легализирует только то, что в действительности уже совершилось, т.-е. она узаконяет упрочившееся фактическое обесценение бумажноденежной единицы, поскольку это обесценение отражается в курсе бумажных денег на тот металл, который избирается основанием новой валюты. Конечно, такое обесценение принесло большие ущербы народному хозяйству и создало ряд тяжких правонарушений, но это не исцеляется даже и в том случае, если, избегнув

---

[1]) Кауфман, И. И. Из истории бумажных денег в России. Стр. 343.

[2]) Мигулин, П. П. Русский государственный кредит. Т. I. Харьков, 1899. 53—61. Указана литература.

девальвации, восстановят полную ценность бумажноденежной единицы. Восстановление полной стоимости бумажноденежной единицы, опустившейся до низкого биржевого курса, принесло бы с собой новое хозяйственное потрясение, теперь в обратном направлении, и нарушило бы множество прав и интересов. Кроме той выгоды от девельвации, что она обходится государственному казначейству несравненно дешевле, нежели иной способ, девальвация имеет еще и то преимущество, что она скорее приводит к основной цели—к восстановлению металлического денежного обращения. Все затруднения сводятся только к урегулированию долгов, заключенных в разных валютах. Когда путем девальвации устанавливается новая валюта, то приходится так или иначе вопрос о различных обязательствах вырешить. А так как современный оборот отличается необычайно значительным развитием кредитных отношений, то совершенно понятно, что всякая девальвация выдвигает множество самых сложных задач по упорядочению взаимных отношений, основанных на кредите [1].

Прежде чем развить и дополнить эти соображения, мы приведем два—три исторических примера легальных девальваций, отличающихся друг от друга не только по обстановке случая, но и по техническим приемам осуществления. Мы будем говорить о девальвациях, как способах восстановления металлической валюты, т. е. о девальвациях при переходе с одной валюты на другую.

Выше мы указывали, что австрийская девальвация 1811 года сопровождалась лишь пятикратным сокращением общей массы циркулировавших в стране бумажноденежных знаков. Из такого сокращения массы бумажных денег Австрия извлекла одну выгоду—она непосредственно после девальвации снова занялась печатанием бумажных денег под новыми наименованиями, и в какие-нибудь пять лет страна снова была наводнена массой бумажных денег, утративших около 60% своей номинальной ценности. Перед Австрией снова встал вопрос о реформе денежного обращения, и так как страна располагала очень скромными рессурсами для упорядочения денежного обращения, то ей волей-неволей пришлось снова обратиться к девальвации. Но так как денежная реформа и с девальвацией, поскольку эта реформа ставит своей конечной целью восстановление металлической валюты, требует от государственного казначейства значительных средств, то Австрия, с ее расшатанными финансами, не смогла провести реформу в короткое время и была вынуждена растянуть ее на несколько десятилетий. Приступ к реформе был сделан в 1816 году, последние же бумажные деньги были ликвидированы в 1857 году. Это обстоятельство очень показательно для тех стран, которые ставят себе в области экономической политики непосильные задачи.

Особые условия, в которых находилась Австрия в 1816 году заставили ее при проведении денежной реформы установить дв

[1] *Wagner*. Theoretische Sozialökonomik. Zw. Abtheilung. Zw. Band. Стр. 718 сл.

значительных предпосылки, налагающие на реформу 1816—1857 г.г. оригинальный отпечаток.

Во-первых, только за пять лет перед означенной реформой Австрия произвела внушительную девальвацию своих бумажных денег. Идти этим путем второй раз, в то время, когда не изгладилось еще отрицательное впечатление от первой девальвации, было, по многим соображениям, неудобно. Но в то же время и другого пути не было, так как реформируемые бумажные деньги утратили около 60% своей номинальной ценности. Положение создавалось в высшей степени затруднительное. Выход был найден в добровольной девальвации. Девальвация 1811 года была принудительной, в 1816 году решили произвести такую же девальвацию, но на добровольном начале.

Во-вторых, к этому времени государственные бумажные деньги в Австрии оказались совсем дискредитированными, доверие к ним, после таких экспериментов, которые были проделаны на пространстве столь короткого времени, оказалось совсем подточенным. Производить вторую девальвацию государственных бумажных денег во имя создания разменных кредитных денег, выпускаемых снова от имени государства, означало бы явно безнадежное дело. Никто бы не поверил, что после 1816 года не повторится старая история с новыми выпусками неразменных бумажных денег. Поэтому правительство решило произвести реформу денежного обращения на началах частной банкноты, т.-е. разменного кредитного знака, выпускаемого частным эмиссионным банком. Такой выход был тем более удобен для тогдашней Австрии, что реформа сводилась, в конце концов, к обмену государственных бумажных денег на банкноты частного банка. Это позволяло надеяться, что финансовая жертва, необходимая для проведения реформы, может быть записана долгом государства банку и рассрочена для выплаты, что невозможно сделать, если бы реформа не была связана с частным банком, а государство лицом к лицу встало бы по отношению к каждому предъявителю государственных бумажных денег.

Таковы были предпосылки австрийской реформы 1816—1857 г. К этому следует добавить, что несмотря на то, что реформа была предположена с девальвацией, несмотря на то, что вся реформа сводилась к замене девальвированных бумажных денег на банкноты,—все-таки от государства требовалось значительная сумма денег в форме металлической монеты, для того, чтобы помочь образуемому частному банку с первых же шагов своей деятельности выдержать роль эмиссионного банка, свободно разменивающего банкноты на серебро. У правительства серебра не было, серебро было у публики, что и составляет истинную почву, настоящий фундамент реформы. Правительство могло добыть нужное серебро только от публики,—это и было дополнительной задачей реформы, осложнявшей ее проведение.

Наконец, так как девальвация, в силу необходимости, должна была быть добровольной, то для ее успеха необходимыму словием было предложить публике такие условия, которые соблазняли бы ее на девальвацию. Соблазн должен был быть всеобщий, иначе у реформы не сошлись

бы концы с концами. Но соблазнительные условия для публики означали повышение необходимого расхода на реформу.

Такова была обстановка и таковы задания денежной реформы. Единственным надежным опорным пунктом реформы было то, что серебро было в циркуляции, и публике надоедали бумажные деньги, сильно обесцененные и колеблющиеся в своем курсе. Все же остальные условия были отягчающими и вынужденными.

Курс, по которому можно было произвести девальвацию, указывался высотою премии на серебро, достигавшей 150%. Таким образом, металлическая стоимость бумажного гульдена [(100.100) : 250=40] определялась в 40%. Бумажный гульден потерял $^3/_5$ своего номинала. Отсюда—реформа должна была отсечь от бумажных денег $^3/_5$ их номинала, а $^2/_5$ сделать разменными на серебро. Так как бумажные деньги, выпущенные до девальвации 1811 года, были уже девальвированы на $^4/_5$ номинала, и в них оставалась всего $^1/_5$ номинала, то, следовательно, новая девальвация на $^3/_5$ для этих денег означала сокращение их номинала на 92%. Только 8% номинала оставалось у старых бумажных денег после двух повторных девальваций. На этом примере можно видеть, как девальвация удешевляет проведение денежной реформы.

Денежная реформа, связанная со второю девальвацией, началась провозглашением в 1816 году торжественного отказа государственной власти от новых выпусков бумажных денег ради фискальных целей. Вместе с тем, правительство об'явило указ об образовании частного акционерного эмиссионного банка под названием „Privilegierte Oesterreichische Nationalbank“. Этот банк впоследствии был преобразован в известный Австро-венгерский банк. Банкноты нового банка назначались для выкупа неразменных бумажных денег на условиях, особо установленных. Эти условия заключались в следующем.

Основной капитал банка был представлен 50.000 акций, которые продавались публике каждая за 2.000 гульденов бумажными деньгами и 200 гульденов звонкой монетой. Таким образом, распродажа всей массы акций означала бы извлечение из оборота бумажных денег на 100 милл. гульденов и привлечение в кассу банка звонкой монеты на 10 милл. гульденов. Вся же масса бумажных денег к этому времени определялась в 678.715.925 гульд. Из'ять остальные ассигнации предполагалось следующим образом: $^5/_7$ этой массы, т. е. 413 милл., предположено было консолидировать в 1% заем и $^2/_7$, или 165 милл., выкупить по курсу, т.-е. 250 бумажных гульденов за 100 металлических, причем при этом выкупе выплачивать за выкупаемые бумажки или монетами или банкнотами нового банка, разменными на серебро.

Таким образом, пред'явитель 140 гульденов в бумажных деньгах получал от правительства на $^5/_7$, т. е. на 100 гульденов, однопроцентную облигацию государственного займа в 100 гульденов; проценты по ней правительство обязывалось выплачивать металлическими деньгами. На остальные $^2/_7$ принесенной суммы, т.-е. на остальные 40 гульденов, правительство выплачивало или 40 гульденов металлом, или банкнотами банка, разменными на серебро.

Что же, в конце концов, правительство давало всякому приносителю 140 бумажных гульденов? Прежде всего спросим: сколько стоили по курсу на металл эти 140 бумажных гульденов? Они стоили—при курсе 250 за 100—только 56 металлических гульденов. Но так как в это время можно было иметь 300 бумажных гульденов за 100 металлических, то, значит, они стоили еще дешевле, именно—46,6 металлических. Вот какую сумму в металле мог выручить держатель каждых 140 бумажных гульденов. Правительство же ему давало: во-первых, 40 металлических гульденов или банкнот, разменных на металл; во-вторых, облигацию, приносящую 1% металлическими деньгами. Такая облигация по тогдашним условиям могла стоить 20 металлических гульденов (из расчета дохода в 5%). Таким образом, пред'явитель бумажных денег на 140 гульденов получал при этой операции 60 металлических гульденов. В этом и заключалась девальвация. А так как девальвация была добровольной, то она должна быть заманчивой. Заманчивость ее заключалась в том, что на рынке держатель 140 бумажных гульденов мог получить за них около 47 металлических гульденов, а правительство выдавало 60 гульденов, т.-е. оно девальвировало выше рыночного—курса, именно, оно девальвировало по курсу в 42,8%, переплачивая против рынка $9^1/_2$%.

Выгодно было публике расстаться с бумажными деньгами и вторым путем, т.-е. путем покупки акций нового банка. Акция стоила 2.000 бумажных гульденов плюс 200 металлических гульденов. Бумажные деньги, поступившие по продаже акций, передавались правительству для уничтожения, правительство же выдавало банку за каждую 1000 бумажных гульденов облигацию, приносящую $2^1/_2$% металлическими деньгами. 1.000 бумажных гульденов в монете стоили около 333 гульденов; поэтому $2^1/_2$% металлом за 1.000 гульденов означало 25 металлических гульденов за 333 гульдена, что составляет $7^1/_2$%.

Из сказанного видно, что успех реформы зависел от следующих обстоятельств. Нужно было, чтобы публика взяла на 413 милл. 1%-ных облигаций; нужно было, чтобы правительство располагало 66 милл. металлических гульденов для обмена 165 милл. бумажных гульденов; нужно было, чтобы все акции нового банка были проданы.

Но публика была охвачена только одним стремлением—обратить бумажки в металл. Поэтому акции продавались слабо, облигации шли, равным образом, слабо; а правительство не располагало нужным количеством металла, надеясь на то, что публика удовлетворится новыми банкнотами. Правительство сделало крупную ошибку тем, что ускорило открытие банка, не дожидаясь реализации капитала и снабдив банк на 13 милл. гульденов банкнотами и на 12.240.000 гульденов звонкой монетой. Публика брала банкноты, но только для того, чтобы обменять их на металл. Из 13 милл. новых банкнот в первые две недели было пред'явлено к размену на 11 миллионов. Пришлось всячески ограничивать размен и в конце концов приостановить его. Погашение бумажных денег стали производить скупкой их на бирже, но скоро и для этой операции не достало денег. Скупка была прекращена.

К январю 1817 года было из'ято всего только 42 милл. гульденов, для чего было выдано банкнотами, размененными на металл, свыше 12 милл. и на 30 милл. облигаций.

Таким образом, задача решена не была, но правительство не оставило этого дела. Оно пошло к той же цели другим путем—путем добровольной же девальвации, но в другой форме. Новая форма заключалась в создании так называемых доплатных займов.

Доплатный заем представляет собою особый вид конверсии старых займов. Конверсия заключается в том, что изменяются условия займа, главным образом, условия процента. Такая конверсия освежает старый заем за счет доплаты к ранее выплаченной сумме за облигации. Такая доплата образно сравнивается с „орошением", новой влагой, и поэтому самый прием доплатного займа получил название от французского слова arrosement, что значит орошение. На коммерческом же языке Франции arroser означает производить дополнительные взносы. Подобные займы на немецком языке называются Arrosierunganlehen. Конверсия с применением „орошения" бывает или принудительной, или добровольной; в последнем случае количество создаваемых конверсией выгод должно превышать доплату. Так как доплатный заем в Австрии описываемой эпохи (1817 г.) имел целью из'ятие бумажных денег, то выгоды должны были заключаться в более дорогой для казны, нежели на рынке, замене бумажных денег металлом.

Австрийское правительство создало 5% металлические облигации, известные на рынке под названием „Obligations metalliques", и предложило публике, владевшей старыми облигациями государственных займов, менять их на новые металлические за особую доплату в бумажных деньгах по особому тарифу. Австрия отличалась необыкновенным разнообразием форм государственных займов, среди которых были и низкопроцентные займы и высокопроцентные. Если обменивались низкопроцентные займы, то доплаты за получение 5% металлической облигации были высокими, и наоборот. За старую 5% облигацию, приносящую проценты в бумажных деньгах, и за доплату 100 бумажных гульденов правительство выдавало новую 5% металлическую облигацию. При помощи такого „орошения" старых займов правительство из'яло около 132 милл. бумажных гульденов. Дальнейшая история этой реформы сводится к расчетам правительства и банка по выкупу бумажных денег, к продолжению тех затруднений, которые непрерывно возникали на почве финансового худосочия Австрии и того напряжения хозяйственных рессурсов страны, которое вызывалось различными политическими обстоятельствами, толкавшими Австрию на пути войны и милитаризма.

Теперь мы обратимся к истории другой девальвации, положенной в основу денежной реформы, имевшей целью восстановление металлической валюты. Мы будем говорить о русской реформе денежного обращения, имевшей место в 1839—1843 г.г.

Выше было указано, что в 1810 г. и в 1812 году были изданы два манифеста с противоречивым содержанием; из них последний

установил так называемую скрытую девальвацию ассигнаций, признав биржевой и податный курс ассигнаций, т.-е. отказавшись от номинального достоинства ассигнаций. В 1812 году в обращении было всех ассигнаций на 646 милл. руб., причем средний годовой курс ассигнационного рубля на серебро составлял всего только 25$^{1}/_{5}$ коп. К 1817 году масса ассигнаций поднялась до 836 милл. руб. при курсе в 25$^{1}/_{4}$ коп. Это была максимальная граница, до которой доходило количество ассигнаций. Начиная с 1818 года, правительство пытается сокращать массу ассигнаций и доводит ее к 1823 году до 595.776.310 руб., причем все время курс стоял между 25 и 26 копейками (с дробью) на серебро. Только в 30-х годах прошлого века курс поднимается на одну копейку, при не изменяющейся массе ассигнаций, и с таким курсом ассигнация вступает в полосу реформы 1839—1843 г.г.

Из приведенных данных видно, что ассигнационный рубль получил сравнительно очень устойчивый курс на серебро, что в значительной мере облегчало проведение реформы в смысле восстановления серебряной валюты, т.-е. того дела, которое совершенно без всяких достаточных оснований было провозглашено манифестом 1810 года. Девальвация рубля была уже в прошлом, с нею сжился оборот, который на протяжении десятилетий, отделявших реформу 1839 года от манифеста 1812 года, стал усиленно насыщаться металлической монетой. Для серебряной монеты, в условиях признания биржевого курса ассигнаций и установления податного курса для платежей в казну, был создан полный простор. Недоставало лишь ликвидации неразменности ассигнаций для того, чтобы упорядочить русское денежное обращение. Такая ликвидация могла завершиться двояким путем: или путем полного из'ятия ассигнаций из оборота, или путем создания условий, делавших возможным их размен на серебро. О первом пути не могло быть и речи по тогдашнему состоянию финансов и народно-хозяйственных сил страны. Первый путь обрекал бы страну на новое напряжение ее податных сил, безразлично, каким путем пошла бы консолидация ассигнаций — путем ли из'ятия их налогами или путем заключения займов. Для того и другого способа ни финансовая система, ни состояние народно-хозяйственных сил не создавали необходимой почвы. Если бы правительство встало на этот путь, оно вынуждено было бы растянуть реформу, по австрийски, на целый ряд десятилетий. Между тем, нужда в реформе была в высшей степени настоятельная, так как денежное обращение находилось в сильно расстроенном состоянии. Циркуляция серебра с лажем в стране совершенно малокультурной — дело довольно трудное, неизбежно ведущее к путанице в такой области жизни, которая при всех условиях культуры должна быть в большом порядке. Жизнь выработала было некий паллиатив для малокультурной среды в виде так называемых простонародных лажей, но на почве таких лажей выросла еще более невообразимая путаница.

Для России в тогдашних условиях оставался второй путь, именно, путь превращения ассигнаций, уже девальвированных, в разменные

кредитные деньги. Тот факт, что ассигнации целый ряд десятилетий обращались по однообразному биржевому курсу, показывал, что их количество в такой расценке нисколько не будет вредным для упорядоченного денежного обращения. Вопрос сводился к другому моменту: как создать условия разменности? Одно из условий было уже создано, именно, в каналах денежного обращения появилось серебро в значительных количествах. Но нужно было создать разменный фонд в руках государственной власти. Государственная власть не располагала свободными металлическими рессурсами в таком размере, чтобы организовать соответствующий разменный металлический фонд. Поэтому денежная реформа на первых порах вылилась в форму манифеста, признающего девальвацию ассигнаций и оставляющего их в обращении по девальвированному курсу наряду с серебром, которое восстанавливалось в своих валютных правах. Правительство восстановило манифестом 1839 года основное начало манифеста 1810 года, по которому серебряный рубль был об'явлен валютной единицей. По манифесту 1839 г. серебряный рубль был об'явлен главною, непременяемою законною мерою всех обращающихся в стране денег. Одновременно все налоги и все государственные расходы перечислялись на серебро. Счет на серебро был сделан обязательным и для частного оборота. Таким образом, в России была установлена серебряная валюта, что находилось в соответствии с действительным положением вещей. Оставалось так или иначе выреппить вопрос об ассигнациях. Так как государство не располагало возможностью ни выкупить их, ни сделать разменными, то временно они были оставлены в состоянии неразменных бумажных денег, имеющих обращение по фиксированному курсу 3 руб. 50 коп. ассигнациями за 1 рубль серебра. Манифест об'являл, что ассигнации будут „вспомогательным знаком ценности, с определением им впредь единожды навсегда постоянного и непременяемого курса на серебро“. Медная монета была приравнена к серебру в отношении 1 коп. сер.$=3^1/_2$ коп. медью.

Из изложенного видно, что в 1839 году денежная реформа сводилась, в конце-концов, лишь к окончательному установлению девальвации ассигнаций по указанному курсу. Прочность такой девальвации основывалась на двух базисах. С одной стороны, девальвационный курс, который заменил собою бывшие податной и биржевой курсы, опирался на установившуюся в действительности расценку ассигнационного рубля. С другой—девальвационный курс получил силу принудительного курса, так как по этому курсу обязаны были принимать ассигнации как казна, так и частные лица. Разумеется, главную силу имело первое основание, но поэтому девальвационный курс принципиально был, конечно, весьма хрупким: стоило произойти изменению в отношении серебра и ассигнаций,—и вся реформа 1839 года рассыпалась бы, как карточный домик. Единственным средством самозащиты реформы было то положение манифеста 1839 года, по которому казначейства были обязаны обменивать серебро на ассигнации и обратно каждому приносителю, но на сумму до ста рублей. Начало разменности,

здесь выраженное, было еще настолько зачаточно, что конечно, оно не могло служить надежной охраной окончательного завершения девальвации в 1839 году.

Одновременно с изданием манифеста, установившего серебряную валюту и девальвационный курс, был издан другой манифест, который учреждал особую депозитную (вкладную) кассу. Депозитная касса представляла собою учреждение оригинального типа. Она была эмиссионно-вкладным банком, выпускавшим особые депозитные билеты, обеспеченные серебром рубль за рубль. Как казна, так и частные лица могли приносить в депозитную кассу серебро и взамен брать из нее на соответствующую сумму депозитные билеты, которые имели хождение наравне с серебряною монетою. Касса была обязана во всякое время, без ограничения суммы, разменивать пред'являемые билеты на серебро. Таким образом, разменный фонд депозитной кассы составлялся исключительно из приношений, из вкладов частных лиц и вкладов казны. Вместе с тем, в обращении появлялся новый вид денежных знаков, кредитных, разменных на серебро и обеспеченных металлом рубль за рубль.

Какой смысл получала эта касса? С одной стороны, касса технически облегчала циркуляцию серебряной монеты, с другой — она была некоторым испытанием правительственного кредита. После многолетнего ассигнационного опыта, после девальвации, было весьма полезно испытать силу доверия публики к правительственным кредитным учреждениям, к самой идее кредитных денег. Кроме того, так как депозитные билеты могли поступать в подати, то правительство тем самым становилось собственником соответствующего количества серебра. Разменный фонд для последующей реформы ассигнаций правительство могло получить исключительно из рук публики, т.-е. главным образом, податным путем.

Интересно выяснить, как публика реагировала на создание депозитной кассы. Для суждения по этому вопросу имеется статистический материал в виде следующих цифр:

Годы.	Выдано билетов взамен принесенного металла.	Выдано металла взамен пред'явленных билетов.
	Тысячи рублей.	
1840	25.623	1.453
1841	14.493	1.713
1842	9.141	2.299
1843	5.344	17.642

Цифры обоих колонн движутся в обратных направлениях: принос металлических вкладов сокращается, пред'явление же билетов возрастает. С 1843 года начался обмен депозитных билетов на новые кредитные билеты, и в 1848 году депозитные билеты исчезают. Опыт депозитной кассы показал, что техническое удобство, ими доставляемое, не имело особой цены в глазах публики, в большом количестве снаб-

жённой ассигнационными деньгами и не нуждавшейся в кредитных знаках только ради их технического удобства.

Но так как в первые два года взносы металла в депозитную кассу были значительными, то правительство в 1841 году делает новый опыт с кредитными деньгами, существенно расширяя базу опыта. Депозитные билеты были, в сущности, сохранными расписками на внесенные количества металла. Такие расписки имели легальный курс. В 1841 году правительство, по мысли императора Николая, создает третий вид денежных знаков,—именно, кредитные билеты, разменные на серебро, но обеспеченные только лишь в размере $^1/_6$ части всей обращающейся массы. Первоначальный опыт был сделан в небольшом масштабе—до 30 милл. руб. кредитных билетов, снабженных легальным курсом. Эти билеты были выпущены в столицах от имени двух казенных банков, называвшихся сохранными казнами, и от имени третьего казенного банка, называвшегося Заемным. Внешним поводом к выпуску новых билетов послужил финансовый кризис указанных казенных банков, вызванный востребованием из них вкладов, под влиянием недородов. Вместо денег, было предписано выдавать новые ссуды исключительно кредитными билетами, которые получили характер кредитных денег с легальным курсом.

Таким образом, в 1841 году в России циркулировали: серебро и золото (последнее по курсовой цене на серебро), неразменные ассигнации с фиксированным курсом на серебро, депозитные билеты и кредитные билеты, разменные на серебро, и, наконец, медная монета двойного чекана, как 36 руб., так и 24 руб. в пуде, но одинаково расценивавшаяся в отношении к серебру, как 1:3$^1/_2$.

Ясно, что подобными мерами денежное обращение не улучшалось. Наоборот, оно запутывалось и засорялось различными видами денег, имевшими разную степень добротности с точки зрения рынка. Необходимо было после всех этих опытов перейти к настоящей реформе, единственный смысл которой должен был состоять в уничтожении неразменных ассигнаций и унификации кредитных денег. Такой шаг и был сделан в 1843 году, когда, наконец, дело, начатое в 1810 году, было завершено.

Какова была количественная задача реформы 1843 года?

Всех ассигнаций к этому времени было на 595,7 милл. руб. номинальных, что по девальвационному курсу на серебро составляло около 170 милл. рублей серебром. Таким образом, для того, чтобы сделать эти ассигнации разменными на серебро по принципу обеспечения размена в размере одной шестой всей массы ассигнаций, нужно было иметь около 28 $^1/_2$ милл. серебряных рублей. Такой суммы в руках правительства не было. Оно могло предоставить в разменный фонд только лишь половину этой суммы, взяв эти суммы из запасного военного капитала и из разменного фонда депозитных билетов, предъявив в депозитную кассу те билеты, которые оказались в правительственных кассах. Но правительство решилось начать реформу с половинным разменным фондом, выговорив в манифесте такие условия, которые облегчали такую возможность.

Манифест учреждал *„государственные кредитные билеты“* (в отличие от недавно выпущенных казенными банками *„кредитных билетов“*); общая масса государственных кредитных билетов было определена в 170 милл. руб., т.-е. новые билеты исключительно предназначались для вымена ассигнаций. Новые билеты об'являлись разменными на серебро, причем этот размен обусловливался всем достоянием государства и специальным разменным фондом. Постоянный разменный фонд золотой и серебряной монеты устанавливался в размере одной шестой общего количества выпускаемых билетов. (Золото в монете имело легальный курс на 3% выше серебра). В Петербурге размен билетов на металл в одной кассе производился без ограничения суммы, в Москве—до 3.000 руб. в одни руки и в провинции—до 100 руб.

Кредитные билеты выпускались в обращениие по трем основаниям. Правительство выдавало их в своих платежах взамен ассигнаций. Публика, приносившая металл, могла получать вместо металла новые билеты. Наконец, был резервирован третий способ прямого обмена публикой ассигнаций на билеты. Этот самый естественный способ был отсрочен по весьма простой причине: в руках правительства не было разменного фонда должных размеров. Таким образом, и в 1843 году реформу, вследствие неблагоприятных финансовых условий, приходилось вести с большою постепенностью. Вот почему обмен ассигнаций на билеты был предоставлен исключительно инициативе самого правительства. Об осторожности правительства, вынужденной состоянием разменного фонда, говорит и следующий факт. Разрешив публике обменивать серебро и золото на новые билеты, правительство распорядилось разделить разменный фонд на две части. В одной части находилась монета, обеспечивающая кредитные билеты в размере одной шестой их количества. Этот фонд обеспечивал те билеты, которые выпускались в обращение распоряжением правительства. В другой части сосредоточивались те монеты, которые приносились публикой для обмена на кредитные билеты. В этом случае разменный фонд держали на уровне депозитной кассы, т.-е. все такие выпуски кредитных билетов разменным фондом обеспечивались рубль за рубль. Так зыбка была почва под всей реформой.

Обмен ассигнаций на государственные кредитные билеты по инициативе частных лиц был открыт в 1845 году и закончен, после ряда отсрочек, в 1851 г. Одновременно шел обмен на новые билеты депозитных билетов, а также и кредитных билетов выпуска 1841 года.

Процесс обмена ассигнаций протекал в высшей степени удовлетворительно и совершился, главным образом, в период 1844—46 г.г. Разменный фонд питался из двух источников. Во-первых, правительство передавало в разменный фонд всю монету, которую оно получало по податям и другим доходам. Во-вторых, и публика пользовалась случаем принести серебро или золото и получить взамен кредитные билеты. Таким образом, разменный фонд рос довольно быстро, ассигнации исчезали из обращения, уничтожалось многообразие денежных знаков, и страна получала довольно стройную денежную систему. О движении

разменного фонда и кредитных билетов можно судить по следующей табличке (в тыс. руб.):

Годы.	Разменный фонд.	Масса кредитных билетов.	Металлическое покрытие.
1844	35.916	30.421	118,3%
1845	59.404	121.807	48,8%
1846	86.812	189.415	45,8%
1847	101.287	226.167	44,8%

В 1848 году в составе разменного фонда появляются государственные процентные бумаги, что было уже прямым нарушением закона. Появление таких бумаг об'ясняется тем, что в это время заграница, нуждаясь в покрытии неблагоприятного сальдо расчетного баланса по отношению к России, высылала в Россию русские государственные фонды и дешево их продавала. Министр финансов Вронченко соблазнился мыслью обратить часть „мертвого" разменного фонда в бумаги, приносящие доход, и купил их для фонда на 29 милл. руб. Этот вид разменного фонда просуществовал до 1880 года.

Реформой 1843 года было покончено с бумажноденежным режимом, но, к сожалению, не надолго. Проведение реформы показало, что ее финансовый базис не отличается особой надежностью. Финансовый же базис заключается в абсолютной незаинтересованности государственного казначейства в денежном обращении. Мы видели, с каким трудом правительству удалось сколотить разменный фонд и с какою сугубою осторожностью оно пошло на размен кредитных билетов и на обмен ассигнаций. Но и экономический базис реформы был не особенно прочен. То была пора крепостного права, мешавшего развитию народного хозяйства, пора натурального хозяйства, в котором слабо развивались ростки зарождавшейся промышленности. А в это время на западе Европы отдельные страны покрывались сетью железных дорог, заводили фабрики и заводы и пробуждались от той летаргии, в которую они были погружены циклом наполеоновских войн. Россия же только слегка задевалась этим новым движением, и в то время она была вынуждена принимать активное участие в мировой политике, что явно было не по ее средствам. Крымская кампания обошлась России очень дорого, и так как это была война с такими государствами, в пределах которых Россия могла заключать внешние займы, то естественно, что в это время у России оставался только один чрезвычайный рессурс для войны—выпуск кредитных билетов ради удовлетворения чрезвычайных финансовых потребностей. Вступив на этот путь, Россия была вынуждена расстаться с новою валютою и опять примириться с бумажноденежным режимом. Оффициально размен кредитных билетов был прекращен 5 ноября 1863 г., но, строго говоря, большие затруднения в размене были установлены уже в 1855 г. Так Россия распростилась с твердой валютой до 1896 года [1].

---

[1]) *Кашкаров.* Денежное обращение в России. Т. I. СПБ. 1898. В этой книге собран обширный фактический материал по реформе 1839—1843 г. г. См. также *Кауфман.* Из истории бумажных денег в России.

Бумажные деньги, появившиеся в результате прекращения размена государственных кредитных билетов, подверглись значительному обесценению, с которым правительство долго и безуспешно боролось и, в конце концов, было вынуждено пойти на девальвацию кредитного рубля в целях восстановления металлической, на этот раз золотой, валюты.

Золото появилось в русском денежном обращении свободным путем. До 1896 года оно не было в роли валютного материала, но в то же время золотые монеты, сначала иностранные, а затем русского чекана, постепенно стали приобретать в России права гражданства. При реформе 1839 года, установившей в России серебряную валюту, золото было признано товаром; казна об'явила, что она принимает золотые монеты по курсу на 3% выше номинала, т.-е. принимает империал за 10 руб. 30 коп. серебром. Такой курс был приемлем и для рынка, и мы видим, что с самого начала разменный фонд для государственных кредитных билетов, разменных на серебро, в значительной части состоял из золота, а с 50-х годов золото начинает превалировать в разменном фонде. И даже в то время, когда размеры разменного фонда сокращаются, всего менее колеблются размеры золотого запаса. Сокращение разменного фонда совершалось за счет серебра, и в конце концов серебро совсем ушло из разменного фонда, уступив место золоту. Об этом можно судить по следующим данным, в милл. руб.:

Годы.	Разменный фонд.	В том числе	
		золото	серебро
1844	35,9	11,3	22,6
1850	136,9	44,4	47,2
1855	151,7	58,4	53,6
1860	95,6	51,7	35,1
1865	82,5	47,7	7,0
1870	153,8	133,1	8,6
1875	231,2	199,7	26,6
1880	173,1	151,0	2,5
1885	171,4	170,3	1,1

Годы.	Разменный фонд.	В том числе	
		золото.	серебро.
1890	211,4	210,3	1,1
1891	281,5	210,3	1,1
1892	286,5	285,3	1,1
1893	361,5	360,3	1,1
1894	361,5	360,3	1,1
1895	351,9	350,8	1,1
1896	450,0	450,0	—
1897	500,0	500,0	—

В нашу задачу не входит рассмотрение той полосы в истории русского денежного обращения, которая захватила целый ряд десятилетий, от Крымской кампании до конца 90-х годов прошлого века. За этот период времени Россия жила в условиях неразменных бумажных денег, представленных кредитными билетами. В 60-х годах в России еще мечтали восстановить ценность государственного кредитного билета, была даже сделана попытка в этом направлении, окончившаяся неудачей, но огромные расходы по турецкой войне, в значительной мере покрытые выпусками новых масс кредитных билетов, похоронили эти мечты и обрекли русский бумажный рубль на новую девальвацию. Мысль о необходимости восстановить металлическое обращение никогда не замирала в России. Эта мысль выражалась не только в многочисленных проектах, но и в направлении экономической и финансовой политики. Нагляднее всего она выражается в постоянном росте золотого запаса, находившегося в распоряжении государства. Реформа 1896 года была продуктом долголетних усилий и многолетних приготовлений.

Втечение долгого времени в России очень горячо обсуждались коренные вопросы политики денежного обращения, которые сводились к следующим основным положениям: не лучше ли остаться с бумажным рублем? Нужна ли золотая валюта, не восстановить ли серебряное обращение? Нужна ли девальвация, не нужно ли стремиться к полному восстановлению ценности кредитного рубля? Ныне все это—область истории. Заметим только, что сторонники бумажного рубля руководились, главным образом, теми временными выгодами, которые от бумажной валюты получают отдельные общественные группы, напр., сельские хозяйства.

Количественные размеры валютной реформы определяются следующими данными. Выпуск неразменных государственных кредитных билетов достигает максимального своего предела во время русско-турецкой войны; именно, в 1878 году их было в обращении на 1.188.115 тыс. руб. Затем правительство принимает меры к сжатию билетного обращения, но временами вынуждается выпускать вновь значительные количества в оборот. В результате, на протяжении десятилетий общая масса кредитных билетов в каналах обращения определяется цифрою около 1.100 милл. руб. Накануне реформы 1896 года билетов в обращении было на 1.121 милл. руб. Этой массе билетов противостоял разменный фонд в 500 милл. руб. золотом, считая золотой рубль равным 1/10 империала. Кроме этой основной массы золота, некоторые суммы в золоте находились и в других правительственных кассах. Впоследствии эти суммы были слиты с разменным фондом и образовали золотой фонд государственного банка, перечисленный в золотые рубли по расчету—один рубль равен 1/15 старого империала.

С этой стороны реформа денежного обращения была обставлена надежным условием: металлическое обеспечение кредитных билетов уже с самого начала 90-х годов было вполне обстоятельным, оно стояло

выше той нормы, которая была установлена в 1843 году. Но было основное препятствие для реформы, которое заключалось в том, что кредитный рубль в период своей неразменности утерял значительную часть своего номинала и по отношению к золотому рублю ходил с большим дизажио. Для того, чтобы судить о лаже на золото, мы приведем данные о курсе кредитного рубля на петербургской бирже. В первой колонне будут даны сведения (средние за год) о том, сколько золотых копеек давали за кредитный рубль; во второй—сколько кредитных копеек давали за золотой рубль. Другими словами—первая колонна цифр дает сведения о дизажио кредитного рубля вторая—о лаже, или премии на золото.

Годы.	Первая колонна	Вторая колонна
1870	77,5 коп.	1 р. 29 коп.
1875	86,0 „	1 „ 16 „
1880	64,8 „	1 „ 54 „
1885	63,3 „	1 „ 57 „
1890	72,6 „	1 „ 37 „
1891	66,8 „	1 „ 49 „
1892	62,0 „	1 „ 61 „
1893	65,3 „	1 „ 53 „
1894	67,0 „	1 „ 49 „
1895	67,5 „	1 „ 48 „
1896	66,7 „	1 „ 50 „

Приведенная таблица ясно говорит о том, что обесценение кредитного рубля было долговременным и прочным. При таких условиях не было возможности стремиться к тому, чтобы путем длительной борьбы с неблагоприятными условиями поднимать курс кредитного рубля до его паритета с золотым, т.-е. с той идеальной единицей, которая является делением империала на 10. Задаваться такой целью означало бы снова поставить страну в условия постоянно колеблющейся денежной единицы и на долгое время отсрочить реформу, которая была нужна для оздоровления всей народно-хозяйственной атмосферы. В условиях, созданных долголетним и значительным обесценением кредитного рубля, приходилось ограничиваться заботою о создании возможно более устойчивого курса неразменной бумажно-денежной единицы (стабилизация курса) и, воспользовавшись такою устойчивостью, покончить с неразменностью. Иными словами, девальвация рубля была предрешена всей исторической обстановкой случая.

Здесь естественно возникает вопрос о том, куда же девался серебряный рубль, законным представителем которого и был государственный кредитный билет, получивший, при прекращении размена на серебро, принудительный курс во имя серебряного рубля? Во многих местах нашей книги мы говорили о том, что неразменные бумажные деньги, сменяющие твердую валюту, делают последнюю простым товаром. Поэтому серебряный рубль, т.-е. 405 долей чистого серебра,

сделался товаром, цена которого стала выражаться в бумажной валюте. Между серебряным рублем и кредитным билетом осталась лишь юридическая связь, которая заключалась в том, что правительство, смотревшее на неразменность, как на временное состояние, по праву могло восстановить размен на серебро, как на временно покинутую валюту. Но, за период неразменности кредитного билета, с серебром, как с товаром, случилась история, вычеркнувшая серебро из валютных материалов. Серебро стало быстро обесцениваться, как товар, его цена подвергалась непрерывным колебаниям. Такой товар всего менее подходил к роли валютного материала. Для суждения о позиции серебра на мировом рынке и влиянии этой позиции на положение серебряного рубля, мы приведем данные о цене унции стандарт-серебра в Лондоне (в пенсах) и о цене серебряного рубля, т.-е. о цене тех 405 долей чистого серебра, которые заключаются в серебряном рубле. Последняя цена будет выражена в золотых копейках. Из этих данных видна будет эволюция цен на серебро, приведшая к значительной демонетизации серебра не только в одной России.

Годы.	Цена унции серебра, в пенсах.	Цена 405 долей серебра, в золотых копейках.
1840	60 3/8	99,2
1850	60 1/16	98,7
1860	61 11/16	101,3
1870	60 9/16	99,5
1880	52 1/4	85,8
1890	47 3/4	78,4
1895	29 7/8	49,0

Таблица показывает, что серебряный рубль, на протяжении пятидесяти лет, в своем отношении к золоту превратился из рубля в полтинник. Этот факт был самым серьезным аргументом против серебряного рубля, как основы валюты.

Но правительство стало порывать с серебряным рублем еще в такое время, когда указанный аргумент не имел никакой силы. Уже в 1876 году в России был издан закон, по которому таможенные пошлины должны были взиматься золотом. Означенная мера не имела прямого отношения к денежному обращению. Она преследовала другие цели, которые заключались, во-первых, в том, чтобы путем повышения пошлин затормозить провоз иностранных товаров и тем улучшить торговый и, следовательно, расчетный баланс и, во-вторых, в том, чтобы, собирая таможенные пошлины золотом, создать металлический фонд для оплаты русских внешних займов, заключенных в металлической валюте. Повышение же таможенных пошлин заключалось в том, что пошлина, установленная в кредитных рублях, отныне должна была уплачиваться в золоте, т.-е. где было поставлено требование взноса кредитного рубля, там встало новое требование, а так как в это время кредитный рубль стоял ниже золотого,—за золотой рубль

платили 1 руб. 48 коп. кредитных,—то взимание пошлин в золоте означало, в конце концов, огульное повышение таможенного тарифа на 48% [1]). Но в отношении серебряного рубля эта мера означала то, что он как бы переставал быть законной монетной единицей. Закон 1876 года стоял в прямом противоречии с манифестом 1810 года и манифестом 1839 года. Он заключал в себе как бы аннулирование серебряного рубля, как денежной единицы.

Одновременно с взиманием таможенных пошлин золотом правительство предприняло еще ряд мер по стягиванию золота в свои руки. Тогда эти меры вызывались интересами кредитной политики, но они по существу были началом новой золотой политики русского правительства, приведшей в своем конечном результате к введению в России золотой валюты. Государственный банк в это время получил право на производство особой депозитной операции: он мог получать от частных лиц золото, русские и иностранные золотые монеты, купоны от металлических займов, иностранные банкноты, разменные на золото, ассигновки горных управлений на золото, переводные векселя—и взамен этого выдавать особые депозитные квитанции достоинством от 50 руб. до 1000 руб. Как видит читатель, данная мера во многом напоминает те депозитные билеты, которые были учреждены накануне восстановления в России серебряной валюты. Тогда при помощи депозитной операции казна собирала серебро, теперь—золото [2]). Депозитные квитанции, поступая в казенные платежи, тем самым переводили в руки правительства соответствующие количества золота. В особенно большом ходу такие квитанции были накануне золотой реформы.

Таким образом, одно из оснований будущей денежной реформы наметилось еще в 70-х годах,—правда, не по принципиальным соображениям, а в интересах государственного кредита, опиравшегося на иностранные рынки, где приходилось заключать займы в металлической валюте. Втянутая в орбиту мирового хозяйства, Россия медлеино, но неуклонно шла к установлению золотой валюты. Но другое основание реформы было еще не совсем ясно. Мы мельком указали на то, что в начале 60-х годов была сделана попытка путем восстановления свободного размена поднять упавший курс кредитного рубля. Но эта попытка окончилась полной неудачей, привела к сокращению разменного фонда и остудила желание добиться полного восстановления курса кредитного рубля.

Вопрос о том, на какой базе основать денежную реформу, был серьезно и практичеоки поставлен в 1887 году только что назначенным новым министром финансов И. А. Вышнеградским. Этот министр имел весьма решительное намерение восстановить в России металлическое обращение, и ему ясно было, что быстрое восстановление твердой валюты при тогдашнем состоянии вексельных курсов и даже на золото, возможно было только путем девальвации кредитного рубля. В этом

---

[1]) См. об этом: *Соболев, М. Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск. 1911. Стр. 417 сл. Указана литература.
[2]) Статистика дана *Кашкаровым.* Op. cit. Стр. 189.

духе Вышнеградский составил особый доклад в комитет финансов. Министр финансов указывал, что следует стремиться к упрочению курса рубля на таком уровне, на каком рубль держался сравнительно долгое время. О поднятии рубля до номинала министр не думает, так как находит это, прежде всего, трудным, а затем и нежелательным, так как в подобном случае стране снова придется переживать революцию цен. Комитет финансов согласился с доводами Вышнеградского и решительно встал на сторону девальвации. Комитет финансов находил, что восстановление полной ценности кредитного рубля потребовало бы от государственного казначейства весьма значительных жертв, а, с другой стороны, такая реформа потрясла бы весь хозяйственный уклад жизни. С поднятием ценности кредитного рубля до номинала произошло бы значительное перемещение богатств из одних рук в другие, а в связи с этим—общая пертурбация во всех имущественных отношениях. Дальнейшим неизбежным последствием было бы сокращение отпуска русских товаров заграницу и усиление привоза. А это создало бы неблагоприятные расчетные отношения и повлекло бы усиленный отлив золота за границу. Комитет финансов находил, что нужно стремиться к упрочению курса кредитного рубля в размере 1 руб. 50 коп. кредитных за 1 рубль золотом. В согласии с Вышнеградским, комитет указывал, что к реформе нужно готовиться путем накопления золотого фонда в руках правительства и к внедрению золота среди населения—путем разрешения сделок на золото в гражданском обороте[1]).

Итак, в конце 80-х годов были намечены основные условия денежной реформы. Она должна была быть введением в России золотой валюты на основе девальвации кредитного рубля в размере: за рубль золотом полтора рубля кредитных. На этом уровне кредитный рубль стоял в начале 80-х годов, но в конце декады он сильно понизился, что можно видеть из следующей таблицы, показывающей курс золотого рубля на петербургской бирже:

1880 . .	1	руб.	54	коп.	кред.	1886 . .	1	руб.	69	коп.	кред.
1881 . .	1	„	52	„	„	1887 . .	1	„	79	„	„
1882 . .	1	„	58	„	„	1888 . .	1	„	68	„	„
1883 . .	1	„	61	„	„	1889 . .	1	„	51	„	„
1884 . .	1	„	57	„	„	1890 . .	1	„	37	„	„
1885 . .	1	„	57	„	„	1891 . .	1	„	49	„	„

Как раз в 1887 году, когда вопрос о денежной реформе был поставлен на обсуждение, курс упал особенно низко. Поэтому Вышнеградскому, при всей его решительности, приходилось потратить значительные усилия, чтобы довести курс рубля до 1 руб. 50 коп. кредитных. Размеры разменного фонда, равным образом, в это время были все еще недостаточны, золота было в 1887 году на 211 милл. р.; на этом уровне разменный фонд оставался до 1891 года.

---

[1]) *Кашкаров.* Op. cit. Стр. 194—195.

Отсюда видно, что реформа еще не была подготовлена, и Вышнеградский скоро это понял, занявшись деятельной работой по подготовке преобразования денежной системы. Общие условия реформы в это время были для нее более благоприятны, нежели в 1839—1843 гг., когда в России вводилась серебряная валюта. Русское народное хозяйство уже было освобождено от цепей крепостного права, натуральное хозяйство быстро уступало место денежнокредитному, страна владела значительной сетью железных дорог, в разных местах обширной страны дымились фабричные и заводские трубы. Но было одно обстоятельство, которое мешало денежной реформе,—это обстоятельство заключалось в неблагоприятном вексельном курсе на заграницу, главным образом, на Лондон и Париж. Когда проводилась серебряная валюта, расчетный баланс России, мало тогда связанный с заграницей, был, в общем, благоприятен для России. Не то было в 80-ые годы, когда Россия была уже значительной должницей как по государственным, так и по частным долгам (железнодорожным). Внешняя задолженность заключалась в металлической валюте и, поскольку она не покрывалась вывозом товаров, ее приходилось оплачивать золотом. Россия истекала золотом, а при таком положении вещей введение золотой валюты было бы делом безнадежным. Довольно трудно было при таких условиях накапливать золотой фонд, из которого волей-неволей приходилось производить металлические платежи. Трудно было расчитывать и на то, чтобы при подобном состоянии вексельных курсов разрешение для гражданского оборота сделок на золото сопровождалось бы накоплением в каналах денежного обращения значительных количеств золота. Все могло было уйти в широкую щель, созданную неблагоприятным состоянием вексельных курсов.

С 1887 года правительство энергично приступает к осуществлению двух поставленных целей — к увеличению золотого фонда и к поддержанию вексельного курса. Для первой цели необходимо было собрать как можно более свободных средств в распоряжении государственного казначейства. А сделать это, при всех условиях, можно только одним путем — путем повышения налогов, путем ограничения в удовлетворении неотложных государственных нужд,—словом, путем построения такого государственного бюджета, при котором государственные доходы обязательно превышали бы расходы, хотя бы многие насущные нужды страны или совсем не удовлетворялись, или удовлетворялись бы в очень ограниченных размерах.

С русским государственным бюджетом, начиная с 1888 года, совершилась чудесная метаморфоза: из хронически дефицитного он сделался избыточным, так как каждый год поступления превышали расходы на значительную, временами, сумму. Путем такой бюджетной политики, неизменной как при Вышнеградском, так и при его преемнике, Витте, в руках правительства сосредоточивались значительные суммы так называемой свободной наличности государственного казначейства. Свободной наличностью государственного казначейства назывался тот остаток сумм, который получался к 1 января следующего

за отчетным года за покрытием всех не только произведенных, но и подлежащих производству расходов.

Во время управления министерством финансов Вышнеградским, исполнение государственных бюджетов за время с 1888 г. по 1891 г. дало превышение доходов в размере 206 милл. руб., в среднем около 41½ милл. руб. в год. С. Ю. Витте продолжал ту же самую политику. С 1892 года и по 1900 год остатки государственных доходов составили 450 милл. руб., т. е. около 50 милл. руб. в год. Как раз этот период охватывает момент введения золотой валюты и ее упрочения. За все это время, т. е. начиная с 1887 года, страна получает целый ряд налогов новых, а в то же время повышаются ставки старых налогов. Одновременно заключаются специальные займы для усиления золотого фонда [1]).

Упрочение вексельных курсов могло произойти в результате ряда сложных мер. Важнейшей мерой было бы создание благоприятного расчетного баланса, что представлялось делом в высшей степени трудным. К этой задаче нужно было подходить с разных сторон и разными путями. Прежде всего, нужно было уменьшить ежегодные платежи заграницу. Особенно высоки были платежи по государственным займам и по гарантированным займам, заключенным в металлической валюте. Для того, чтобы сократить платежи по государственным займам, Вышнеградский предпринял свои знаменитые конверсии займов, которые имели результатом сокращение ежегодных процентов по внешним займам, удлинение сроков займов и увеличение капитальной задолженности, т. е. конверсии арифметически увеличили задолженность, но в бюджетном отношении сократили размеры ежегодных платежей как процентов, так и погашения. Капитальная сумма долга конвертированных займов выросла с 796 милл. рублей золотых до 941 милл. Но другие условия изменились следующем образом, в милл. руб. золотых:

	Ежегодный процент.	Ежегодное погашение.	Всего ежегодных платежей.
До конверсии . . .	39,5	6,6	46,1
После „	36,9	1,7	38,6
Выгода от конверсии	2,6	4,9	7,5

Таким образом, конверсии Вышнеградского, главным образом, сократили размеры погашения государственного долга и, в общем результате, сократили размеры ежегодных выплат России заграницу золота.

Другой путь заключался в создании особенно благоприятного торгового баланса посредством всяческого сжатия привоза иностранных

[1]) См. *Дементьев*. Свободная наличность. Опыт исследования ее происхождения и употребления, всвязи с исполнением бюджетов за 1892—1911 г. СПБ. 1912;—*Боголепов*. Государственный долг. СПБ. 1910. Стр. 67 сл.;—*Боголепов*. Государственное хозяйство (1892—1903) в «Истории России в XIX в.», изд. Граната, т. 8-й, стр. 1 сл.

товаров и усиления вывоза русских товаров. Мы не будем здесь входить в подробную характеристику той экономической политики правительства, которую оно в этих целях проводило в 90-х годах прошлого века. Достаточно упомянуть, что усиление протекционизма, повышение фискальных пошлин, привлечение иностранных капиталов, поощрение вывоза путем создания особых вывозных железнодорожных тарифов, все это и многое другое вело к одной цели—к улучшению русского расчетного баланса. В эту же цель били и те займы, которые заключались или от имени правительства или под его гарантией. При помощи займов выравнивалось сальдо расчетного баланса. К этому нужно добавить энергичную валютную политику по поддержанию курса рубля и борьбу с биржевой спекуляцией, облюбовавшей рубль в качестве своего доходного об'екта.

В результате всех этих мер курс рубля сделался сравнительно устойчивым на уровне, который был намечен Вышнеградским, т.-е. 1 руб. 50 коп. за 1 руб. золотом. Другими словами—в рубле кредитном поддерживали его золотую цену в 66 коп. с дробью, как это можно видеть из приведенной выше таблицы. Предстояло позаботиться о другой половине дела—о снабжении оборота золотом. Уже давно возникал вопрос о разрешении для гражданского оборота сделок на золото. Но преждевременное разрешение таких сделок, кроме валютного вреда и народнохозяйственного ущерба, ничего не принесло бы. Нужно было создать прочные условия для того, чтобы золото задерживалось в обороте. Если подсчитать, сколько Россия получила за ряд десятилетий, предшествовавших золотой реформе, золота из внутренней добычи и путем кредитных операций и сколько этого золота она смогла удержать в своих руках, то станет ясным, что преждевременное разрешение золотых сделок ничего бы не дало в смысле валютной реформы. Вот почему долгое время приходилось довольствоваться только одной мерой—именно, взиманием золотом таможенных пошлин, что давало правительству возможность оплачивать свои заграничные металлические расходы.

Но разрешение сделок на золото является самым естественным путем снабжения оборота золотым обращением, этим естественным лажем для золотой валюты. В России, в силу указанных условий, золотые сделки были разрешены очень поздно, совсем накануне введения золотой валюты. Поэтому правительству пришлось искусственно насыщать оборот золотыми монетами, что составляет одну из характерных особенностей нашей золотой реформы.

Разрешение сделок на золото для всего гражданского оборота последовало 8 мая 1895 года. С этого времени частные лица в своих договорах могли соглашаться о суммах в золотой валюте, кредитные же билеты в таком случае принимались по курсу дня. Одновременно было разрешено выплачивать некоторые акцизы золотом. Затем было разрешено во всех случаях, когда платеж дозволено производить золотом, пользоваться депозитными квитанциями, о которых речь была выше. Наконец, в некоторых случаях казначействам было предписано выдавать

кредиторам казны золото с согласия получателей. Государственный банк получил право открывать текущие счета в золоте. Словом, золотой рубль стал шаг за шагом охватывать всю область денежного обращения. Решающим моментом было установление того курса, по которому казна принимает золотые монеты. Такой курс был установлен для империалов в 15 руб. и для полуимпериалов—в 7 руб. 50 коп. Такой курс был установлен в декабре 1895 года, и с тех пор он остался неизменным вплоть до введения полной золотой валюты. Указанный курс считался настолько прочным, что в январе следующего года последовал указ чеканить новые золотые монеты с обозначением на них легенды: 15 руб. и 7 руб. 50 коп.

Собственно говоря, этот указ 3 января 1897 года и был юридическим оформлением девальвации кредитного рубля в своеобразной форме,—своеобразной потому, что рубль кредитный остался без внешнего изменения. Но золотая монета внешне изменилась в том смысле, что на ней вместо 10 руб. стали чеканить номинал в 15 руб., тем самым приравнивая номинал к цене империальной монеты, выраженной в кредитной валюте. В империале, на котором стали чеканить „15 рублей“, содержание чистого золота, вес и проба, а также внешняя форма,—все осталось в прежнем виде. Золотой рубль возвысился в своей номинальной ценности на 50%, он явился результатом девальвации и, строго говоря, представлял собою новую денежную единицу новой валюты. Дореформенный золотой рубль представлял собою одну десятую империала, новый золотой рубль—одну пятнадцатую. Поэтому в дореформенном золотом рубле было 26,136 долей чистого золота, в новом рубле—17,424 доли. И эти 17,424 доли были равноценны золотому курсу кредитного рубля.

Таким образом, девальвация коснулась кредитного рубля: она отсекла у него значительную часть его номинала и повела к созданию новой монетной и валютной единицы—золотого рубля с содержанием чистого золота в количестве 17,424 доли. Некоторая путаница с империалами возникла из-за того, что в момент установления новой валюты и новой денежной единицы было много монет старого чекана, которые изъ-за девальвации пришлось расценивать на 50% дороже номинала. Решение чеканить золотые монеты в 15 руб. и в 7 руб. 50 коп. скоро было заменено более целесообразной мерою—чеканкой (указ 14 ноября 1897 года) золотой монеты достоинством в 5 руб. Это уже были новые золотые рубли; в старом империале их было 15.

О серебряном рубле при золотой реформе не было уже и помину. Правда, о нем много говорили в особых комиссиях, обсуждавших валютную реформу с юридической точки зрения; но с точки зрения валютной политики серебряный рубль уже не возбуждал никаких вопросов. Фактически он умер в конце 50-х годов, когда был приостановлен размен кредитных билетов, выписанных на серебро; его будущность затуманилась с конца 70-х годов, когда правительство решило взимать таможенные пошлины золотом. Наконец, память о серебряном рубле изгладилась совершенно, когда в 1897 году было указано печатать

новые кредитные билеты с обозначением, что они размениваются на золото. О серебре уже не говорилось ни слова. Рубль из серебра перешел на позицию вспомогательного денежного знака, и обозначение на серебряном кружке, что он представляет собою „рубль", относилось не к серебру, из которого кружок сделан, а к золотому рублю, во имя которого функционировал денежный знак, монета, приготовленная из серебра.

Золотой рубль в 1897 году впервые сделался валютной единицей, и тот факт, что в нем оказалось 17,424 доли золота вместо недавних 26,136 р., ничего не говорит, т.-е. этот факт не означает девальвации золотого рубля, так как золотого рубля, в качестве валютной единицы, у нас не было. Золотые же монеты у нас чеканились с самым разнообразным содержанием благородного металла. В самом начале XVIII века на золотой рубль в монете приходилось 34,39 долей золота; в самом начале XIX века—27 долей, в конце века—17,4 доли.

Возвращаясь к кредитному рублю, следует указать, что с внешней стороны он остался „рублем„, но с совершенно иным валютным значением. Кредитный рубль, как единица бумажной валюты, исчез: правительство об'явило его разменным на золото. Государственные кредитные билеты перестали быть бумажными деньгами и сделались кредитными деньгами, т.-е. простыми представителями валютных денег. Обязанность размена кредитных билетов на золото была возложена на государственный банк. Новый порядок выпуска кредитных билетов и обеспечения их размена был установлен законом 29 августа 1897 года. Этот срок обыкновенно и считают моментом введения в России золотой валюты. По закону 29 августа, „государственные кредитные билеты выпускаются государственным банком в размере, строго ограниченном насюятельными потребностями денежного обращения, под обеспечение золотом; сумма золота, обеспечивающего билеты, должна быть не менее половины общей суммы выпущенных в обращение кредитных билетов, когда последняя не превышает 600 милл. руб. Кредитные билеты, находящиеся в обращении свыше 600 милл. руб., должны быть обеспечены золотом по крайней мере рубль за рубль, так, чтобы каждым 15 рублям в кредитных билетах соответствовало обеспечение золотом на сумму не менее одного империала". Проще говоря, государственный банк мог выпустить не обеспеченных золотом кредитных билетов только на 300 милл. рублей.

Государственный банк получил подобие эмиссионного банка, с определенным эмиссионным правом. Кредитный билет получил подобие банкноты, снабженной легальным курсом. Государственному банку был передан разменный фонд, а также и другое золото, принадлежавшее казне: между прочим ему было передано золото от 3% займа 1896 года, специально выпущенного для возмещения расхода по уплате части беспроцентного долга государственного казначейства. Начиная с 1892 года, т.-е. с момента окончательной подготовки к валютной реформе при помощи займов, для этой реформы было добыто 297 милл. рублей. Разменный фонд увеличился до 575 милл.

рублей, считая на старые рубли. По новому же счету это составляет: 575 милл. +50% (или 287,5 милл.) = 862,5 милл. К этой сумме прибавилось еще золото, принадлежавшее государственному банку, а всего золотой запас составил, по новому счету, 1.131,7 милл. руб., которые и были обозначены в первом балансе эмиссионного банка, опубликованном 8 сентября 1897 года. Этой цифре в пассиве баланса значилось кредитных билетов на 1.068,7 милл. руб., т.-е. билеты были обеспечены золотом свыше требуемой по закону меры.—

Введение золотой валюты совершенно упрочило позицию русского рубля на международном рынке. Курс стал определяться в зависимости от теоретического паритета золотых единиц других стран. Мы приводим этот паритет в таблице.

В	1 рубле.	1 ф. ст.	1 фр.	1 герм. марке.	1 голл. гульд.	1 австро-венгерской кр.	1 долларе.
Рублей и копеек	1,00	9,457	0,374	0,462	0,781	0,393	1,943
Англ. пенсов	25,376	240	9,515	11,747	19,823	9.992	49,316
Франков и сант.	2,663	25.221	1,00	1,234	2,083	1,050	5,182
Герм. марок и пфен.	2,160	20,429	0,81	1,00	1,687	0,850	4,197
Гульденов и центов	1,280	12,107	0,480	0,592	1,00	0,504	2,487
Австр. крон и геллер.	2,539	24,017	0,952	1,175	1,983	1,00	4,935
Долларов и центов	0,514	4,866	0,192	0,238	0,402	0,202	1,00

Паритет, обозначенный для франка, тождествен для финской марки, итальянской лиры, румынского лева и испанской пезеты. В таблице паритетные дроби ограничены тысячными долями; на самом же деле многие паритетные дроби имеют после запятой восемь знаков, напр., в одной германской марке 46,233855 копеек.

Вексельные курсы стали вращаться вокруг этих паритетов, с уклоном в обе стороны, ограниченном так называемыми „золотыми точками". Золотые точки обозначают такое уклонение от паритета, при котором вместо векселя выгодно пересылать из страны в страну реальное золото. Расстояние от паритета до золотой точки определяется расходами, связанными с пересылкой золота [1]).

Подводя итоги сказанному о девальвации бумажных денег, мы можем установить, что в области денежного обращения девальвация являлась или средством сократить количество обращающихся бумажных денег, или способом восстановления металлического обращения. Разумеется, обе эти цели можно сочетать и провести реформу денежного обращения на основе двустепенной девальвации, т.-е. сократить количество бумажных денег и, нащупав курс новой бумажно-денежной единицы, восстановить твердую валюту. Сокращения раздутого бумажно-

---

[1]) См. об этом: „Русские биржевые ценности". Спб. 1915. Стр. 156—157.

денежного обращения при помощи девальвации возможно достигнуть двояким путем: или посредством обмена одних бумажных денег на другие с аннулированием той или иной части номинала, или, посредством узаконения курса, по которому обращаются обесцененные бумажные деньги. Разрешение сделок на золото есть уже приступ—и весьма серьезный—к девальвации.

Для существа дела безразлично, совершается ли девальвация открыто, путем издания общего закона, или процесс девальвации затемняется и затушевывается специальными финансовыми мероприятиями. В первом случае говорят о легальной (lex — закон) девальвации, во втором — о скрытой, добровольной. Так как девальвация, несомненно, является видом государственного банкротства, то понятно, что в истории разных стран она так или иначе затушевывалась. Скрытая девальвация принимает вид закона, устанавливающего прием девальвируемых бумажных денег по их биржевому курсу в подати, или в государственные займы, или в таможенные налоги. Решение принимать в таможенные налоги золото, при наличности в стране бумажных денег с принудительным курсом, представляет собою частичную девальвацию.

Девальвация создает или новую денежную единицу той же самой валюты, или она создает новую денежную единицу новой валюты. Между твердой валютой, на смену которой пришли бумажные деньги, и новой твердой валютой, которая устанавливается после девальвации бумажных денег, органической связи нет. Связь между ними может быть только исторической, т.-е. случайной.

Девальвация или приводит к совершенному уничтожению девальвируемых денег, когда последние снимаются займами или обмениваются на новые валютные деньги, или девальвация приводит к размену девальвированных денег на новую валюту, т.-е. к превращению их из бумажных в кредитные деньги.

Девальвация — технический прием. В этом смысле ее действие ограниченно. Одной девальвацией нельзя, напр. восстановить металлическую валюту. Для восстановления металлического обращения при помощи девальвации обязательно нужны все те условия, которые необходимы для восстановления размена бумажных денег путем доведения их курса до паритета с металлом. Девальвация только сокращает масштаб реформы и размеры потребных для нее материальных средств. Поэтому до сих пор девальвация была уделом экономически бедных и истощенных стран. Но если путем девальвации стремятся к введению в стране металлического обращения, то необходимы не только условия, создающие возможность такой реформы, но и условия, упрочивающие функционирование новой твердой валюты. Среди этих условий виднейшее место занимают выздоравливающее народное хозяйство, упорядоченные финансы и безоблачное политическое небо.

